СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXVII, № 4.

# ОПЫТЪ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА А. С. ПУШКИНА

## ЧАСТЬ I. ЭТИМОЛОГІЯ

## ОТДѢЛЪ I-Й. СЛОВОИЗМѢНЕНІЕ

### ВЫПУСКЪ I

### СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ

Трудъ Е. Ѳ. Будде

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1904 года. За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *А. Карпинскій.*

# Оглавленіе I-го выпуска.

Стран.

**Грамматика языка А. С. Пушкина.**

Ч. I. Этимологія. Отд. I. Словоизмѣненіе.

Стран.

# Предисловіе ко всему изданію Грамматики.

Цѣль предлагаемой вниманію читателей книги заключается въ томъ, чтобы, во-первыхъ, собрать матеріалъ для исторіи русскаго литературнаго языка, заключающійся въ сочиненіяхъ нашего первокласснаго поэта Пушкина, и опредѣлить степень участія Пушкина въ установленіи нашего литературнаго языка съ точки зрѣнія его состава, т. е. морфологіи, синтаксиса и лексикологіи. Эта цѣль—научная, а потому и матеріалъ, служащій для этой цѣли, предлагается въ такомъ обозрѣніи, которое расположено примѣнительно къ научнымъ цѣлямъ: весь матеріалъ по языку Пушкинскихъ произведеній обработанъ въ видѣ научно составленной грамматики, по которой удобно всегда навести справку относительно словоизмѣненія или словосочетанія, бывшихъ въ употребленіи Пушкина и у его современниковъ. Во-вторыхъ, настоящимъ трудомъ преслѣдовалась и цѣль практически-педагогическая: дать грамматику такого языка, который въ общемъ до сихъ поръ еще не потерялъ своего права на литературное употребленіе и до сихъ поръ еще можетъ считаться языкомъ художественной русской литературы. Съ этою цѣлью «Грамматика языка Пушкина», какъ грамматика языка образцоваго нашего писателя, съ котораго начинается наша беллетристика на художественномъ русскомъ языкѣ, должна служить для средней нашей школы критеріемъ при рѣшеніи вопроса о языкѣ ученическихъ работъ и при установленіи опредѣленныхъ требованій отъ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ школахъ. Правда, что самъ Пушкинъ невысокаго мнѣнія о своей

прозѣ, что русская проза далеко шагнула впередъ послѣ Пушкина въ сочиненіяхъ Тургенева, но зато, рядомъ съ художественной прозой Тургенева, мы имѣемъ въ сравнительно позднѣйшее время образцы такой прозы у современнаго намъ крупнѣйшаго писателя — гр. Л. Н. Толстого, которая стоитъ нисколько не выше прозы Пушкина и гораздо ниже прозы Тургенева. А потому мы еще до сихъ поръ не имѣемъ серьезныхъ основаній признавать за языкомъ Пушкина лишь историческое значеніе и ставить въ вину ученикамъ нашего времени то обстоятельство, если языкъ ихъ письменныхъ работъ будетъ подражать Пушкинскому языку.

Въ громадной массѣ случаевъ мы до сихъ поръ еще можемъ говорить: «если такъ написалъ Пушкинъ, то, значитъ, позволительно писать и намъ», несмотря на то, что насъ отдѣляетъ отъ Пушкина чуть не столѣтіе: такъ далеко впередъ шагнулъ русскій языкъ литературы подъ перомъ Пушкина и такъ глубоко и далеко захватилъ онъ границы своего развитія; съ другой стороны, такъ мало и медленно, оказывается, могъ продвинуться впередъ литературный русскій языкъ послѣ Пушкина; такъ медленно идутъ процессы развитія языка! Проза Гоголя, хотя и пережившаго Пушкина, т. е. болѣе поздняго писателя, чѣмъ Пушкинъ, является совершенно не художественной и, можно сказать, исковерканнымъ русскимъ языкомъ, въ особенности, по своему синтаксису. Слѣдовательно, Гоголемъ руководиться при преподаваніи русскаго языка невозможно. Вотъ цѣль практическая.

Теперь скажемъ о составѣ нашего труда.

Нашъ трудъ долженъ обнять собой *морфологію*, т. е. словоизмѣненіе и словообразованіе, языка Пушкина и его *синтаксисъ*, т. е. словосочетаніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ этомъ трудѣ предположено обнять весь грамматическій матеріалъ, входящій въ составъ языка Пушкина въ его произведеніяхъ, кромѣ *фонетики*, т. е. ученія о звукахъ, какъ элементахъ слова, и кромѣ *лексикологіи*, т. е. словарнаго матеріала. Поэтому нельзя

сказать, чтобы предполагаемая «Грамматика языка Пушкина» была полною, но слѣдуетъ сказать, что въ нее не включены отдѣлы фонетики и словаря не потому, чтобы авторъ предполагаемой грамматики считалъ эти отдѣлы въ какомъ-нибудь отношеніи излишними; напротивъ того, для насъ весьма важно было бы возстановить и *произношеніе* самого Пушкина, какъ произношеніе индивидуальное, имѣющее все право на вниманіе историка языка; важно было бы выяснить вопросъ, насколько французское воспитаніе и французскій языкъ повліяли на русское произношеніе великаго поэта, насколько условія тогдашней свѣтской образованности отразились на русскомъ лексиконѣ Пушкина и на его геніи, благодаря которому Пушкинъ могъ являться и являлся *дѣйствительно творцомъ* новыхъ образованій въ русскомъ языкѣ *по аналогіи* и проч., но мы, при сознаніи всей научной важности поставленныхъ выше вопросовъ, а также при важности этихъ вопросовъ для исторіи нашего образованія, къ сожалѣнію, лишены совершенно возможности рѣшить большую ихъ часть, такъ какъ они разрѣшаются изслѣдованіями въ области *фонетики* Пушкинской рѣчи, а сама ея фонетика, какъ научное изложеніе предмета, стоитъ въ зависимости отъ подлинныхъ рукописей Пушкина. Подлинныя рукописи Пушкина еще не приготовлены изданіемъ для лингвистическихъ цѣлей; онѣ еще намъ неизвѣстны въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ должны быть извѣстны лингвисту, а, слѣдовательно, до поры до времени вопросы фонетики языка Пушкина еще не могутъ быть предметомъ научной обработки. Кромѣ того, многія рукописи Пушкина сохранились не въ автографахъ самого автора, но въ копіяхъ различныхъ лицъ вплоть до писарей, которые, вѣроятно, переписывали подлинники Пушкина по заказу и не имѣли никакого понятія о томъ, насколько важна ороографія рукописи для будущей обработки вопросовъ по фонетикѣ языка извѣстнаго автора. По крайней мѣрѣ, изъ примѣчаній къ I-му тому академическаго изданія сочиненій Пушкина 1899 года, принадлежащихъ перу редактора изданія, академика Л. Н. Майкова, мы узнаемъ, что изъ

136 стихотвореній Пушкина, написанныхъ имъ въ періодъ времени отъ 1812 года до 1817 включительно, и вошедшихъ въ I-й томъ изданія подъ названіемъ «Лицейскихъ стихотвореній Пушкина» всего 41 стихотвореніе найдено пока въ *подлинныхъ автографахъ поэта*, остальныя стихотворенія этой поры дѣятельности Пушкина частью остаются до сихъ поръ неизвѣстными въ рукописяхъ, частью извѣстны по копіямъ разныхъ лицъ. Если и рукописи слѣдующихъ годовъ, послѣ 1817 года, въ такомъ же состояніи, то мы должны напередъ отказаться отъ мысли и желанія воспроизвести когда-либо во всей полнотѣ и точности языкъ самого Пушкина въ его собственномъ произношеніи за неимѣніемъ надежнаго и достаточнаго матеріала, пригоднаго для такой цѣли. Кромѣ того, слѣдуетъ сказать, что новое академическое изданіе сочиненій Пушкина опять повторяетъ собой недостатокъ прежнихъ изданій, именно, въ томъ отношеніи, что новое изданіе не имѣетъ въ виду такъ же, какъ и прежнія изданія, цѣлей *лингвистическихъ*, а только—историко-литературныя. (См. Предисловіе къ I-му тому. Стр. IX). Въ самомъ дѣлѣ, если изъ 136 №№ всего 41 сохранили намъ подлинную орѳографію Пушкина, то слѣдовало бы хотя въ концѣ книги, хотя въ «Приложеніи», издать эти 41 стихотвореніе съ дипломатической точностью, т. е. съ сохраненіемъ всѣхъ мелочей Пушкинской ороографіи: тогда, по крайней мѣрѣ, мы могли бы имѣть хоть что-либо *вѣрное* для сужденій о фонетикѣ языка Пушкина. Въ настоящемъ же изданіи ороографія вообще невыдержана, и нигдѣ не оговорено, кому эта орѳографія принадлежитъ: тому-ли, чьей рукой написана рукопись стихотворенія, редактору-ли всего изданія, или кому-либо еще другому. Противъ перваго предположенія говоритъ то, что въ стихотвореніяхъ, написанныхъ разными лицами, не замѣтно различія въ ороографіи, напротивъ, замѣтно стремленіе провести однообразную орѳографію, хотя это стремленіе и не осуществилось на пространствѣ всего 1-го тома; противъ второго предположенія говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что замѣчается разнообразная ороографія одного и

того-же слова на разныхъ страницахъ... Напр., къ изданію I-го тома сочиненій Пушкина академикъ Л. Н. Майковъ приложилъ *два снимка* съ автографовъ Пушкина, находящихся нынѣ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ подъ № 2364: одинъ снимокъ—шестая строфа изъ стих. 1814 г. «Пирующіе студенты» (8 строкъ), а другой снимокъ — стих. «Слеза» 1815 года (20 строкъ). Кромѣ того, приложенъ еще снимокъ съ рукописи Пушкина 1814 г. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (первыя три строфы и послѣдняя строфа — на двухъ снимкахъ—всего 30 строкъ). Слѣдовательно, всего приложено къ изданію 58 строкъ подлиннаго письма Пушкина. Если мы займемся сличеніемъ орѳографіи Пушкина по снимкамъ съ орѳографіей печатнаго академическаго изданія соотвѣтственныхъ сочиненій и строкъ, принадлежащихъ перу Пушкина, то увидимъ, что академическое изданіе и не имѣло въ виду сохранять орѳографію поэта при перепечаткѣ. Такъ, въ рукописи: *которой*—им. ед., а въ изданіи: *который* (стр. 54); въ ркп.: *забавной* — им. ед., а въ изданіи: *забавный*; въ ркп.: *пишешъ*, а въ изд.: *пишешь*; въ ркп.: *тосуюсь*, а въ изд.: *тасуюсь*; въ ркп.: *непроводилъ* (къ стр. 133. Примѣчанія), а въ изд.: *не проводилъ* (стр. 119); въ ркп.: *негоревалъ* (къ стр. 133 Прим.), а въ изд.: *не горевалъ* (стр. 119); въ ркп.: *алеи* (къ стр. 83 текста), а въ изд.: *аллеи* (стр. 83); въ ркп.: *съ тополомъ*, а въ изд.: *съ тополемъ*; въ ркп.: *сель*, а въ изд.: *се ль* (стр. 84). Въ ркп.: *своихъ* (къ стр. 88 текста), а въ изд.: *твоихъ* (sic! Стр. 88); въ ркп.: *вгреми*, а въ изд.: *взгреми*; въ ркп. *стройной*—им. ед., а въ изд.: *стройный*[1]). Мы уже не говоримъ о томъ, что въ подлинникѣ написаны слова: *Герою, Ратникъ, Пѣвца* (къ стр. 88 текста) съ большой буквы, между тѣмъ какъ въ изданіи всѣ эти слова здѣсь (стр. 88) напечатаны съ маленькой буквой, такъ какъ это не имѣетъ значенія для фонетики языка (равно какъ и опечатки при изданіи: *честь*

1) Окончаніе прилагательныхъ—*ой* у Пушкина обусловливается тогдашнимъ правиломъ правописанія этихъ окончаній согласно ихъ живому произношенію.

Чье же *тамъ* правописаніе это? Срв. на стр. 408 *«изчеркалъ»*— правописаніе Л. Н. Майкова?

Всѣ эти указанія на ороографію новаго изданія (академическаго) сочиненій Пушкина мы сдѣлали единственно съ тою цѣлью, чтобы представить положеніе дѣла относительно ороографіи и рукописей самого Пушкина и объяснить то обстоятельство, почему при такомъ положеніи дѣла немыслимо пока составить полную фонетику языка нашего великаго поэта. Кромѣ того, мы питаемъ надежду, что наши замѣчанія относительно орѳографіи новыхъ изданій сочиненій Пушкина, можетъ быть, окажутся небезполезными при дальнѣйшемъ веденіи дѣла изданія и будутъ приняты издателями, которые обратятъ вниманіе не только на историко-литературныя цѣли при изданіи, но и на цѣли лингвистическія. Считаемъ долгомъ сказать, что *въ тѣхъ случаяхъ*, гдѣ оказывалась возможность безъ всякихъ натяжекъ приписать произношенію Пушкина ту или другую особенность, или гдѣ фонетика его языка выступала сама собой безъ справокъ съ подлинными рукописями, тамъ мы не избѣгали и впредь не будемъ избѣгать дѣлать свои замѣчанія и заключенія объ этой сторонѣ рѣчи Пушкина. Но такихъ случаевъ, естественно, пока можетъ представиться немного. (См. наше «Введеніе». Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина). Такъ, напр., читатель нашей «Грамматики» найдетъ въ отдѣлѣ именъ существительныхъ «Замѣчанія» наши по поводу отдѣльныхъ падежныхъ формъ и окончаній, встрѣчающихся у Пушкина въ склоненіи именъ существительныхъ. Но, кромѣ этихъ «Замѣчаній», помѣщаемыхъ ниже послѣ каждаго изъ склоненій (склоненія именъ съ окончаніями муж. рода, склоненія именъ съ окончаніями женск. рода и склоненія именъ съ окончаніями средн. рода, а равно—склоненія именъ, употребляющихся только во множ. числѣ всѣхъ трехъ родовъ и склоненія неправильнаго), мы отводимъ особый отдѣлъ (Введеніе) *обозрѣнію тѣхъ данныхъ, которыя, по нашему мнѣнію, приводятъ къ заключенію о нѣкоторыхъ особенностяхъ произношенія Пушкина*: все равно, будетъ-ли то особенностью обычной

рѣчи Пушкина, или только — особенностью его стихотворной рѣчи; наконецъ, будетъ-ли то особенностью произношенія поэта въ молодые годы его литературной дѣятельности, когда его рѣчь не достигла еще той степени совершенства и, можно сказать, виртуозности, до которой она доходитъ въ зрѣлую пору его жизни и авторства, или — особенностью рѣчи Пушкина на пространствѣ всего періода его литературной дѣятельности.

При этомъ составитель предлагаемой «Грамматики» считаетъ необходимымъ здѣсь же, въ Предисловіи, опредѣлить возможно точнѣе свой взглядъ, который у него сложился при занятіяхъ языкомъ Пушкина, на языкъ нашего великаго поэта. Дѣло въ томъ, что языкъ Пушкина содержитъ въ себѣ данныя, позволяющія составителю Грамматики этого языка сдѣлать слѣдующія выводы: 1) языкъ Пушкина въ первую пору его литературной дѣятельности не отличается *существенно* отъ языка современныхъ его молодости писателей: этотъ языкъ какъ-бы сливается съ языкомъ образованнаго общества того времени (приблизительно до 1818 года) и остается на той-же степени своего литературнаго развитія, на которой мы видимъ языкъ Державина, Жуковскаго и Батюшкова; въ немъ есть и слѣды Ломоносовскихъ трудовъ. Это — языкъ русской образованной среды, прошедшей школу французскаго обученія, языкъ, который носитъ на себѣ, съ одной стороны, слѣды французскаго произношенія и французскаго словопроизводства (см. ниже: Введеніе. Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина); въ этомъ отношеніи Пушкину, какъ и другимъ образованнымъ людямъ начала XIX столѣтія, приходилось *устанавливать* обыденную русскую рѣчь для письменнаго и устнаго изложенія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было говорить и писать *по-русски*, а не по-французски; приходилось «лавировать», чтобы «не удариться въ подлость», пока Пушкинъ самъ не погрузился къ чести русскаго языка въ эту «подлость», проникши своимъ геніемъ въ ея сущность. Съ другой стороны, языкъ этого періода дѣятельности Пушкина носитъ на себѣ слѣды той работы надъ русскимъ лите-

ратурнымъ языкомъ, которая принадлежала Ломоносову, Державину, Батюшкову и Жуковскому. Вотъ почему мы найдемъ и искаженное на книжный ладъ (церковно-славянскій) произношеніе ударяемаго *е* передъ твердымъ согласнымъ и многія цсл. слова въ рѣчи Пушкина этого времени.

2) Языкъ Пушкина приблизительно съ 1818 года становится языкомъ эманципированнымъ отъ элементовъ русской рѣчи «*классиковъ*». Пушкинъ проникаетъ глубже и глубже въ лексикологію, морфологію и синтаксисъ русской народной рѣчи, и изъ всего прежняго балласта на долю языка поэзіи русской остаются лишь тѣ цсл. слова, которыя съ этихъ поръ, въ отличіе отъ чисто-русскихъ, служатъ принадлежностью *поэтической* рѣчи. Синтаксисъ-же идетъ по пути національнаго развитія и сближенія съ рѣчью чисто-русскаго человѣка значительно быстрѣе лексикологіи и морфологіи.

Вотъ эти два вывода опредѣляютъ собой и то, чѣмъ языкъ Пушкина отличается отъ языка его предшественниковъ, и то, въ чемъ языкъ Пушкина представляется устарѣвшимъ, и, наконецъ, то, насколько языкъ Пушкина представляетъ собой движеніе впередъ и насколько онъ отошелъ отъ языка XVIII столѣтія. Всѣ эти результаты изученія языка Пушкина могутъ быть *фактически* провѣрены на данныхъ, собранныхъ нами во Введеніи, и представлены нами въ самой «Грамматикѣ» языка Пушкина, въ таблицахъ склоненій и спряженій, а также въ синтаксисѣ его языка.

Мы посвятили довольно много мѣста въ своемъ Предисловіи вопросу о положеніи дѣла относительно фонетики языка Пушкина и вопросу о данныхъ для сужденія о его произношеніи. Вообще надо замѣтить, что русское произношеніе въ устахъ нашей интеллигенціи прошлаго, XVIII-го столѣтія, и начала XIX-го заслуживаетъ особеннаго изученія въ интересахъ исторіи русскаго литературнаго языка и, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ много интереснаго какъ по своему историческому значенію для освѣщенія подробностей нашего современнаго языка русской литера-

туры и нашего современнаго произношенія, такъ и по своему значенію для опредѣленія составныхъ элементовъ русскаго литературнаго языка прошлыхъ временъ. (Наши соображенія по этому вопросу изложены во Введеніи).

Теперь перейдемъ къ оставшемуся у насъ вопросу о словарѣ языка Пушкина. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что задача составителя Грамматики и задача составителя словаря языка Пушкина—двѣ разныя задачи, и обѣ одинаково представляютъ собой настоятельную нужду нашего языкознанія, но настолько обширны, каждая сама по себѣ, что онѣ—не подъ силу одному лицу и, въ случаѣ даже раздѣленія труда, требуютъ для своего выполненія очень продолжительнаго времени. Если путемъ справокъ въ Грамматикѣ мы должны рѣшить вопросъ, какъ измѣняется то или другое слово у Пушкина, какое управленіе или согласованіе извѣстно языку Пушкина, то Словарь его языка дастъ намъ точный отвѣтъ на вопросъ: есть-ли такое-то слово въ языкѣ Пушкина, насколько это слово было у него употребительно, является-ли оно теперь устарѣлымъ, или нѣтъ. Ясно, что какъ первый рядъ вопросовъ, такъ и второй—одинаково необходимы для исторіи нашего литературнаго языка.

Поэтому вполнѣ понятно, если при всякой ученой работѣ по Пушкинскимъ вопросамъ чувствуется недостатокъ въ этихъ подготовительныхъ трудахъ, и раздаются сѣтованія[1]) на то, что у

1) См. напр. классическій трудъ по вопросу о языкѣ Пушкина, принадлежащій перу Ѳ. Е. Корша, который на страницахъ «Извѣстій II-го Отд. А. Н.» представилъ попытку разрѣшить вопросъ о подлинности окончанія «Русалки» Пушкина въ записи Зуева на основаніи данныхъ языка и стиля Пушкина. Само собой разумѣется, что такая работа, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, именно, вслѣдствіе неподготовленности и отсутствія пособій для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, была бы непосильной для ученаго, не обладающаго такими широкими свѣдѣніями и такой памятью, какъ Ѳ. Е. Коршъ. Кому бы ни принадлежало окончаніе «Русалки» въ дѣйствительности, кто бы ни оказался авторомъ этого отрывка, записаннаго Зуевымъ, но данныя *языка* здѣсь таковы, что даютъ полное основаніе для рѣшенія вопроса объ окончаніи «Русалки» по записи Зуева, именно, въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ рѣшенъ Коршемъ. Остальные вопросы уже не входятъ въ задачу лингвиста. Если окончаніе «Русалки» въ записи Зуева и окажется *поддѣлкой* подъ Пушкина, то эту поддѣлку

насъ еще не можетъ производиться настоящая ученая работа по вопросамъ о языкѣ отдѣльныхъ писателей, о ихъ стилѣ и значеніи для исторіи нашего литературнаго языка, такъ какъ еще нѣтъ подготовленнаго научнымъ образомъ матеріала для подобныхъ работъ или, лучше сказать, еще не подготовлены надлежащимъ образомъ работы подобнаго рода. Вотъ почему особенно дороги труды II-го Отдѣленія нашей Академіи Наукъ, давшей намъ рядъ подобныхъ подготовительныхъ для исторіи русскаго литературнаго языка работъ по языку нѣкоторыхъ нашихъ писателей, напр., Державина (трудъ Я. К. Грота), отчасти Ломоносова (трудъ Будиловича и, вѣроятно, много прибавитъ къ этому уже устарѣвшему труду новый трудъ по изданію сочиненій Ломоносова академикомъ М. И. Сухомлиновымъ), отчасти Крылова. Надо откровенно сознаться, что *по отношенію къ другимъ нашимъ писателямъ, даже по отношенію къ крупнѣйшему изъ нихъ—Пушкину, еще ничего подобнаго вышеназваннымъ трудамъ въ наукѣ не имѣется* (мы не считаемъ, конечно, изданій съ цѣлями не научными, а педагогическими). Вотъ чѣмъ объясняется и наше намѣреніе, одновременно съ началомъ работы надъ ученымъ критическимъ изданіемъ сочиненій Пушкина, выполнявшейся, по порученію II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, до послѣдняго времени акад. Л. Н. Майковымъ [1]), начать обрабатывать Грамматику языка этого писателя, а равно и составленіе словаря этого языка, которое въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, ведется также по почину II-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Столѣтіе дня рожденія великаго поэта въ 1899 году ближайшимъ образомъ побудило представителей науки сосредоточиться на вопросахъ Пушкинской дѣятельности.

---

придется признать настолько искусною, что въ распоряженіи лингвистики не найдется средствъ для доказательства поддѣлки языка этого отрывка. Эти средства должны быть указаны уже другими науками. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается основная цѣль и дѣйствительное значеніе труда Ѳ. Е. Корша.

1) Нынѣ уже, къ сожалѣнію, умершимъ. Редакція дальнѣйшихъ томовъ сочиненій Пушкина поручена академику Жданову.

# Предисловіе къ 1-му выпуску.

Предлагаемый вниманію читателей I-ый выпускъ «Грамматики языка Пушкина» содержитъ въ себѣ: Введеніе. Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина, т. е. часть фонетики; отдѣлъ склоненія именъ существительныхъ, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ Пушкина (въ стихахъ и въ прозѣ), т. е. часть морфологіи; и главу объ удареніи въ нихъ. Весь отдѣлъ именъ существительныхъ, составляющій собой I-ый выпускъ Грамматики, обнимаетъ собой *склоненіе именъ существительныхъ* и *замѣчанія* къ отдѣльнымъ окончаніямъ и падежнымъ формамъ. Составитель не имѣлъ при этомъ въ виду дать полное перечисленіе всѣхъ именъ существительныхъ, извѣстныхъ изъ сочиненій Пушкина и встрѣчающихся въ нихъ,—да такой перечень и не есть дѣло «Грамматики», а дѣло словаря,—но, тѣмъ не менѣе, при составленіи Грамматики языка Пушкина желательно обхватить возможно большее число примѣровъ склоненія и спряженія для того, чтобы выводы изъ склоненія и спряженія носили совершенно опредѣленный характеръ. Наконецъ, въ Грамматикѣ должны найти себѣ мѣсто *всѣ* особенности словоизмѣненія у Пушкина и *всѣ* отклоненія отъ нынѣ употребительныхъ формъ рѣчи. Съ этою цѣлью, конечно, пришлось внимательно перечитывать по нѣскольку разъ всѣ сочиненія Пушкина, выбирая изъ нихъ подходящіе примѣры словоизмѣненія и словоупотребленія или словосочетанія. Такая выборка, при отсутствіи словаря къ Пушкинскимъ произведеніямъ, отнимала очень много времени и представляла собой очень кропотливый и скучный трудъ. Особенно непріятно дѣйствовало на составителя Грамматики то обстоятельство, что многіе грамматическіе вопросы въ ихъ изложеніи стоятъ въ тѣсной зависимости отъ исправности изданій сочиненій автора, а, именно, какъ мы

видѣли въ Предисловіи ко всей Грамматикѣ, исправностью-то я не могутъ похвастаться наши изданія сочиненій Пушкина. Кромѣ того, въ самые послѣдніе дни опубликовано извѣстіе о томъ, что проф. Шляпкину посчастливилось найти еще довольно много совершенно неизвѣстныхъ наукѣ подлинныхъ рукописей и писемъ Пушкина, а потому становится понятнымъ предположеніе составителя Грамматики Пушкинскаго языка о томъ, что новыя рукописи поэта могутъ внести и новыя данныя въ Грамматику его языка, составленную до обнародованія этихъ рукописей, и сообщить новый матеріалъ, въ особенности, для отдѣла фонетики.... Но, полагая, что и при настоящихъ условіяхъ Грамматика языка Пушкина не можетъ быть лишней ни для науки, ни для школы, а также исходя изъ убѣжденія, что легче дополнить и исправить *уже составленную* Грамматику, чѣмъ составлять ее вновь, ожидая и точныхъ *по орѳографіи* изданій сочиненій Пушкина, и обнародованія вновь найденныхъ или находимыхъ рукописей поэта, авторъ предлагаемой Грамматики рѣшился продолжать свой трудъ надъ составленіемъ Грамматики языка Пушкина, выпустивъ въ свѣтъ I-ый выпускъ—объ имени существительномъ: его склоненіе.

Почему авторъ Грамматики рѣшается отдѣльно выпустить I-ый выпускъ, а не всю Грамматику сразу, на это отвѣтомъ послужитъ простое соображеніе, что данный отдѣлъ Грамматики, составляющій собой I-ый выпускъ, какъ и другіе слѣдующіе отдѣлы—выпуски, заключаютъ въ себѣ каждый нѣчто цѣльное. Дальнѣйшіе выпуски должны заключать въ себѣ остальныя части рѣчи съ замѣчаніями теоретическаго характера. По обработкѣ всѣхъ частей рѣчи въ ихъ измѣненіи закончится I-ая часть Грамматики—словоизмѣненіе. II-ая часть будетъ посвящена словообразованію, а III-ья—словосочетанію, т. е. синтаксису языка Пушкина.

Таковы планы составителя Грамматики. Отсюда мы видимъ, что ожидать окончанія работы надъ всѣми тремя частями значило бы очень затягивать дѣло выпуска въ свѣтъ начатаго труда,

между тѣмъ какъ онъ и въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ и выпускахъ можетъ быть полезнымъ подспорьемъ при многихъ другихъ работахъ. Вотъ всѣ эти соображенія и навели на мысль насъ издавать Грамматику выпусками по мѣрѣ ихъ изготовленія и обработки, на что идетъ очень много времени вслѣдствіе того, что авторъ Грамматики можетъ посвящать лишь сравнительно немного часовъ своего времени, занятаго исполненіемъ служебныхъ обязанностей и другихъ ученыхъ работъ, вопросу составленія Грамматики языка Пушкина.

Приступая теперь къ изложенію въ подробностяхъ плана и содержанія I-го выпуска Грамматики, заключающаго въ себѣ отдѣлъ склоненія имени существительнаго въ произведеніяхъ Пушкина, прежде всего ознакомимъ читателей съ той системой расположенія матеріала и съ тѣми руководящими принципами, которыхъ мы держались въ своемъ трудѣ при раздѣленіи именъ сущ. на склоненія и при обозрѣніи матеріала.

Читатель прежде всего въ I-мъ выпускѣ Грамматики языка Пушкина найдетъ «Введеніе», которое заключаетъ въ себѣ: «Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина». Въ этомъ Введеніи читатель найдетъ сводъ всѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ языкѣ Пушкинскихъ произведеній по вопросу о собственномъ произношеніи нашего великаго поэта и которыя позволяютъ намъ, несмотря на свою скудость, нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ, совершенно до сихъ поръ не тронутый въ научныхъ работахъ о языкѣ Пушкина.

Читатель, вѣроятно, помнитъ изъ Предисловія ко всей нашей Грамматикѣ, что вопросъ о субъективномъ произношеніи Пушкина, поскольку это произношеніе обусловливается не физическими или анатомическими измѣненіями въ органѣ рѣчи Пушкина (вопросъ о такихъ измѣненіяхъ насъ здѣсь не касается, да онъ намъ и не извѣстенъ и не важенъ), а тѣмъ состояніемъ русскаго языка и русской образованности, которое засталъ Пушкинъ въ русскомъ обществѣ при выходѣ своемъ на литературное поприще

и во время его прохожденія, этотъ вопросъ далеко не безразличенъ для науки.

Если мы имѣемъ какую-либо возможность точно возстановить говоръ прошлаго времени въ лицѣ писателя, оказавшаго крупное вліяніе на развитіе нашего литературнаго языка и нашей литературы, то мы получаемъ тѣмъ самымъ возможность какъ-бы переселиться въ то время, языкъ котораго желаемъ изучить, и наглядно видимъ двѣ стадіи развитія нашего литературнаго языка: одну стадію — въ говорѣ изучаемаго писателя прошлаго времени, другую—въ современномъ намъ языкѣ, стало быть, мы видимъ ростъ нашего языка и степень его удаленія отъ прежняго состоянія. Однако, мы знаемъ, что мы должны отказаться отъ мысли точно и полно воспроизвести произношеніе самого Пушкина: у насъ нѣтъ необходимыхъ точныхъ и полныхъ данныхъ (см. выше) для этого. Тѣмъ не менѣе мы обѣщали въ Предисловіи извлечь весь матеріалъ изъ сочиненій Пушкина, тотъ, именно, матеріалъ, который, *независимо отъ состоянія печатныхъ изданій* сочиненій Пушкина, *можетъ и долженъ быть изслѣдованъ*, т. к. представляетъ собой *въ глазахъ лингвиста* такія данныя, которыя освѣщаютъ *вопросъ о значеніи Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка.* Для лингвиста было бы, по нашему мнѣнію, большимъ упущеніемъ при составленіи грамматики языка Пушкина, если бы онъ игнорировалъ весь этотъ матеріалъ, какъ бы онъ скуденъ ни былъ, и какое-бы условное значеніе онъ ни имѣлъ, и если бы лингвистъ не высказалъ своихъ сужденій по вопросу о произношеніи и составѣ языка Пушкина на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя даютъ ему несомнѣнное право не только затронуть этотъ важный вопросъ, но и приблизиться къ его рѣшенію.

Путемъ разбора этого матеріала, съ лингвистической точки зрѣнія, оказалось возможнымъ указать тѣ вліянія на Пушкина, которыя испытывали его произношеніе и его языкъ со стороны языка современнаго ему общества, съ одной стороны, и со стороны науки и образованности его времени, — съ другой. Нако-

нецъ, удалось указать и на тѣ элементы, которые вошли въ составъ языка Пушкина, благодаря его воззрѣніямъ на вопросъ о прогрессивномъ движеніи русскаго литературнаго языка и благодаря его занятіямъ русскимъ народнымъ языкомъ. Всѣ эти данныя, рисующія намъ въ общей, хотя и не законченной, картинѣ языкъ самого Пушкина съ его особенностями и оттѣнками въ произношеніи, собраны составителемъ Грамматики во Введеніи къ настоящему выпуску.

Самъ составитель Грамматики языка Пушкина смотритъ на эти данныя, какъ и на все Введеніе къ своему труду, лишь какъ на *матеріалы* для будущей полной исторіи нашего литературнаго языка въ связи съ исторіей нашего общества. Это Введеніе есть лишь *этюдъ*, заключающій въ себѣ *попытку* поставить на научную почву вопросъ о значеніи языка каждаго отдѣльнаго писателя, имѣвшаго вліяніе на ходъ нашей образованности, и дать *опытъ* научной обработки такого вопроса. Исходя изъ убѣжденія, что исторія нашего (какъ и всякаго другого) литературнаго языка не можетъ быть составлена безъ изложенія параллельной исторіи и нашего общества, составитель Грамматики языка Пушкина старался и въ самомъ языкѣ и произношеніи Пушкина отмѣтить и указать тѣ элементы языка и произношенія Пушкина, которые восходятъ по своему происхожденію къ условіямъ нашей жизни и образованности и объясняются только ими.

Такъ какъ въ объемъ грамматики всякаго языка должно входить и ученіе о звукахъ даннаго языка, т. е. отдѣлъ фонетики, то составитель настоящей Грамматики языка Пушкина считалъ частью предпринятой имъ на себя задачи — дать общій обзоръ тѣхъ данныхъ, которыя входятъ въ фонетику языка Пушкина; и такимъ образомъ явилась статья: «Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина», составляющая Введеніе къ Грамматикѣ, и особая статья, составляющая II-ую главу: «Объ удареніи въ именахъ существительныхъ у Пушкина» (§ 22).

Въ этой статьѣ представленъ общій обзоръ удареній, извѣстныхъ Пушкину на именахъ существительныхъ, употребленныхъ

имъ въ своихъ стихотвореніяхъ; матеріаломъ для этой статьи, естественно, могли служить *только* стихотворныя произведенія Пушкина, въ которыхъ всегда можетъ быть отмѣчено и этимологическое, и ритмическое ударенія, вслѣдствіе стихотворнаго размѣра такихъ произведеній.

Авторъ Грамматики языка Пушкина не внесъ въ эту II-ую главу лишь тѣхъ удареній на именахъ существительныхъ у Пушкина, которыя обусловлены падежными окончаніями, и для которыхъ мѣсто — въ особой части, именно, въ отдѣлѣ склоненія именъ существительныхъ (см. § 7. «Объ удареніи въ падежныхъ формахъ склоненія на *-ъ, -ь, -й*». Стр. 37 и слѣд.).

Ученіе объ удареніи, такимъ образомъ, должно составиться изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ главъ, излагающихъ удареніе у Пушкина въ послѣдовательномъ порядкѣ частей рѣчи: ученіе о склоненіи именъ существительныхъ заканчивается общимъ сводомъ данныхъ объ удареніи на именахъ существительныхъ у Пушкина, ученіе о склоненіи именъ прилагательныхъ также будетъ заканчиваться главой, представляющей общій сводъ данныхъ объ удареніи на именахъ прилагательныхъ у Пушкина и т. д., что уже будетъ помѣщено въ слѣдующихъ выпускахъ морфологіи Пушкинскаго языка, именно, — словоизмѣненія.

Самое ученіе о склоненіи именъ существительныхъ изложено по Востокову съ нѣкоторыми, незначительными, отступленіями отъ его системы, о которыхъ будетъ сказано ниже. Авторъ предлагаемой Грамматики языка Пушкина чувствовалъ особенное затрудненіе при изложеніи вопроса о распредѣленіи именъ существительныхъ по склоненіямъ. Извѣстно, что этотъ вопросъ представляетъ особенно слабый пунктъ нашихъ научныхъ сочиненій по грамматикѣ русскаго языка: наши сочиненія по грамматикѣ современнаго намъ литературнаго языка и наши учебники русской грамматики отличаются, именно, тѣмъ недостаткомъ, что первыя совершенно не затрогиваютъ этого вопроса, обходя его или молчаніемъ, или удерживая при распредѣленіи именъ существительныхъ по склоненіямъ историческое дѣленіе *по основамъ* именъ

существительныхъ, при чемъ понятіе объ основѣ выводится изъ историко-сравнительнаго изученія родственныхъ русскому языковъ; вторые-же, т. е. учебники русской грамматики, страдаютъ почти всѣ тѣмъ недостаткомъ, что они стараются приноровить грамматику русскаго языка, языка *живого* и современнаго намъ, въ ея изложеніи къ грамматикамъ древнихъ классическихъ языковъ, и потому эти учебники, строго говоря, излагаютъ законы языка и его матеріалъ не въ ихъ дѣйствительномъ современномъ видѣ, а въ томъ видѣ, который представляется уже давно отжившимъ. Такимъ образомъ, въ результатѣ получается грамматика *не живого*, современнаго намъ, русскаго языка, а грамматика церковно-русскаго книжнаго языка, построенная на началахъ, уже отжившихъ въ языкѣ. Это приноровленіе нашей грамматики по методу обработки матеріала и по изложенію къ грамматикамъ мертвыхъ классическихъ языковъ не оправдывается, по нашему мнѣнію, никакими серьезными научными основаніями: въ этомъ приноровленіи можно видѣть практическія какія-либо соображенія составителей учебниковъ или уступку положенію дѣла преподаванія въ нашей школѣ и проч., но никакъ нельзя ни по какимъ соображеніямъ оправдывать такого метода изложенія и объясненія матеріала современнаго намъ русскаго литературнаго языка. Главнымъ образомъ *ученіе объ основахъ* именъ существительныхъ не выдерживаетъ никакой критики, по нашему мнѣнію, въ томъ видѣ, въ какомъ это ученіе нашихъ учебниковъ служитъ будто-бы основаніемъ для распредѣленія именъ существительныхъ на склоненія *въ современномъ* намъ языкѣ. Отсюда результатъ — тотъ, что число склоненій и ихъ порядокъ въ разныхъ учебникахъ — разный, и добиться научнаго основанія здѣсь бываетъ трудно, т. к. ни число склоненій, ни ихъ порядокъ не представляютъ изъ себя *естественнаго*, т. е. научнаго, вывода изъ самыхъ фактовъ современнаго намъ русскаго языка. Академикъ Востоковъ въ этомъ отношеніи далъ русской наукѣ болѣе всѣхъ другихъ ученыхъ, указавъ на тѣ особенности нашего современнаго языка, которыя естественнымъ путемъ приводятъ насъ къ признанію

извѣстнаго количества склоненій въ русскомъ языкѣ, отличающихся другъ отъ друга тѣми признаками, которые заключаются въ самыхъ фактахъ живого русскаго языка. Буслаевъ въ своей «Русской Грамматикѣ» [1]) пошелъ вслѣдъ за Востоковымъ, удержавъ его научную систему, но вскорѣ измѣнилъ ей въ пользу уступки положенію учебнаго дѣла въ средней школѣ, т. е. классицизму, и въ слѣдующихъ изданіяхъ своей Грамматики тѣмъ самымъ испортилъ дѣло. Тѣмъ же положеніемъ нашего школьнаго дѣла и классической системы объясняется, вѣроятно, и то, что ни Востоковская Грамматика, ни Буслаевская (въ первыхъ изданіяхъ до 1874 г.) не пошли въ ходъ при преподаваніи въ школѣ. А между тѣмъ Востоковская Грамматика [2]) и его система не замѣнены до сихъ поръ никакой лучшей и болѣе научной: Востоковымъ приняты въ основаніе дѣленія именъ существительныхъ на склоненія *не тѣ основы*, которыя имѣютъ лишь историческое значеніе, и для пониманія которыхъ предполагается въ читателѣ основательное знакомство *съ исторіей языка и сравнительной фонетикой*, а *тѣ особенности, которыя дѣйствительно существуютъ въ современномъ намъ языкѣ, и для пониманія которыхъ не требуется спеціальной подготовки прежде, чѣмъ общихъ и доступныхъ всякому свѣдѣній по своему отечественному языку.*

Такимъ образомъ, ясно, что мы, составляя грамматику языка Пушкина, т. е. языка почти современной намъ литературы, должны были преслѣдовать двѣ цѣли: удобопонятность изложенія и научность обработки матеріала. Самое-же главное, что обязательно нынѣ при составленіи грамматики живого современнаго литературнаго языка, это — то, чтобы такая грамматика оперировала надъ *живыми понятіями*, надъ *живымъ матеріаломъ* и не требовала отъ читателя изученія спеціальныхъ наукъ для пониманія учебника грамматики современнаго отечественнаго языка. Само

1) «Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянской». Для среднихъ учебныхъ заведеній. М. 1874. Изд. 4-ое.

2) «Русская Грамматика». По начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Спб. 1874. Изд. 12-ое.

собой разумѣется, что во всякомъ трудѣ надо считаться съ его цѣлью, съ намѣреніями автора труда: если авторъ грамматическаго труда имѣетъ цѣлью объяснить происхожденіе, процессъ развитія, судьбу современныхъ формъ языка, то такой трудъ будетъ и по изложенію, и по задачѣ трудомъ историко-сравнительнымъ; къ нему прилагаются и особыя научныя требованія и особая мѣрка для сужденія о немъ. Но если авторъ задается цѣлью привести въ извѣстность наличный грамматическій матеріалъ, заключающійся въ языкѣ извѣстнаго писателя, не ставя своей задачей историческое изслѣдованіе этого матеріала, то въ такомъ случаѣ самое главное—это *научность системы* расположенія матеріала, и *удобопонятность* изложенія его. Научнымъ въ данномъ случаѣ, какъ и *вообще научнымъ*, при современныхъ намъ понятіяхъ и успѣхахъ науки, признается, именно, то положеніе вопроса, при которомъ совершенно отсутствуетъ элементъ произвола мысли: научное будетъ совпадать всегда съ естественностью, простотой и логичностью тѣхъ выводовъ и построеній, которые сами собой, такъ сказать, вытекаютъ изъ обозрѣваемыхъ фактовъ, заключающихъ въ себѣ, въ своихъ признакахъ, уже готовый матеріалъ или готовое основаніе для группировки своей и для необходимыхъ заключеній и обобщеній. Слѣдовательно, вся трудность для ученаго заключается въ томъ, *чтобы подмѣтить эти признаки и особенности*, которыми факты отличаются другъ отъ друга.

Востоковъ, какъ извѣстно, дѣлитъ имена существительныя по склоненію на *правильныя* (одинаково склоняемыя) и *неправильныя* (разносклоняемыя). Первыя въ им. п. ед. числа могутъ имѣть *пятнадцать* окончаній и, *по сходству другихъ падежей*, именно, род., дат. и тв. падежей ед. числа, раздѣляются *на два склоненія*. Первое склоненіе правильныхъ, или одинаково склоняемыхъ, именъ существительныхъ въ им. п. ед. числа имѣетъ *десять* разныхъ окончаній и объединяется въ одной группѣ *перваго* склоненія потому, что у всѣхъ такихъ именъ род. п. ед. ч. имѣетъ окончаніе *а (я)*, дат. — *у* (ю), твор. — *омъ* (емъ).

Второе склоненіе правильныхъ, или одинаково склоняемыхъ, именъ существительныхъ въ им. п. ед. ч. имѣетъ *пять* разныхъ окончаній и объединяется въ одной группѣ *второго* склоненія потому, что у всѣхъ такихъ именъ род. п. ед. ч. имѣетъ окончаніе *ы (и)*, дат. — *ѣ (и)*, тв. — *ою (ею)* и *ью*. Въ общемъ эта система нами удержана. Отступленія заключаются въ слѣдующемъ: у Востокова имена на *-й* раздѣлены на два разряда: имена на *-й* и имена на *-й* съ предшествующимъ звукомъ *і*. Мы соединили эти имена (напр., *край* и *жребій*) въ одинъ разрядъ. Причины нашего отступленія объяснены въ примѣчаніи къ таблицѣ склоненія этихъ именъ (§ 1. Б. стр. 21 и § 3). Въ различіи окончаній при склоненіи этихъ именъ существительныхъ отражается наша современная условная орѳографія, а не этимологія. Съ этимологической точки зрѣнія эти имена (*край* и *жребій*) склоняются одинаково. Далѣе: у Востокова имена на *-о* и имена на *-е* послѣ *ж*, *ч*, *ц*, *щ* разбиты на два разряда. Мы и въ этомъ случаѣ соединили ихъ *въ одинъ* разрядъ, но съ оговоркою, что къ этому разряду, т. е. къ разряду именъ на *-о*, принадлежатъ и имена на *-е* послѣ *ж, ч, ц, щ* въ томъ случаѣ, *если они имѣютъ удареніе на -е* (напр., *лицó*, *плечó*, и под. склоняются, какъ: *селó*, *окнó* и проч.). Если же послѣднія имена на *-е* съ предшествующими *ж*, *ч*, *ц*, *щ* не имѣютъ ударенія на *-е*, то они составляютъ собой особый разрядъ (напр., *лóже*, *вѣ́че*, *полотéнце*, *сокрóвище* склоняются иначе, чѣмъ: *óзеро*, *ýтро*, *стóйло* и проч.). Въ этомъ случаѣ мы опять отмѣтили въ своемъ мѣстѣ (§§ 8 и 9) причины нашего отступленія отъ системы Востокова: и здѣсь различіе окончаній именъ, раздѣленныхъ Востоковымъ на два разряда, обусловлено орѳографіей, а не этимологіей. (Срв. твор. *плечóмъ*, *яйцóмъ* и *окнóмъ*, *селóмъ*, — съ одной стороны, — и твор. п. *полотéнцемъ*, *сокрóвищемъ* и проч. и *óзеромъ*, *ýтромъ*, *стóйломъ*, — съ другой. Современная орѳографія допускаетъ правописаніе и: *плечéмъ*, *яйцéмъ* и проч.) [1]. Такъ мы и поступили, какъ сказано

1) Слѣдовательно, принимая въ основаніе дѣленія падежныя окончанія род., дат. и твор. ед. ч. (а, у, омъ), мы получимъ общую группу словъ на *-о* и

въ примѣчаніи: имена на *-е* неударяемое послѣ *ж, ч, ц, щ* выдѣлили въ особую группу. См. § 8. Примѣчаніе на стр. 41 и таблицу *Е*.

Въ отдѣлѣ *правильнаго* склоненія, т. е. именъ существительныхъ, склоняющихся *одинаково*, болѣе отступленій отъ системы Востокова мы не нашли нужнымъ сдѣлать. Что же касается отдѣла *неправильнаго* склоненія, т. е. именъ существительныхъ, склоняющихся *разно*, то этотъ отдѣлъ пришлось видоизмѣнить потому, что у Востокова онъ представляетъ собой такія дробныя подраздѣленія, какія, по нашему мнѣнію, вовсе не слѣдуетъ вводить, т. к. отъ такихъ подраздѣленій и система дѣлается очень сложною, и цѣль не достигается; т. е. всегда возможно еще указать одинъ-другой примѣръ, который въ живомъ языкѣ представитъ то или другое отклоненіе отъ признаковъ, послужившихъ основаніемъ для подраздѣленія именъ, склоняющихся разно, на мелкія группы, и въ такомъ случаѣ дѣленіе могло бы все увеличиваться и никогда не кончиться. Мы видѣли, что Востоковъ *въ основу дѣленія* именъ существительныхъ на склоненія положилъ *окончанія род., дат. и твор. падежей ед. числа*; такихъ окончаній Востоковъ отмѣтилъ *два ряда: а (я), у (ю), омъ (емъ)*—одинъ рядъ и: *ы (и), ѣ (и), ою (ею), ію* — другой. Первый изъ этихъ рядовъ образуетъ собой группу словъ, склоняющихся *по первому склоненію*, къ которому принадлежатъ имена *муж.* и *средняго* рода, т. е. имена, оканчивающіеся въ им. п. ед. ч. на: *ъ, й, ь, о, е*. (Сюда же, конечно, принадлежатъ и имена *муж.* рода *по значенію*, но съ окончаніями *о, е*; напр., *Марко, подмастерье* и под. Такъ это сдѣлано и у насъ, лишь съ вышесказаннымъ незначительнымъ отступленіемъ). Далѣе, Востоковъ, кромѣ дѣленія по окончаніямъ род., дат. и твор. п.п. ед. ч., принялъ еще дѣленіе по окончаніямъ им. падежа ед. числа, и потому въ первое склоненіе вошло у Востокова *десять различій*, смотря по тѣмъ зву-

---

*-е* ударяемое послѣ *ж, ч, ц, щ*. Но, если принять во вниманіе и окончаніе род. п. мн. ч., то придется сюда же включить и неударяемое *е*, или изъ словъ съ такимъ *е* послѣ *ж, ч, ц, щ* составить совсѣмъ особую группу.

камъ, которые находятся передъ перечисленными окончаніями им. падежа: такъ у Востокова явились различія въ первомъ склоненіи: 1 — ъ, 2 — й, 3 — й послѣ і, 4 — ъ послѣ ж, ч, ш, щ; 5 — ь муж. р.; 6 — о, 7 — е послѣ ж, ч, ц, щ; 8—е послѣ р, л; 9 — е ударяемое послѣ *е* и ье съ удар. е; 10 — е неударяемое послѣ і и ударяемое послѣ і и ье съ неудар. е. (У насъ слиты 2 и 3 различія, 6 и 7 — слиты съ оговоркою). Второй изъ рядовъ окончаній род., дат. и твор. п. ед. ч. образуетъ собой группу словъ, склоняющихся *по второму склоненію*, къ которому принадлежатъ имена *женскаго* рода, т. е. имена, оканчивающіяся въ им. п. ед. ч. на: *а, я, ь.* (Сюда, конечно, принадлежатъ и имена *муж.* рода *по значенію*, но съ окончаніями *а, я*; напр., *воевода, судья* и проч. Въ этомъ отдѣлѣ у насъ отступленій отъ Востокова нѣтъ). Какъ мы видѣли въ первомъ склоненіи, такъ видимъ и во второмъ, что Востоковъ принялъ въ расчетъ, кромѣ падежныхъ окончаній род., дат. и твор. ед. ч., еще и окончанія имен. падежа ед. числа вмѣстѣ съ тѣми звуками, которые предшествуютъ этимъ окончаніямъ имен. падежа.

Такъ явились у Востокова *пять различій* во второмъ склоненіи: 1 — а (по общему счету это уже 11-ое различіе), 2 — я послѣ согласныхъ (по общему счету 12-ое), 3(13) — я послѣ *а, е, ѣ, ы, о, у* и — ья съ удар. я., 4(14) — я послѣ *і* и—ья съ неудар. *я*; 5(15)—ь женскаго рода. Всего 15 различій въ группѣ словъ, принадлежащихъ къ правильному склоненію: 10 различій принадлежатъ къ первому и 5 — ко второму склоненію. (Иначе: первое склоненіе—муж. и средн. рода, а второе—женскаго рода у Востокова). Значитъ, Востоковъ обошелся безъ ученія объ исторической основѣ именъ существительныхъ. Въ отдѣлѣ *правильнаго склоненія* его систему удержали и мы. Затѣмъ идутъ имена *неправильнаго* склоненія, или имена, склоняющіяся *разно.* Эту группу словъ Востоковъ (§ 27. стр. 20.) опредѣляетъ такъ: «Существительныя *разносклоняемыя* суть принимающія въ нѣкоторыхъ падежахъ другое окончаніе противъ того, какое имъ, по именительному падежу числа единственнаго, принимать слѣ-

дуетъ. Разносклоняемыя раздѣляются на два отдѣленія. Къ первому принадлежатъ существительныя *разныхъ склоненій.* Ко второму — существительныя *разныхъ окончаній»*.

Далѣе, по этому дѣленію у Востокова выходитъ: къ первому принадлежатъ: 1) 10 существительныхъ средн. рода на *мя*, 2) *дитя*, 3) *пламень, путь.* Ко второму принадлежатъ: а) съ разными окончаніями въ *ед.* числѣ: 1) *Господь.* 2) Сущ. на: *ъ, й, ь*, когда означаютъ вещество дѣлимое: *песокъ, табакъ....* 3) Сущ. съ предл. падежомъ ед. ч. на *у, ю* вмѣсто *ѣ: гробъ, домъ....* б) съ разными окончаніями во *множ.* числѣ: 1) *гренадеръ, солдатъ....* по род. п. мн. ч. 2) Сущ. на: жа, ча, ша, ща съ согласной передъ этими окончаніями: *вожжей, ханжей....* по род. падежу мн. ч. 3) Сущ. на *ня*, какъ: *спальня, пѣсня* и проч. — по род. п. мн. ч. 4) *Свекровь* и *церковь* — по дат., твор. и предл. п.п. мн. ч. 5) Сущ. на *а, я* въ им. п. мн. ч.: *рукава, хлѣба, цвѣта....* 6) Сущ. на *ья, -ьевъ...: сучья, каменья...* 7) Сущ.: *другъ, мужъ, князь* и под. 8) Сущ. *холопъ, сосѣдъ, людъ....* 9) Сущ. *око* и *ухо.* 10) Сущ. *слюна.* (Сюда же опять слово *дитя* по множ. числу). 11) Сущ. на *-ко*, кромѣ *войско* и *облако, око.* 12) Сущ. на *-янинъ, -анинъ, -ринъ, -динъ; шуринъ, хозяинъ; су́дно, ку́рица.*

Изъ всего обозрѣнія системы неправильнаго склоненія у Востокова видно, что, во-первыхъ, имъ принято здѣсь въ основаніе окончаніе им. п. ед. числа, а уже не окончанія род., дат. и твор. ед. Именно, неправильное склоненіе дѣлится у Востокова на *два* отдѣла: имена разныхъ склоненій (т. е. 1-го и 2-го) и имена разныхъ окончаній (хотя и одного — 1-го или 2-го — склоненія). Мы видѣли выше, что окончанія им. падежа ед. числа могутъ быть различны (ихъ можетъ быть или *10*, или *5*, смотря по тому, въ какомъ склоненіи: въ 1-мъ или во 2-мъ). Слѣдовательно, *окончаніемъ имен. падежа не обусловливаются вообще окончанія прочихъ падежей:* эти окончанія обусловливаются только окончаніями трехъ падежей: род., дат. и твор. ед. числа. Между тѣмъ Востоковъ въ § 27 (см. выше) уже говоритъ при раздѣленіи словъ *неправильнаго* склоненія на группы о соотвѣт-

ствіи окончанія *имен. падежа* ед. числа окончаніямъ прочихъ падежей. Значитъ, основаніе для дѣленія *неправильныхъ* именъ у Востокова другое, чѣмъ для правильныхъ. Во-вторыхъ, видно, что слишкомъ дробная система дѣленія неправильныхъ словъ (разносклоняемыхъ) ведетъ къ тому, что *одно и то же слово*, напр., *мужъ*, *князь*, *песокъ*, *табакъ*, *солдатъ*, *слюна* и мн. др. *заразъ принадлежатъ и къ правильному*, *и къ неправильному склоненію.* Почему, напр., слово *песокъ* или *табакъ* (*при обозначеніи дѣлимаго вещества*) принадлежатъ къ разносклоняемымъ, или неправильнымъ именамъ? Непонятно. Значеніе падежа есть уже дѣло синтаксиса, а не этимологіи!

Вотъ въ виду этого мы и видоизмѣнили *систему неправильнаго склоненія*, положивъ въ основу *разносклоняемыхъ* именъ существительныхъ ихъ признакъ: *измѣненіе по разнымъ склоненіямъ, т. е. частью по 1-му, частью по 2-му склоненію; затѣмъ — измѣненіе не въ окончаніяхъ, которыя могутъ принадлежать одному склоненію, т. е. первому* или *второму, а въ тѣхъ частяхъ склоняемыхъ словъ, которыя остаются при измѣненіи окончаній безъ перемѣны, т. е. измѣненіе въ основахъ именъ, при чемъ подъ основами разумѣются не историческія основы, уже не существующія нынѣ, а тѣ части склоняемаго слова, которыя останутся, если отбросить падежное окончаніе.* Напр., слово *время* имѣетъ основу *времен-*, которая остается во всѣхъ падежахъ и въ обоихъ числахъ; но падежныя окончанія род., дат. и предл. п. ед. ч. будутъ принадлежать *второму* склоненію, а окончаніе твор. п. ед. ч.—*первому*. Съ другой стороны: слово *дитя* имѣетъ двѣ разныхъ основы: *дитят-* для ед. числа и *дѣт-* для множ. числа. Окончанія же падежей у этого слова остаются всѣ принадлежащими ко *второму* склоненію. Равнымъ образомъ слова: *гражданинъ*, *ребенокъ*, *дворянинъ* и проч. мѣняютъ свои основы, какъ и слово *дитя*, именно: въ ед. числѣ: *гражданин-*, *ребенок-*, *дворянин-* и проч., а во множ.: *граждан-*, *ребят-*, *дворян-* и проч. Окончанія же падежей у нихъ принадлежатъ всѣ къ *первому* склоненію. Положивъ эти два существенные

признака *въ основу дѣленія* именъ *разносклоняемыхъ*, *неправильныхъ*, на группы склоненія, мы такимъ образомъ получили естественное подраздѣленіе словъ этого склоненія на двѣ группы:

А) Имена съ разными основами и

Б) Имена съ окончаніями разныхъ склоненій (при одинаковыхъ основахъ).

См. у насъ 3 отдѣлъ §§ 18—21. Такимъ образомъ, въ этомъ отдѣлѣ *неправильнаго* склоненія мы не избѣжали *ученія объ основахъ* склоненія, но для пониманія этихъ основъ не нужно спеціальныхъ знаній по исторіи языка и по сравнительному языкознанію. Эти основы сами собою могутъ быть получены всякимъ читателемъ. Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ мы избѣжали путаницы и излишняго мелочного дробленія. Слова: *мать* и *дочь*, какъ имѣющія одинаковыя основы для обоихъ чиселъ и одинаковыя окончанія, принадлежащія одному склоненію (второму), не составляютъ потому особой группы. Такимъ образомъ, весь отдѣлъ склоненія принялъ у насъ слѣдующій видъ:

I. Правильное склоненіе (одинаково склоняемыя имена).

1) Первое склоненіе (на *ъ*, *й*, *ь*, *о*, *е*).

§ 1. Образцы.

Таблица *А*. Имена на *-ъ* съ предшествующей согласной, кромѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*.

Таблица *Б*. Имена на *-й*.

Таблица *В*. Имена на *-ъ* съ предшествующими: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*.

Таблица *Г*. Имена на *-ь* муж. рода.

§ 2. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ именъ на *-ъ*, *-й*, *-ь*:

Таблицы А.

§ 3. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежн. формамъ:

Таблицы Б.

§ 14. Замѣчанія къ отдѣльнымъ формамъ:

Таблицы В.

§ 15. Замѣчанія къ отдѣльнымъ формамъ:

Таблицы Д.

§ 16. Склоненіе именъ существительныхъ, употребляемыхъ въ одномъ множ. числѣ. (Pluralia tantum).

§ 17. Замѣчанія къ отдѣльнымъ формамъ этихъ существительныхъ.

II. Неправильное склоненіе. (Имена сущ. разносклоняемыя).

А) Имена сущ. съ разными основами.

§ 18. Имена сущ. на *-анинъ*, *-янинъ*, *-инъ* и *-енокъ*.

Образцы.

§ 19. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія сущ. съ разными основами.

Б) Имена сущ. съ разными окончаніями, принадлежащими разнымъ склоненіямъ (первому и второму).

§ 20. Имена сущ. на *-мя*. Общая основа на *-ен-*.

Образцы.

§ 21. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ именъ сущ. на *-мя* съ основой на *-ен-*.

Этимъ параграфомъ заканчивается первая глава — склоненіе именъ существительныхъ въ языкѣ Пушкина. Вторая глава (§ 22) посвящена ударенію въ именахъ существительныхъ и представляетъ собой общій сводъ, или теорію удареній на именахъ сущ. въ стихотвореніяхъ Пушкина. Этой главой вмѣстѣ съ тѣмъ заканчивается первый выпускъ Грамматики, т. е. первый выпускъ морфологіи языка Пушкина, именно, первый выпускъ отдѣла морфологіи—словоизмѣненія. По такому же плану и въ такомъ-же порядкѣ, съ измѣненіями только въ необходимыхъ случаяхъ,

предполагаются къ обработкѣ и слѣдующіе выпуски морфологіи—словоизмѣненія: имя прилагательное, имя числительное, мѣстоименія, глаголъ и проч. Нѣкоторыя части рѣчи въ ихъ измѣненіяхъ будутъ соединены въ одномъ выпускѣ, если потребуютъ при изложеніи немного мѣста,

Заканчивая предисловіе къ I-му выпуску Грамматики языка Пушкина, авторъ позволяетъ себѣ высказать надежду, что собранные имъ матеріалы по языку нашего крупнѣйшаго писателя, сами по себѣ имѣя научную цѣну и составляя важный вкладъ въ науку о русскомъ литературномъ языкѣ, независимо отъ своей обработки въ Грамматикѣ, окажутъ многимъ лицамъ цѣнную услугу при дальнѣйшихъ занятіяхъ ихъ исторіей русскаго языка. При этомъ авторъ думаетъ, что настоящая Грамматика языка Пушкина можетъ и должна стать справочной книгой и для ученыхъ русскихъ лингвистовъ, и для преподавателей отечественнаго языка.

Въ виду-же того, что подобныя работы по языку нашихъ отдѣльныхъ писателей требуютъ массы труда, справокъ, кропотливыхъ изысканій и сопряжены съ большой затратой времени, а также въ виду того, что у насъ въ ученой литературѣ нѣтъ до сихъ поръ никакихъ образцовыхъ сочиненій-оригиналовъ по грамматикѣ языка отдѣльныхъ нашихъ писателей, оригиналовъ, которыми могъ бы во всѣхъ отдѣлахъ Грамматики руководиться авторъ, — въ виду всего этого и мы нисколько не думаемъ дать «образцовую» Грамматику языка Пушкина, и лишь представляемъ на судъ ученой критики и общества свой «*опытъ*» Грамматики, питая втайнѣ увѣренность, что намъ не поставятъ въ вину нашихъ недосмотровъ и ошибокъ въ изложеніи и расположеніи матеріала, т. к. нашимъ оправданіемъ можетъ служить до нѣкоторой степени то обстоятельство, что настоящій трудъ является *первымъ* трудомъ по грамматикѣ всего языка, извѣстнаго намъ изъ произведеній отдѣльнаго писателя, и предшествующій опытъ еще не указалъ намъ въ нашей ученой литературѣ ни образца такихъ грамматикъ, ни идеала, къ кото-

рому бы слѣдовало намъ стремиться. Поэтому всякое указаніе, имѣющее въ виду пользу дѣла и пополненіе нашего труда, а также—исправленіе нашихъ недостатковъ, будетъ принято нами съ глубокой благодарностью.

Всѣ цитаты, находящіяся въ нашемъ трудѣ и отмѣченныя въ скобкахъ при каждой формѣ Пушкинскаго языка, сдѣланы нами по изданію сочиненій Пушкина Литературнымъ Фондомъ подъ ред. П. О. Морозова. СПб. 1887 г. Семь томовъ.

Если гдѣ-либо понадобилась автору ссылка на изданіе I-го тома сочиненій Пушкина Имп. Академіи Наукъ подъ ред. Л. Н. Майкова (СПб. 1899 г.), то такая ссылка вездѣ оговорена въ нашемъ трудѣ. Также будутъ оговорены и ссылки на изданіе Академіи Наукъ слѣдующихъ томовъ соч. Пушкина.

---

# Введеніе.

## Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина.

Произношеніе автора обнаруживается не только при его жизни передъ слушателями его рѣчи и разговора, но можетъ быть до извѣстной степени точно возстановлено и послѣ его смерти по его изданнымъ произведеніямъ и собственноручнымъ рукописямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло не лично съ авторомъ, а съ его напечатанными или написанными его рукой произведеніями, дѣло возстановленія произношенія всецѣло обусловлено состояніемъ оставшагося послѣ автора матеріала. Этотъ матеріалъ можетъ быть въ двухъ видахъ: или въ автографахъ, или въ печатныхъ изданіяхъ (списки съ автографовъ другими лицами, какъ и печатныя изданія, пригодны лишь въ томъ случаѣ, если они съ дипломатической точностью сохраняютъ правописаніе самого автора). Въ томъ и другомъ случаѣ этотъ матеріалъ, т. е. произведенія автора, можетъ служить лишь условно для нашихъ заключеній о произношеніи автора. Условность значенія матеріала объясняется тѣмъ, что каждый авторъ въ значительной степени зависитъ при письменномъ изложеніи своихъ мыслей отъ того состоянія языка и системы правописанія, которыя являются для него современными. Въ исторіи нашего литературнаго языка и его произношенія были періоды неустойчивости, періоды перелома и формированія. Если писатель принадлежитъ такой эпохѣ

образованія и формированія литературнаго языка, то онъ самъ оказываетъ въ большей или меньшей степени, смотря по своимъ дарованіямъ, то или другое воздѣйствіе на языкъ современной ему литературы и, съ этой точки зрѣнія, вноситъ свой вкладъ въ сокровищницу языка, сохраняя и свою личность для потомства въ своемъ стилѣ и языкѣ. Исторіи, т. е. дальнѣйшей судьбѣ языка, принадлежитъ окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, какіе изъ этихъ вкладовъ въ языкъ останутся его собственностью и войдутъ въ употребленіе, а какіе будутъ отвергнуты; языкъ то забываетъ съ теченіемъ времени эти вклады, т. е. не пользуется ими; и это бываетъ тогда, когда въ потомствѣ мало-по-малу выходятъ изъ употребленія въ языкѣ внесенные въ него путемъ литературной дѣятельности какого-либо писателя отдѣльныя слова, обороты и т. п.; — то пользуется этими вкладами или въ ихъ полномъ составѣ, или частями, видоизмѣняя и приспособляя внесенный матеріалъ сообразно съ общимъ ходомъ культурныхъ и другихъ историческихъ условій, отражающихся всегда на состояніи общественности, быта, на нравственныхъ силахъ народа и на выразителѣ національной мысли — языкѣ. Эти общія соображенія примѣнимы къ каждому отдѣльному крупному писателю, какъ выразителю идей своего времени, и тѣмъ болѣе примѣнимы къ геніальному Пушкину, оставившему глубокій слѣдъ своей литературной дѣятельностью на общемъ дальнѣйшемъ ходѣ нашей литературы, нашей изящной словесности. Значеніе Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка тѣмъ болѣе становится выдающимся, чѣмъ болѣе мы углубляемся въ изученіе современнаго ему литературнаго русскаго языка и языка предшествовавшей ему эпохи. Передъ нами протекаетъ цѣлый рядъ вѣковъ постепеннаго развитія нашего литературнаго языка на разныхъ началахъ: мы отмѣчаемъ, въ зависимости отъ сложныхъ условій русской жизни, эпоху церковно-книжнаго характера языка нашихъ писателей, эпоху постепенной національзаціи этого языка на почвѣ сближенія его съ языкомъ чисто-русскаго народнаго быта, сближенія, составлявшаго временно результатъ смѣлыхъ попытокъ и стремленій

отдѣльныхъ писателей, затѣмъ эпоху временной денаціонализаціи, такъ сказать, нашего литературнаго языка на почвѣ сближенія съ языками болѣе культурныхъ народовъ, поочередно оказывавшихъ культурное воздѣйствіе на ходъ нашей культурной и политической исторіи, затѣмъ, наконецъ, эпоху самостоятельности нашего языка, направившагося новымъ путемъ развитія собственныхъ силъ, оказавшихся въ свѣжемъ и почти нетронутомъ видѣ въ языкѣ русскаго народа, стоявшаго, въ силу исторически-сложившихся условій, вдалекѣ отъ успѣховъ культуры нашей интеллигентной среды, нашего образованнаго общества. Исторія нашего правописанія носитъ на себѣ отпечатки всѣхъ этихъ эпохъ и служитъ намъ показателемъ зависимости словесной и письменной формы нашего слова отъ состоянія науки и образованности. Пушкинъ жилъ и дѣйствовалъ въ ту переходную эпоху, которая можетъ назваться эпохой формированія литературнаго русскаго языка на новыхъ началахъ народности, когда стали мало-по-малу рушиться старыя основы нашего языка: его церковно-книжныя и чужеземныя основы. Пушкинъ, съ одной стороны, принадлежитъ эпохѣ старой, когда настоящій русскій языкъ былъ въ пренебреженіи, а французскій считался языкомъ образованнаго общества; съ другой, — эпохѣ новой, которая была отмѣчена попытками Ломоносова, Державина и Жуковскаго сообщить русскому литературному языку новое направленіе въ смыслѣ самостоятельнаго развитія изъ источниковъ живого народнаго русскаго слова. Воспитаніе и домашняя обстановка жизни Пушкина намъ извѣстны: это барская среда съ тѣми самыми воззрѣніями на русскій народъ и его языкъ, которыя отмѣчены нашими крупнѣйшими беллетристами въ ихъ литературныхъ типахъ *Кирсанова* [1]), кн. Куракиныхъ [2]) *Гринева, Евгенія Онѣгина* и проч. Воспитаніе ихъ было ввѣрено французамъ, языкъ ихъ дѣтства былъ также французскій. Въ обществѣ былъ принятъ также языкъ французскій, который передалъ очень много словъ

1) См. «Отцы и Дѣти» Тургенева.
2) «Война и миръ». Л. Толстого.

русскому языку; слова эти должны были выражать собой тѣ понятія, которыя проникли въ русское общество въ значительномъ количествѣ послѣ французской войны и проявились въ разговорѣ прежде всего тѣхъ круговъ общества, которые увлеклись французскимъ бытомъ, французской модой и обстановкой. Все это вмѣстѣ взятое отразилось прежде всего, по отношенію къ русскому языку, на лексикологіи русской образованной рѣчи, затѣмъ захватило собой и область русскаго синтаксиса, далѣе переходило и на звуковую часть языка, въ которомъ выработалось мало-по-малу произношеніе нѣкоторыхъ словъ на иностранный ладъ, далѣе повлекло за собой и особую артикуляцію нѣкоторыхъ русскихъ звуковъ въ словахъ, принадлежащихъ русскому языку, у тѣхъ людей, которые составляли въ то время высшее литературно-образованное общество, члены коего привыкали уже съ дѣтства къ звукамъ чужой рѣчи и при пользованіи русской рѣчью безсознательно впослѣдствіи обнаруживали и въ звуковой области слѣды французскаго воспитанія. Къ этому времени мы ясно можемъ различить два особыхъ языка, бывшихъ въ употребленіи русскаго грамотнаго общества: одинъ языкъ можетъ быть условно названъ языкомъ семинаристовъ, другой — языкомъ высшаго общества. Тоническая сторона языка испытала на себѣ также извѣстное воздѣйствіе французскаго произношенія въ тѣхъ словахъ, которыя вошли въ употребленіе этого общества изъ французскаго языка. Въ результатѣ получилось и своеобразное удареніе на такихъ словахъ, то удареніе, которое, соотвѣтствуя французскому на данномъ словѣ, впослѣдствіи, при демократизаціи, такъ сказать, языка нашей литературы исчезло, замѣнилось другимъ, и нынѣ служитъ лишь, если гдѣ-либо и слышится, историческимъ указателемъ состоянія русскаго языка извѣстной эпохи. Собственно былъ и третій языкъ—языкъ простого народа, языкъ «подлой черни», который тогда можно было назвать «*языкомъ будущаго*», и который энергично преслѣдовался и презирался до поры до времени въ разговорахъ, рѣчахъ и употре-

бленіи высшаго интеллигентнаго общества конца XVIII и начала XIX столѣтія. Такова въ общемъ наброскѣ исторія нашего литературнаго языка; факты этой исторіи можно прослѣдить на произведеніяхъ нашей литературы и указать въ литературныхъ типахъ Фонъ-Визина, Пушкина, Тургенева, Грибоѣдова, Помяловскаго, Островскаго и друг. представителей всѣхъ перечисленныхъ видовъ нашего языка, а равно можно привести и свидѣтельства самихъ авторовъ о языкѣ своихъ героевъ. (У Пушкина, у Тургенева.) [1]). Пушкинъ, какъ извѣстно, принадлежалъ именно къ этому высшему обществу, и на немъ отразилось и его «проклятое воспитаніе», и всѣ его послѣдствія: онъ самъ раньше русскаго языка знаетъ французскій, пишетъ въ раннемъ дѣтствѣ стихотворенія на французскомъ языкѣ раньше, чѣмъ на русскомъ, а впослѣдствіи пересыпаетъ свою рѣчь въ обществѣ французскими фразами и словами (см. Записки А. О. Смирновой), ведетъ переписку съ друзьями и своей женой нерѣдко на французскомъ языкѣ (см. VII томъ соч. Пушкина) и въ то-же время скорбитъ душой и жалуется на то, что нашъ языкъ «бѣденъ риѳмами», что нашъ языкъ «пестрѣетъ иностранными словами», что «метафизическій русскій языкъ еще въ дикомъ состояніи», что, наконецъ, наша изящная литература задержана была въ своемъ развитіи тѣмъ, что «мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ», употребляя вообще французскій языкъ и пренебрегая русскимъ. (V т. стр. 19. 1824 годъ). Пушкинъ винитъ въ этомъ самихъ писателей (ibid.) не меньше, чѣмъ прочихъ, и такъ мѣтко характеризуетъ состояніе нашего языка и отношеніе къ нему общества:

«Сокровища родного слова, —
Замѣтятъ важные умы, —
Для лепетанія чужого

1) Срв. данныя, приведенныя изъ Пушкина, во второй главѣ, объ удареніи въ именахъ существительныхъ. Соч. Пушкина. III. 277. Соч. Л. Толстого. «Война и миръ». Изд. 10-ое. T. V. Стр. 6. 33—34. Про князя Василія авторъ говоритъ такъ: «Онъ говорилъ на томъ изысканномъ французскомъ языкѣ, на которомъ не только говорили, но и думали наши дѣды»...

Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожитъ
Одними-ль звуками піитъ?
И гдѣ жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.
. . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . . .
Поэты наши переводятъ,
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ—брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
Хорошъ россійскій Геликонъ!»
(Альбомъ Онѣгина. III. 416—417).

Это Пушкинъ писалъ, вѣроятно, въ 1827—28 годахъ, т. к. этотъ альбомъ Онѣгина составляетъ дополненіе къ VII главѣ романа, написанной въ это время. А въ 1824 году Пушкинъ писалъ: «*У насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ*»... (V. 19). Срв. «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго 1834 года.

Очерченное выше состояніе нашей литературы и языка ея свидѣтельствуетъ о томъ, что Пушкинъ жилъ и писалъ въ пе-

ріодъ формированія нашего національнаго литературнаго языка. Опредѣливъ эпоху дѣятельности Пушкина съ его же словъ, мы поймемъ, какое важное значеніе имѣла дѣятельность геніальной личности Пушкина въ исторіи нашего литературнаго языка, мы поймемъ также его свидѣтельство о томъ, что ему приходилось «создавать цѣлые обороты» въ языкѣ (V. 19), приходилось искать соотвѣтствующихъ мысли чисто-русскихъ выраженій въ Академическомъ Словарѣ (III. 245), приходилось по необходимости употреблять иностранныя слова и идти противъ своего желанія вслѣдъ за обычаемъ, модою, уступая необходимости. Насколько эта уступка времени и обстоятельствамъ была тяжела для самого Пушкина, имѣвшаго совершенно иныя представленія и иные идеалы по отношенію къ русской литературѣ и языку, видно изъ вышеприведеннаго его отзыва о «россійскомъ Геликонѣ», а также изъ его мнѣній о представителяхъ русской литературы сравнительно съ западно-европейской (см. V т. сочиненій) [1]). Отсюда ясно, что Пушкинъ, съ одной стороны, примыкалъ въ своей дѣятельности по языку къ своимъ предшественникамъ, у которыхъ мы можемъ найти значительное количество словъ и оборотовъ, а равно и случаевъ произношенія, нынѣ уже не употребительныхъ въ литературномъ языкѣ, но еще извѣстныхъ Пушкину и постоянно встрѣчающихся въ его произведеніяхъ [2]). Съ другой стороны, Пушкинъ является передъ нами, какъ и Крыловъ, новаторомъ въ литературномъ языкѣ, черпая для него формы, слова и обороты изъ языка народнаго и въ этомъ смыслѣ идя объ руку съ Крыловымъ. При посредствѣ Пушкина проникла въ русскій литературный языкъ и въ разговорный языкъ образованнаго общества масса словъ и оборотовъ, которые, благодаря быстро развившемуся чутью языка у Пушкина, вошли во всеобщее употребленіе, не производя собою страннаго впечатлѣнія и вполнѣ привившись

---

1) Эти мнѣнія собраны нами въ брошюрѣ: «Литературныя мнѣнія Пушкина». Воронежъ. 1896.

2) Напр , въ области удоренія: *музы́ка*, *пе́рсты*, *ла́вровый* и под. — у Державина и особенно у Жуковскаго, въ области словообразованія: *ви́хорь*, *вѣтръ* и проч. у нихъ-же и у Ломоносова. Это-же и у Пушкина.

къ нашему языку. Однако общая судьба вносимыхъ въ языкъ словъ такова, что они продолжаютъ жить своей *особой* жизнью въ устахъ различныхъ читателей. Кругъ читателей Пушкинскихъ произведенiй былъ особенно широкъ и великъ, а потому Пушкинъ, создавъ для себя читателей, тѣмъ самымъ пустилъ въ оборотъ и весь запасъ языка своихъ произведенiй. Среди читателей были люди, принадлежавшiе по языку къ обществу самого писателя, но были и люди, которыхъ мы по языку отличили и назвали условно «семинаристами». Запасъ языка Пушкинскихъ произведенiй проходилъ сквозь сферу различныхъ слоевъ общества и передавался въ произношенiи различныхъ индивидуумовъ. Ясное дѣло, что при такомъ положенiи языка получались разнообразные оттѣнки въ произношенiи, а этихъ оттѣнковъ было тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе было извѣстно произношенiе словъ, принадлежащихъ автору и его кругу, его обществу. Такимъ образомъ, получалось болѣе или менѣе однообразное употребленiе и произношенiе иностранныхъ словъ, внесенныхъ въ нашъ языкъ, въ одномъ кругу читателей, объединенныхъ и общими началами воспитанiя и образованiя, и общими основами мiровоззрѣнiя; въ другомъ кругу читателей неминуемо получалось на тѣхъ же основанiяхъ другое произношенiе и употребленiе такихъ словъ, и это произношенiе здѣсь, именно, въ кругахъ общества, не составлявшаго нашей аристократiи, къ которой принадлежалъ и Пушкинъ, т. е. въ кругахъ демократическихъ, создавалось на основанiи аналогiи съ тѣмъ запасомъ чисто-русскихъ словъ и звуковъ, который имѣлся въ распоряженiи этого круга людей. Такъ возникали варьянты произношенiй иностранныхъ словъ: напр., *принси́пъ* и *пры́нцыпъ* и под. [1]), смотря по тому, какому обществу они принадлежали; а

1) «*Принси́пъ*» произносилъ Павелъ Петровичъ Кирсановъ, дворянинъ стараго покроя и такого-же воспитанiя, какъ Пушкинъ, а «*пры́нципъ*» произносилъ его племянникъ, студентъ Аркадiй. Вотъ что читаемъ у Тургенева:— «Отцы и Дѣти», т. II. Изд. Маркса. 1898 г. Стр. 24. «Мы, люди стараго вѣка, мы полагаемъ, что безъ принси́повъ (Павелъ Петровичъ выговаривалъ это слово мягко, на французскiй манеръ. Аркадiй, напротивъ, произносилъ «пры́нципъ», налегая на первый слогъ), безъ принси́повъ, принятыхъ, какъ ты го-

затѣмъ общій характеръ произношенія высшаго круга съ его особымъ акцентомъ и словаремъ отражался и на чисто-русскихъ словахъ, при чемъ это ясно выразилось прежде всего на нѣкоторыхъ звукахъ, особенно на звукѣ *е*, который по-русски всегда *смягчалъ* предшествующую согласную, а по-французски вовсе не отличался этими свойствами; отсюда явились варьянты: *рандэвý* и *рандевý* въ разныхъ обществахъ; Goethe — въ высшемъ обществѣ, но *Гёте* (какъ *гнёте* по гласнымъ звукамъ) въ слояхъ съ семинарскимъ образованіемъ; *Вольтэ́ръ* и *Вольтéръ*, даже: *Вóльтеръ*; *дэтáль* и *детáль*, даже: *дéталь*; *дэмокрáтія* (и *дэмокрáція* — срв. ниже), съ одной стороны, и *демокрáтія*, — съ другой и мн. друг. Даже названія согласныхъ буквъ нашего алфавита въ произношеніи представителей разнаго воспитанія и общества звучали различно, и это традиціонно сохраняется еще и понынѣ: люди, въ семьѣ которыхъ были нерусскіе элементы въ качествѣ воспитателей и учителей, большинство нашихъ дворянъ произносятъ: *бэ*, *вэ*, *дэ*, и проч., а семинаристы и простонародье — *бе*, *ве*, *де* и проч.[1]) По свидѣтельству Тредьяковскаго и Сумарокова особое произношеніе ударяемаго *е*, какъ *ё*, передъ твердымъ согласнымъ, служило въ ихъ время признакомъ простой рѣчи[2]), и можно навѣрное утверждать, что въ произношеніи высшаго круга такой звукъ *ё* избѣгался и былъ мало извѣстенъ, п. ч. онъ принадлежалъ просторѣчію. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ звуку *ё*, надо считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что наши дворяне получали *русское образованіе*, т. е. учились грамотѣ и русскимъ предметамъ у тѣхъ-же семинаристовъ, которыхъ приглашали къ себѣ въ качествѣ учителей (см. «Недоросль» Фонъ-Визина); а эти послѣдніе учились по *церковнымъ* книгамъ и усвоили церковное произношеніе, въ которомъ нѣтъ звука *ё*.

---

воришь, на вѣру, шагу ступить, дохнуть нельзя. Vous avez changé tout cela, дай вамъ Богъ здоровья и генеральскій чинъ, а мы только любоваться будемъ, господа»... и проч.

1) См. мою статью: «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи русскаго языка». Журналъ Мин. Нар. Просв. 1898 года № 3 и 1899 г. № 5.

2) См. ibidem. 1898. № 3. Стр. 165, 163, 159.

Такимъ образомъ, языкъ высшаго общества складывался изъ элементовъ иностраннаго, французскаго, языка и элементовъ церковнаго языка; а языкъ будущаго господствующаго въ образованіи класса — демократовъ слагался изъ тѣхъ-же церковныхъ элементовъ и элементовъ просто-народнаго языка. Эти послѣдніе элементы проникали собой глубоко весь языкъ демократіи и впослѣдствіи вытѣснили даже церковный элементъ, сохранившійся только у духовенства, и то не въ домашнемъ обиходѣ. Какъ видно изъ результатовъ, характеръ демократическаго образованія возобладалъ и проникъ всюду нынѣ, даже въ слояхъ высшаго общества, замѣнивъ собою прежній аристократическій пошибъ рѣчи и вытѣснивъ собой его особенности[1]). Въ этомъ сказался судъ исторіи надъ нашимъ языкомъ, и такъ обнаружилось рѣшеніе вопроса о дальнѣйшемъ направленіи нашего литературнаго языка. Понятно, что послѣ всего сказаннаго языкъ Пушкина во всѣхъ его деталяхъ и со всѣми его особенностями пріобрѣтаетъ для насъ особый интересъ, а изображеніе этого языка въ ученой монографіи съ возможной полнотой *составляетъ собой матеріалъ для будущей общей исторіи нашего литературнаго языка*, которая явится передъ глазами науки и общества въ цѣломъ видѣ лишь послѣ того, какъ будетъ научно разработанъ языкъ каждаго изъ нашихъ крупныхъ писателей, и рѣшенъ вопросъ о томъ, какое значеніе имѣлъ каждый изъ нихъ для нашего языка.

Мы видимъ теперь, что Пушкинъ является передъ нами не особнякомъ, а въ связи съ обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ, въ связи съ обстоятельствами своего времени и съ условіями нашей образованности и нашего быта. Тѣмъ интереснѣе для насъ рѣшить вопросъ, насколько личность Пушкина была самостоятельной, и какое мѣсто принадлежитъ ему въ исторіи нашего литературнаго языка. Не слѣдуетъ при этомъ

1) См. объ этомъ пошибѣ рѣчи, кромѣ указанныхъ авторовъ (Л. Толстого и Тургенева), еще у Пушкина: III. 277. 245. 292. 293. 387. 388 и въ другихъ мѣстахъ.

забывать, что на Пушкина, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ вліяній, оказало вліяніе еще и изученіе имъ русскаго народнаго языка въ его *сѣверно-великорусскихъ говорахъ*. Это — тѣ «сѣверные звуки», о которыхъ онъ самъ говоритъ. Прежде всего мы должны считаться съ тѣмъ фактомъ при разработкѣ намѣченнаго нами вопроса, что матеріалы для сужденія о произношенія Пушкина находятся въ крайне неудовлетворительномъ состояніи: до сихъ поръ у насъ не сознана ясно необходимость издавать рукописи автора съ дипломатической точностью не только въ отношеніи содержанія, но и въ отношеніи формы, т. е. *языка и правописанія*; мы какъ будто и не подозрѣваемъ при изданіи сочиненій нашего крупнѣйшаго автора того, что должно придти время, когда понадобятся намъ данныя изъ языка автора для цѣлей изученія нашей прошлой культуры и исторіи нашего образованія. Этимъ объясняется, что лингвисты чувствуютъ себя въ затруднительномъ положеніи, когда не имѣютъ передъ собой подлинныхъ рукописей автора. Такъ и въ данномъ случаѣ, матеріалами для сужденія о произношеніи Пушкина могутъ служить во первыхъ *стихотворенія* Пушкина, гдѣ изобличителемъ произношенія является *риѳма* и *ритмъ*, т. е. созвучіе въ концѣ словъ и удареніе надъ словами. Слѣдовательно, прежде всего мы должны предупредить читателей, что будемъ пользоваться *стихотворными* произведеніями Пушкина; затѣмъ, — *иностранными словами*, которыя составляютъ лексиконъ автора и входятъ въ его языкъ съ ихъ особенными удареніями (согласно вышесказанному, согласно условіямъ времени), и съ ихъ особенностями въ употребленіи, а иногда и въ звукахъ. Эти слова берутся нами для возстановленія языка Пушкина и изъ его *прозы*. Наконецъ, въ періодъ неустановленнаго правописанія для насъ могутъ имѣть значеніе и тѣ особенности правописанія Пушкина, которыя или сохранились въ его автографахъ, или (въ случаѣ, если автографовъ не сохранилось, или ихъ нѣтъ подъ руками у лингвиста) *послѣдовательно* проведены въ печатныхъ изданіяхъ, такъ что навлекаютъ на себя подозрѣніе лингвиста въ томъ от-

ношеніи, что онѣ, противорѣча условной общепринятой орѳографіи даннаго времени, т. е. времени печатнаго изданія сочиненій автора, должны быть приписаны самому автору въ томъ случаѣ, если онѣ согласуются съ общимъ характеромъ произношенія автора и не стоятъ въ противорѣчіи съ другими данными современнаго ему языка. Посмотримъ теперь, что̀ можетъ быть извлечено нами изъ сочиненій Пушкина по данному вопросу.

*Остановимся прежде всего на риѳмахъ Пушкина.* Въ отношеніи произношенія матеріаломъ сравнительно богатымъ являются *раннія* стихотворенія Пушкина. Извѣстно, что такъ называемыя «Лицейскія» произведенія Пушкина по языку существенно отличаются отъ произведеній болѣе зрѣлаго возраста, въ которыхъ поэтъ является передъ нами уже во всеоружіи свѣдѣній, которыми онъ самъ дополнилъ пробѣлы своего «проклятаго воспитанія»: изученіе народнаго языка и народныхъ сказокъ, собираніе образцовъ народной поэзіи въ Псковской губерніи и т. п. занятія развили въ Пушкинѣ правильныя понятія о богатствѣ русскаго языка и объ отношеніи народнаго языка къ языку литературы, а занятія памятниками нашей старинной литературы открыли передъ Пушкинымъ страницы прошлой жизни нашего языка и сообщили его мыслямъ вмѣстѣ съ тѣми свѣдѣніями, которыми онъ обязанъ былъ изученію русскихъ сказокъ и пѣсенъ, настолько разнообразную и эластичную форму, что онъ въ зрѣломъ возрастѣ является передъ нами настоящимъ *виртуозомъ* въ области русскаго литературнаго языка во всѣхъ видахъ и образцахъ художественнаго творчества. Правда, своей прозой Пушкинъ не былъ доволенъ: она его не удовлетворяла, и онъ самъ писалъ: «Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Гоголь». (Соч. Пушкина. Изд. Литер. Фонда. Т. V. Стр. 135); [1]) но его стихотворныя произведенія по языку до сихъ поръ должны считаться лучшими образцами русскаго музыкальнаго и поэтиче-

1) Языкъ Гоголя извѣстенъ своими неправильностями, особенно синтактическими. Срв. ниже § 9.

скаго языка. Изъ только что приведеннаго свидѣтельства самого Пушкина видно, что онъ самъ считалъ свои стихотворенія по языку болѣе *правильными*, чѣмъ свою прозу; хотя, конечно, при этомъ намъ необходимо имѣть въ виду, что Пушкинъ самъ, какъ видно изъ его-же собственныхъ замѣтокъ и статей по вопросамъ русской грамматики, разсѣянныхъ въ V и VII томахъ его сочиненій (изд. Литер. Фонда), не былъ *ученымъ знатокомъ* языка и грамматики, но обладалъ цѣнными и обширными свѣдѣніями *практическими*, которыя онъ почерпнулъ изъ живого источника — разговорнаго языка разныхъ слоевъ общества и простого народа, а затѣмъ изъ чтенія памятниковъ древняго р. языка. Принимая во вниманіе общее жалкое состояніе науки о русскомъ языкѣ въ то время, мы должны признать, что *настоящимъ* знатокомъ языка въ то время могъ быть не теоретикъ, не кабинетный ученый, а только такой человѣкъ, какъ Пушкинъ, который въ себѣ соединялъ обширную начитанность, развитой вкусъ геніальнаго художника и смѣлый оригинальный умъ. Исходя изъ этого положенія, которое мы считаемъ неоспоримымъ въ вопросѣ о свѣдѣніяхъ по русскому языку у Пушкина, затѣмъ признавая въ немъ врожденный артистическій талантъ художника (см. по этому вопросу монографію *Стоюнина*: «Пушкинъ». СПб. 1881. Историческія Сочиненія. Ч. II.) со всѣми спутниками этого таланта, именно, съ развитымъ чувствомъ мѣры и изящнаго, съ «разборчивымъ ухомъ» и проч., мы выводимъ изъ изученія языка Пушкина, сравнивая послѣдній съ языкомъ народнымъ и языкомъ современнаго ему общества, поскольку послѣдній возстановляется изъ литературныхъ произведеній и свидѣтельствъ самихъ литераторовъ и историковъ нашего общества, то весьма важное заключеніе для исторіи нашего языка, что *Пушкинъ не составлялъ искусственно ни словъ, ни формъ, ни оборотовъ для нашего языка литературы: онъ пользовался тѣмъ живымъ матеріаломъ, который усваивалъ, собиралъ и воспринималъ въ практическомъ обиходѣ у различныхъ лицъ, съ которыми говорилъ и сталкивался.* Вотъ его самый главный источникъ, и потому Пушкинъ, какъ

свидѣтель языка своего времени, достоинъ самаго полнаго довѣрія со стороны науки, и его произведенія представляются намъ *первоисточникомъ* несомнѣнной важности для изученія и построенія исторіи нашего литературнаго языка. Этой особенностью Пушкинъ выгодно для себя выдѣляется надъ уровнемъ многихъ своихъ старшихъ современниковъ и предшественниковъ, чутье которыхъ мирилось съ искусственными формами языка. Эта наша точка зрѣнія на Пушкина и его значеніе въ исторіи языка установлена нами при научномъ изученіи языка его произведеній, а потому и его произведенія имѣютъ значеніе правдивой лѣтописи нашего языка сравнительно съ произведеніями его многихъ современниковъ (между прочимъ — Державина). Всѣ эти обстоятельства вскрыты наукой, не терпящей увлеченій и пристрастія. Изъ всего этого слѣдуетъ, что и риѳма Пушкина въ разное время свидѣтельствуетъ о наличномъ произношеніи автора или его общества въ данную эпоху, которой она принадлежитъ; равнымъ образомъ, его лексиконъ, его ударенія и обороты измѣняются по мѣрѣ его собственной эманципаціи отъ языка тогдашней интеллигенціи, и по мѣрѣ его воздѣйствія на этотъ послѣдній языкъ мѣняется и форма нашей литературной рѣчи. Такъ, напр., въ своихъ «Лицейскихъ стихотвореніяхъ» Пушкинъ очень недалеко отошелъ отъ языка и произношенія прочихъ своихъ современниковъ — поэтовъ и вообще лицъ своего круга. Въ первую пору дѣятельности Пушкина мы, напр., не встрѣтимъ у него формъ и словъ въ родѣ: *хозя́мъ* (1833 г. III. 520), *топъ* и *молвъ* (1825—26. Михайловское Псков. губ. III. 329). Въ это время и лексикологія, и произношеніе Пушкина должны были отличаться и дѣйствительно отличались отъ языка Пушкина послѣдующаго времени; устойчивость произношенія замѣчается лишь въ иностранныхъ словахъ.

Такимъ образомъ, если въ раннихъ произведеніяхъ Пушкинъ употребляетъ слово *поле́тъ* (съ произношеніемъ *е*, а не *ё*) въ риѳмѣ со словомъ *лѣтъ* (I. 17), въ риѳмѣ со сл. *бѣдъ* (I. 104) то это значитъ, что такое произношеніе было извѣстно въ его

время въ его кругу, и это наше заключеніе провѣряется и подтверждается и другими научными данными (см. нашу статью цитир. выше въ Ж. М. Н. Пр. 1898 № 3, 1899 № 5). Намъ извѣстно также и произношеніе *полётъ* у Пушкина, но, еслибы первое произношеніе не соотвѣтствовало дѣйствительному, то Пушкинъ не потерпѣлъ бы его, какъ искусственное, хотя бы и выдуманное имъ самимъ, потому что Пушкинъ былъ эстетикомъ и имѣлъ «разборчивое ухо», а главное былъ правдивымъ художникомъ-реалистомъ Равнымъ образомъ мы находимъ у него твор. п. *полéтомъ* (съ такимъ же *е*) въ риѳмѣ со *свѣтомъ* (I 47). Съ такимъ же *е* Пушкинъ знаетъ слово *ревъ* (I 362 риѳма-*левъ*) гораздо чаще, чѣмъ съ *ё*, (III 143 — *присмирѣвъ*. Срв. II. 71. та же самая риѳма и тотъ же оборотъ въ стих. «*Обвалъ*». I. 86. твор. п. *рéвомъ* — *напѣвомъ*). Съ такимъ же *е*: *алтарéмъ* (I 103 *шлéмъ*) *ярéмъ* (I 71).

Это же *е* мы имѣемъ и въ глаголахъ (см. цитир. выше нашу статью) въ окончаніи 3-го лица ед. числа — *éтъ* (не — *ётъ*); напр. *ліéтъ* (р. *одѣтъ* I. 111. 1816 г.), хотя Пушкину извѣстно и произношеніе *льётъ* (р. *пьётъ* I 112) См. нашу статью въ Ж. М. Н. Пр. 1898 № 3 Стр. 163—165. То-же *е* звучитъ и въ прич. прош. вр. стр. залога въ полной или краткой формѣ: *прельщéнный* (р. *Елéны* I. 3. 1812 г. Въ Академ. изданіи орѳографія въ этомъ мѣстѣ съ однимъ *н*: *прельщёный*. Намъ неизвѣстно, на чемъ основано это правописаніе. См. ниже); *возжéнный* (р. *Елéны* I. 3. 4). Въ Акад. изд. опять — *возжёный*[1]). Это же правописаніе сохранено и 2-мъ изданіемъ Академіи 1900 г. Стр. 6.

---

1) Для избѣжанія недоразумѣнія, въ которое могла бы быть вовлечена читающая публика правописаніемъ Академическаго изданія, подающаго поводъ къ предположенію со стороны читателя о томъ, не измѣнялъ-ли самъ Пушкинъ окончанія словъ для цѣлей *орѳографическаго совпаденія* въ окончаніяхъ риѳмующихся у него въ стихахъ словъ, считаемъ необходимымъ замѣтить, что, во-первыхъ, сама орѳографія Академическаго изданія I тома (онъ единственный пока и вышелъ въ двухъ изданіяхъ—1899 г. и 1900 г.) въ этомъ случаѣ настолько непослѣдовательна и невыдержана, что приписать ее самому Пушкину и его разумнымъ цѣлямъ или его намѣренію въ орѳографіи сдѣлать со-

То-же самое *е* звучитъ у Пушкина въ раннюю пору и въ суффиксахъ именъ прилагательныхъ, напр., *весéлой* (р. *филомéлой* I. 1. 1812 г.), *весéлый* (р. *бѣлой* I. 35. 1814 г.), *весéлый* (р. *престарѣлы* I. 41. 1814 г.), *весéлый* (р. *смѣлый* I. 45.), *весéлыхъ* (р. *посѣдѣлыхъ* I. 120. 1816 г.). *Тяжéлый* (р. *оробѣлой* I. 258 1821 г.). Этими и подобными риѳмами Пушкинъ не искажалъ языка и не навязывалъ ему чего-либо неизвѣстнаго и дикаго, искусственнаго, но выражалъ бывшее въ дѣйствительности въ то время въ интеллигентномъ кругу произношеніе. Однако въ этомъ самомъ состояніи языка нашей интеллигенціи и кроются причины недовольства Пушкина и тѣ мотивы, которые заставили его чуткую и даровитую натуру искать новыхъ путей для развитія литературнаго русскаго языка и обратиться къ совершенно инымъ источникамъ изученія русскаго языка. Намъ понятны всѣ

---

звучіе *нагляднымъ* рѣшительно невозможно, т. к. само Академич. изданіе своей орѳографіей говоритъ противъ этого (см. предисловіе къ нашей Грамматикѣ). А, во-вторыхъ, что Пушкинъ (какъ показываетъ изученіе его языка, а не его орѳографіи, которой мы въ точности не знаемъ, благодаря неточнымъ изданіямъ и благодаря сравнительно небольшому количеству *подлинныхъ автографовъ*, сохранившихся до насъ отъ самого Пушкина) *никогда не прибѣгалъ къ поддержкѣ звуковой риѳмы, звукового совпаденія въ произношеніи риѳмующихся у него словъ, путемъ орѳографическаго отождествленія этихъ словъ въ ихъ начертаніяхъ. Это весьма важно для изученія языка самого Пушкина въ его собственномъ произношеніи, слѣдовательно, важно и для исторіи самого русскаго литературнаго языка.* На этомъ основаніи мы имѣемъ право сомнѣваться въ томъ, чтобы орѳографія Академич. изданія I тома принадлежала Пушкину (да она и не совпадаетъ съ орѳографіей подлинныхъ автографовъ, приложенныхъ къ изданію. См. предисловіе наше), чтобы Пушкинъ писалъ для риѳмы—*ой* вм. *ый*, одно *н* вмѣсто двухъ *н*, чтобы онъ написалъ *«въ дивану»* (р. *«застану»*. Къ сестрѣ. 1814.) вм. *«въ диванну»* (Изд. Ефремова и Литер. Фонда) и проч. Во 2-мъ изданіи Академія уже напечатала *«въ диванну»*—стр. 12. Но по какимъ соображеніямъ? Въ остальныхъ случаяхъ орѳографія 1-го изданія сохранена, не смотря на ея непригодность для научныхъ цѣлей. О 2-мъ изданіи см. нашу статью подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка». Въ Ж. М. Н. Пр. за 1901 годъ. Свѣдѣнія объ автографахъ, послужившихъ матеріаломъ для изданія «Лицейскихъ стихотвореній» Пушкина мы почерпаемъ изъ указаній самого редактора I тома сочиненій Пушкина — академика Л. Н. Майкова въ примѣчаніяхъ къ этому тому, а также изъ сравненія подлинныхъ автографовъ, приложенныхъ къ I тому, съ печатнымъ воспроизведеніемъ ихъ по орѳографіи академич. изданія. См. наше предисловіе.

жалобы и безпощадная критика Пушкина по отношенію къ нашему языку тогдашней литературы и къ ея уровню. Намъ понятны его стремленія и жажда ломки устоевъ старой литературной школы и традицій[1]), но тѣмъ не менѣе въ молодомъ Пушкинѣ мы должны признать «ученика» тогдашнихъ корифеевъ литературы, а въ томъ числѣ и Державина, и Жуковскаго, и В. Л. Пушкина. Вотъ тѣ связи, которыми онъ былъ соединенъ со старымъ временемъ. Но «языкъ изрядной компаніи», по выраженію Тредьяковскаго, уже вскорѣ пересталъ удовлетворять художественный вкусъ Пушкина, который, обратившись къ изученію языка нашего народа и старой литературы, къ 1830-му году вноситъ коренную реформу въ нашъ старый литературный языкъ, и эта реформа была, какъ всякая геніальная реформа, проведена не только не насильственно, а даже совершенно незамѣтно, т. к. покоилась на основахъ, указанныхъ самой жизнью и естественнымъ ходомъ обстоятельствъ. Въ этомъ отношеніи крайне интересны прозаическія статьи самого Пушкина, составляющія его отвѣты на современную ему критику его произведеній и собранныя въ V томѣ его сочиненій въ изданіи Литер. Фонда, а также его письма о литературѣ и о своихъ произведеніяхъ въ VII томѣ этого изданія. Изученіе языка Пушкинскихъ произведеній приводитъ насъ къ заключенію, что Пушкинъ такъже, какъ и Крыловъ въ своихъ басняхъ, шелъ нѣкоторымъ образомъ противъ обычнаго теченія, которому сильно поддавались: Тредьяковскій, Сумароковъ, Державинъ, даже Жуковскій и Новиковъ, не выключая отсюда и Ломоносова, сдѣлавшаго уступку обычному теченію въ своемъ «высокомъ штилѣ». Оппо-

1) Критическое отношеніе къ русскому языку тогдашней интеллигенціи и литературы обнаружилось особенно сильно въ слѣдующихъ его сочиненіяхъ: Т. V. Стр. 127—128. 136. 19—20. 28—о языкѣ простого народа и объ искаженіи русскаго языка интеллигенціей, говорящей по французски. Объ исключительномъ употребленіи франц. языка въ нашихъ образованныхъ кругахъ общества, по свидѣтельству г. Лемонте. Т. V. 27—29—о вліяніи этой моды на языкъ нашихъ писателей. Слѣдствіе этого бѣдность языка нашей прозы. Срв. III. 416—417. III. 245. Также письмо къ Вяземскому—VII. 136. (№ 121).

зиція Пушкина заключалась въ томъ, что онъ въ скоромъ времени послѣ выхода своего на литературное поприще сталъ приближаться въ своемъ языкѣ къ народному русскому языку. Про Крылова можно это сказать лишь съ оговоркою относительно языка его журналовъ и другихъ сочиненій, кромѣ басенъ. Пушкинъ-же, усмотрѣвъ въ данныхъ языка русскаго народа тѣ основанія для себя, которыя помогли ему установить точку зрѣнія на языкъ тогдашней русской литературы, становится новаторомъ нашего литературнаго языка и безпощадно относится къ языку предшествовавшей и современной ему литературы. (См. его разборы языка Ломоносова, Державина и друг. въ V т. 221 225. 226. — 1834 г. Въ письмѣ къ Дельвигу отъ 8 іюня 1825 г. о Державинѣ и его языкѣ. VII т. Стр. 133. № 117 и друг.). Сумѣвъ воспользоваться коренными народными свойствами нашего языка, какъ геніальный человѣкъ и художникъ, Пушкинъ *практически*, подъ перомъ своимъ, сообщилъ всему русскому литературному языку новое направленіе на началахъ народности языка. Вслѣдствіе этого мы находимъ у Пушкина уже другую струю, проникшую въ его языкъ въ зрѣломъ возрастѣ. Это струя — *народности* и въ произношеніи, и въ лексиконѣ, и въ синтаксисѣ. Познакомившись съ живымъ говоромъ обѣихъ столицъ и прислушавшись къ нему, Пушкинъ отразилъ въ своихъ произведеніяхъ *и слѣды общерусскаго произношенія*, принадлежащаго не тѣмъ кругамъ общества, въ которыхъ вращалось наше образованное дворянство (Срв. его замѣчанія о языкѣ московскихъ просвиренъ и о московскомъ выговорѣ — V 136. Критич. Замѣтки — 1830—1831 года). Эта же струя проникла въ языкъ Пушкина и другимъ путемъ: Пушкинъ жилъ и изучалъ народный языкъ въ Псковской губерніи, *въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія*. Въ результатѣ мы видимъ на его языкѣ *и слѣды сѣверно-великорусскаго діалектическаго произношенія*. (Срв. его замѣчанія о «сѣверныхъ звукахъ»). Онъ говоритъ:

«Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой *привычный слухъ*;

Ихъ любитъ мой славянскій духъ;
*Ихъ музыкой сердечны муки*
*Усыплены;»* . . . . (III 416. 417 Курсивъ принадлежитъ мнѣ).

Въ этомъ порядкѣ мы остановимся теперь на слѣдующихъ пунктахъ: *слѣды московскаго (общерусскаго) произношенія* и *слѣды сѣв.-великор. произношенія*. Къ первымъ относятся такія риѳмы, какъ: *рогъ* — *мохъ* (I. 91. Въ этомъ случаѣ *г* = *х* при произношеніи слова *рогъ* составляетъ признакъ московскаго выговора). Далѣе, — такія написанія, которыя обнаруживаютъ собой произношеніе въ словахъ, орѳографія и этимологія которыхъ не установлена; напр., *чехлы* (I. 98). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Пушкину, вообще слабому знатоку *научной* этимологіи языка и его теоріи[1]), не было извѣстно въ точности и правописаніе и этимологія слова *чахóлъ*, а потому его правописаніе *чехлы́* обличаетъ собой и его произношеніе звука *е* узкаго послѣ *ч* въ этомъ словѣ; *разсвѣнётъ* — IV. 50, *те* = тебѣ; *тя*, *те* = тебя — IV. 50. 62. 80. 81., *кивóтъ* — IV. 57. 25. 102., *вóтчина* — IV. 95. 103., *востріё* — III. 483., *вострá* — III. 298[2]). Къ діалектическимъ признакамъ произношенія надо, по всей вѣроятности, отнести сѣверно-русскія произношенія: *днéвный* (I. 149. 222) при *дневнóй* (I. 132 и др.), *дáльный* (I. 12. 35. 98. 105. 129. III. 383. II. 119. 247. III. 565 и др.) при *дáльній* (I. 12. 53. 59. 69. 101. 176. IV. 10 и др.), *счáстливый* (I. 34. 97. и др.) при *счастли́вый* (I. 73. 104 и др.), *пуншевóй* (I. 76. 80. 148), *грошевóй* (I. 80. 161 и др.). *«на почтовы́хъ»* (I. 76. III. 360) при *«на почтóвыхъ»* (III. 372), *пуховóй* (I. 107) при *пухóвый*, (III.

1) См. филологическія разсужденія Пушкина въ письмѣ къ женѣ отъ 21-го сентября 1835 года. Онъ здѣсь пишетъ: «Бель-сёрамъ поклонъ. Какъ надобно сказать: бель-сёры, или бель-сёри? Прощай». VII. № 428. Или въ письмѣ къ И. И. Лажечникову отъ 3 ноября того же года Пушкинъ задаетъ филологическій вопросъ насчетъ слова *«хоботъ»*. VII. № 436. Также см. V. Стр. 136—о словѣ *телѣга*, *юбка*, *свадьба*, *двѣнадцать*. На стр. 135 о спряженіи глагола *«рѣшаю»* и *«рѣшу»* и т. п. въ другихъ мѣстахъ.

2) Конечно, произношенія: *те*, *тя*=тебѣ, тебя и проч. не принадлежатъ Пушкину, но заимствованы имъ у народа и внесены въ рѣчь простолюдиновъ, гдѣ этого требуетъ содержаніе произведенія.

261. 327), *«недáвной»* (род. п. ед. ч. ж. р. I. 130) при *дáвній* (I. 136), *лáвровый* (I. 165. 235) при *лаврóвый* (I. 319), *пурпурóвый* (I. 259), быть можетъ, и *надёжный* (съ *е*, не *ё* въ риѳмѣ съ *нѣжный* — I. 43. 103. 142. 145. Ср. *безнадёжной* въ риѳмѣ съ *нѣжный* — I. 351 въ 1825 году. Во всякомъ случаѣ это *е*, не *ё*, въ словѣ *надёжный* и производныхъ относится либо къ словамъ интеллигенціи, либо къ діалектическимъ, т. к. это произношеніе извѣстно понынѣ и въ народныхъ сѣв.-влкр. говорахъ); и друг.

Во многихъ случаяхъ бываетъ трудно пріурочить къ какой-либо одной мѣстности великорусскаго нарѣчія извѣстныя произношенія въ виду ихъ распространенности въ разныхъ мѣстахъ. Къ такимъ случаямъ надо отнести тѣ случаи правописанія и ударенія у Пушкина, которые несомнѣнно свидѣтельствуютъ о его собственномъ произношеніи, совпадая въ то же время съ произношеніемъ и московскимъ, и вообще сѣверно-великорусскимъ. Напр., у Пушкина есть формы им. п. мн. ч.: *лѣта* (I. 197) вин. *лѣта* (I. 211. 242. 312. 281. III. 288), но и: *лѣтá* (им. мн. I. 179), зват. мн. тоже *лѣтà* (I. 130). Послѣднюю форму съ удареніемъ на окончаніи Сумароковъ, какъ знатокъ современнаго ему московскаго говора интеллигенціи, считаетъ у Ломоносова *провинціальнымъ произношеніемъ* (Соч. *Сумарокова*. Ч. X. М. 1787 г. 2-е изд. Стр. 7). Слѣдовательно, эта форма у Пушкина можетъ быть принята также за провинціализмъ, который однако *послѣ Пушкина* освященъ общимъ употребленіемъ [1]). Равнымъ образомъ обнаруживаютъ собой произношеніе Пушкина и формы: *рыльцо* — III. 325 (вин. ед.), *сражéньи* — I. 46 (вин. мн.), *жáлы* — II. 65 (им. мн.), *чернúлы* — I. 8 (вин. мн.), *стóйлы* — II. 27 (им. мн.), *крылы* — I. 82 (вин. мн.), *чёлы* — I. 104. 109. (вин. мн.), *вёслы* — II. 15 (вин. мн.), *лыки* — II. 44 (вин. мн.), *копыты* — II. 49 (им. мн.), *лѣты* — I. 45. 272. 309 (вин. мн. Срв. выше вин. мн. отъ этого слова: *лѣта* — книжная форма), *желѣзы* — I. 219 (вин. мн.); форма *знамёна* — I.

1) См. нашу брошюру «Нѣсколько замѣтокъ изъ исторіи р. языка». Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 3. стр. 157—158 и прим.

257 и под., встрѣчающіяся у Пушкина съ окончаніемъ *а* безъ ударенія въ им. вин. мн. ч. именъ средняго рода, не противорѣчатъ нисколько сказанному выше о произношеніи Пушкина, т. к. такое написаніе, какъ *знамена* и проч. въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина еще не ручается за точность передачи въ этомъ случаѣ издателями, именно, орѳографіи самого Пушкина (мы уже видѣли, что изданія сочиненій Пушкина не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія ихъ орѳографіи, нисколько не заботясь о сохраненіи правописанія самого Пушкина), а, кромѣ того, правописаніе *знамена* и под. во всякомъ случаѣ есть правописаніе *этимологическое*, а не *фонетическое*, т. к. всѣ мы произносимъ: *знамёны*, *вёслы* и под., хотя и пишемъ *знамена*, *весла* и под. Фонетическимъ правописаніемъ, соотвѣтствующимъ произношенію Пушкина, было бы, именно, правописаніе: *знамёны*, какъ мы и видѣли выше въ словахъ: *вёслы*, *стóйлы* и проч., гдѣ мы поэтому и усматриваемъ, съ одной стороны, правописаніе *самого* Пушкина, съ другой, — его собственное произношеніе. По всей вѣроятности, эти случаи необычнаго правописанія попали въ печатное изданіе тамъ, гдѣ издатели усматривали необходимость сохраненія такого правописанія для орѳографическаго отождествленія окончаній въ риѳмующихся словахъ у Пушкина. Слѣд., кому бы даже ни принадлежало такое необычное правописаніе именъ ср. рода, оно свидѣтельствуетъ о живомъ произношеніи, существующемъ и донынѣ.

Равнымъ образомъ нужно по всѣмъ соображеніямъ, основаннымъ на фактахъ діалектологіи, допустить, что Пушкинъ, усвоилъ живое произношеніе *бре́мя* не только для имен. падежа ед. числа, но и для *родительнаго* ед. числа (см. I. 24 Стих. «Къ Натальѣ» 1814 г.

«Какъ любви *не зная бремя*
«Я живалъ да попѣвалъ». . .

Здѣсь, согласно синтаксису Пушкина, форма *бремя* можетъ быть и формою вин. ед., и формою род. ед. числа. (См. ниже,

синтаксисъ Пушкина. Дополненіе при отрицаніи *не*). Пушкинъ употреблялъ и самъ въ разговорѣ *бремя* въ род. падежѣ, какъ мы, вмѣстѣ съ народомъ, и до сихъ поръ говоримъ «*нѣтъ время*» вм. *нѣтъ времени* (Срв. обще-московское произношеніе интеллигенціи: «*мѣстóвъ нѣтъ*» вм. «*мѣстъ нѣтъ*», какъ и у простого народа). Но, если и трудно приписать Пушкину форму *бре́мя* въ род. п. ед. числа для того періода жизни, когда написано стих. «Къ Натальѣ», т. е. для 1814 года, если и придется поэтому скорѣе объяснить эту форму *бремя* формою *вин. п. ед. ч.* при глаголѣ дѣйств. залога съ отрицаніемъ *не* (этотъ оборотъ очень употребителенъ у Пушкина и впослѣдствіи), то, съ другой стороны, формы: «*на тéмѣ*» вм. *на тéмени*, а равно «*воилъ*» вм. «*вылъ*», хотя Пушкинъ и отказывается отъ нихъ, какъ отъ неправильныхъ (см. V. стр. 135), несомнѣнно принадлежали въ 1830-мъ году самому Пушкину, а усвоилъ онъ ихъ у того-же народа, при чемъ «*на тéмѣ*» могло быть извѣстно и въ говорѣ не одного простого народа. То-же можно сказать и о формахъ: *время́нъ* — II. 107. III. 303., *стремя́нъ* — III. 168 (см. соч. Пушкина V 127) и *гумя́нъ* (II. 115 и въ VII томѣ также), которыя принадлежатъ живому языку и могли принадлежать и самому Пушкину, какъ и форма *сѣмя́нъ*, донынѣ оставшаяся у насъ въ употребленіи. Все это, взятое вмѣстѣ, указываетъ намъ на то, что Пушкинъ основывался часто на живомъ произношеніи, современномъ ему, не справляясь съ грамматикой и съ грамматическими ученіями. Такое живое произношеніе, нерѣдко само видоизмѣняя старыя грамматическія формы, полагаетъ собой основаніе для новыхъ законовъ языка подъ перомъ геніальнаго творца слова и обусловливаетъ собой то жизненное движеніе языка, которое служитъ признакомъ жизни языка, и которымъ, въ свою очередь, обусловливается существованіе законовъ, дѣйствующихъ въ языкѣ *въ данную эпоху*.

Конечно, съ этой точки зрѣнія понятно, что всѣ приведенныя выше произношенія со звукомъ *е* вм. *ё* подъ удареніемъ передъ твердыми согласными составляютъ собой уже признакъ не общаго

произношенія народа, а книжнаго, литературнаго произношенія извѣстнаго только класса людей, того класса, языкъ котораго вмѣстѣ съ формами жизни отживалъ уже послѣдніе свои дни, уступая мѣсто *демократическому движенію*, охватившему всѣ устои жизни, и оставаясь принадлежностью меньшинства или принадлежностью только извѣстнаго сословія, объединеннаго однимъ родомъ занятій, напр., духовенства. Если Пушкинъ поэтому пишетъ род. мн. *селъ* (II. 278.), риѳмуя эту форму съ формою *стрѣлъ* въ 1821 году, или, если онъ риѳмуетъ произношеніе *племенъ* (I. 254) съ произношеніемъ *плѣнъ* въ томъ-же 1821 году, то это съ его стороны — уступка времени и обычаю извѣстнаго общества, обычаю, противъ котораго возстала его реформаторская натура художника впослѣдствіи времени. (Срв. *племёнъ*—II. 131, 296, хотя и не въ концѣ стиха).

Обще-великорусское произношеніе обнаружилось у Пушкина еще въ томъ, что онъ произносилъ *твердо* шипящіе *ж, ш,* но *мягко* — *ч* и *щ*. Это видно опять изъ того правописанія, которое какъ-бы случайно закралось въ изданіе сочиненій Пушкина Литературнымъ фондомъ 1887 года. Чѣмъ иначе объяснить *почти безъ отклоненій проведенное въ этомъ изданіи* правописаніе: *шóпотъ, жóнка, чóртъ* (читай: *ч'óртъ*), *чóлнъ* (см. I. 333. II 81 46. 139. III. 52. 235. IV. 324. VII. 325. II. 148. IV. 320. III. 246. II. 148. IV. 320. 321. 333. 390. VII. 183. 325. 406. I. 136. III. 567. 558. Срв. *чёлнъ* — II. 15 *чóлны* — III. 564. *чёлны*—I. 233. IV. 329—*жóнка*)[1]). Въ виду такого количества случаевъ фонетическаго правописанія этихъ словъ мы вправѣ случай написанія: *жёнка* — III. 446 — толковать, какъ не соотвѣтствующій произношенію Пушкина и попавшій по недосмотру издателя (а, можетъ быть, и самого Пушкина) въ печать. Форма «*по-шепту*» (IV. 118. 209) также указываетъ на произношеніе: она извѣстна и понынѣ въ южновеликорусскомъ народномъ про-

1) Срв. изображеніе Пушкинымъ на письмѣ *не русскаго* произношенія звука *ш* въ словѣ: «*пошёлъ*» = пошóлъ. Такъ, будто бы, говоритъ французъ Маржеретъ. См. III. 58. (Борисъ Годуновъ).

изношеніи вм. *по шо́поту*. Равнымъ образомъ формы: *причетъ* (IV. 134), *причетомъ* (IV. 136) извѣстны Пушкину изъ живого произношенія, которое онъ усвоилъ въ свое время, вмѣсто нынѣшнихъ *причтъ*, *причтомъ* и проч., при которыхъ Пушкинскія формы уже кажутся неупотребительными и устарѣвшими. Форма *молдава́нъ* вм. *молдава́нинъ* у Пушкина тоже была собственностью его лексикона и подслушана имъ въ живомъ употребленіи. Я помню свое дѣтство, проведенное въ Москвѣ съ перваго года жизни до 20-ти лѣтняго возраста, когда я самъ употреблялъ и слышалъ въ Москвѣ слово *молдава́нъ* вм. *молдава́нинъ* и прил. *молдава́нскій* (напр. въ названіи чернослива: «*молдава́нскій черносливъ*» — во всякой лавкѣ) вмѣсто: *молда́вскій*. Когда я попалъ на югъ (въ Кишиневъ и Одессу), мое произношеніе было исправлено мѣстными жителями юга на произношеніе *молдава́нинъ* и *молда́вскій*. Пушкину стали, конечно, тоже извѣстны оба эти произношенія, какъ видно изъ склоненія этихъ словъ у него. (См. ниже — склоненіе). Наконецъ, сравнивая по удареніямъ выраженія: *три сосны́* (II. 182) и *двѣ со́сны* (III. 355) у Пушкина, мы усматриваемъ, что Пушкину было извѣстно не только произношеніе *сосна́*, но и *со́сна*, принадлежащее сѣверно-великорусскому говору по преимуществу. Это мы выводимъ изъ того, что въ обоихъ случаяхъ (при числит. *двѣ* и *три*), какъ и въ массѣ другихъ, Пушкинъ сочетаетъ числит. *два*, *оба*, *три*, *четыре* только съ формами современнаго род. падежа ед. числа. (См. Синтаксисъ. Согласованіе и управленіе). Мы обратили вниманіе на *діалектическіе* (въ обширномъ смыслѣ) элементы и на «*аристократическіе*» элементы въ языкѣ и произношеніи Пушкина, постарались указать въ своемъ этомъ этюдѣ на то, чѣмъ Пушкинъ былъ связанъ по языку съ своимъ временемъ и съ своимъ обществомъ, и чѣмъ онъ *опередилъ* въ языкѣ всякое время и всякое общество. Теперь обратимъ вниманіе еще на *иностранныя слова*, проникшія въ русскій литературный языкъ чрезъ уста и произведенія Пушкина и на дальнѣйшую судьбу этихъ словъ въ нашемъ литературномъ языкѣ. Вообще, какъ увидимъ сейчасъ, можно

сказать, что иностранныя слова въ произношеніи Пушкина и въ его употребленіи уже нынѣ отжили свой вѣкъ и замѣнились или другимъ произношеніемъ, или другими словами. Это мы видимъ на словахъ: 1, *музы́ка* (III. 143. 185. 189. 45. 246. 202), которое у Пушкина, какъ и у его предшественниковъ, всегда съ такимъ удареніемъ, на французскій ладъ. Это было удареніе — единственно извѣстное въ то время въ живомъ говорѣ нашей полуфранцузской интеллигенціи. (Срв. соч. *Державина.* Изд. Академіи Наукъ. Подъ ред. Я. К. Грота. Т. I. Стр. 103. Строфа 2. Стр. 736. Строфа 15. Томъ II. Стр. 348. Строфа 4. Стр. 97. Стихъ 60. Стр. 642. Строфа 44. У *Ломоносова*—Изд. Ак. Наукъ. Подъ ред. М. И. Сухомлинова. Т. I. Стр. 12: «Я слышу чистыхъ сестръ *музы́ку*».... и друг. У *Жуковскаго*: Изд. 9-ое подъ ред. Ефремова. Т. I. Стр. 147. Громобой: «*Музы́ка* роговая»... и друг.). У Пушкина только *одинъ разъ* въ стихотвореніяхъ встрѣчается *му́зыка*, именно, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о «сѣверныхъ звукахъ» (III. 417). Къ этому времени (къ 1830-му году) Пушкину стало извѣстно и такое произношеніе этого слова. Нынѣ мы уже совсѣмъ не имѣемъ стараго произношенія интеллигенціи: *музы́ка.* 2) на словѣ *балъ*, которое у Пушкина *никогда* не имѣетъ нынѣшней формы предл. падежа ед. числа: *на балу́* (какъ: *на полу́*), а всегда: *на ба́лѣ*, и никогда не измѣняетъ мѣста своего ударенія, какъ это мы видимъ въ нынѣшнемъ употребленіи: *балы́, бало́въ, бала́мъ, бала́ми, о бала́хъ.* У Пушкина вмѣсто этого *всегда: ба́лы, ба́ловъ, ба́ламъ, ба́лами, ба́лахъ* (см. III. 246. 560. 181. I. 24 и др.). Такъ послѣдовательно проведено это склоненіе (*«на балѣ»* и въ прозѣ *вездѣ* у Пушкина: напр., IV. 39. 43. И это — среди чисто-русскихъ, даже народно-русскихъ словъ и формъ, напр., «*сосѣдовъ*»— род. п. мн. ч. — IV. 41., «*промаху* не дамъ» — IV. 42., «*жеребій*»—IV. 44, «*знать*» въ смыслѣ «*должно быть*», «*вѣроятно*»— IV. 43 и проч.) только потому, что Пушкинъ, согласно употребленію его круга, не измѣнялъ французскаго типа этого слова ни

въ какомъ отношеніи на русскій ладъ. (Срв. у П. П. Кирсанова *принси́пъ* — выше, у Тургенева).

3) на словѣ *дуэ́ль*, которое у Пушкина — муж. рода согласно французскому *le duel*: «У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ разсчетомъ: оно избавляетъ *отъ дуэ́ля»*... пишетъ Пушкинъ — VII. 404. Срв. II. Стр. 82. Нынѣ слово *дуэль* — жен. рода: *дуэ́ли*, *дуэ́лью*...

4) на словѣ *ни́шъ*: «темный нишъ» (I. 132 и др.); франц. хотя и *la niche*, но форма звуковая оставлена Пушкинымъ нетронутою; нынѣ — жен. рода: *ни́ша* по женск. склоненію.

5) на словѣ *ле́птъ* (I. 365) вм. нынѣшняго *ле́пта* — жен. рода.

6) На словѣ: *карафинъ* (V. 3) вм. нынѣшняго *графи́нъ*. Срв. франц. *la carafe*, *le carafon* и под.

7) на словѣ: *піитъ*, употребительномъ у Пушкина очень часто при словѣ *поэтъ*. Форма *піитъ* и *піита*—наслѣдіе ложноклассическаго періода и его общественныхъ симпатій. (См. II. 189 и I. 5; I. 159 и I. 87 и др.).

8) на словѣ: *ро́ля* (вин. *ро́лю* — II. 238) вм. нынѣшняго *ро́ль* — жен. рода. Это, конечно, у Пушкина согласно съ обычаемъ тогдашняго произношенія на франц. манеръ; во французскомъ языкѣ мы имѣемъ: *la rôle* — театральная роль, въ отличіе отъ *le rôle* — свертокъ, свитокъ бумаги.

9) Особенно на словѣ: *аристократія* (V. 11. 237. Срв. V. 250) согласно франц. произношенію *l'aristocratie*. На стр. 250, V, уже: *аристократіи*.

10) На словахъ: *эполе́тъ*, сохранившемъ звуковую форму франц. слова: *épaulette*. (См. I. 74. род. п. мн. ч.); *боа́*—въ муж. родѣ вмѣсто нынѣшняго средняго, согласно франц. *le boa*. (См. III. 394); *комода*—(билетъ), «который оставилъ я въ секретной твоей *комодѣ»* — VII. 298. Срв. франц. *la commode*. «Онъ пакоститъ *твои мебели»* — VII. 346. На произношеніи: *прожéктъ* (VII. 296) вм. нынѣшняго *проéктъ*. (Срв. франц. *le projet*.). На

произношеніи: *симво́лъ* съ такимъ удареніемъ (I. 182. 290), какъ во французскомъ языкѣ: *le symbole*. Нынѣшнее: *си́мволъ*.

Всѣми этими словами съ ихъ указанными измѣненіями, произношеніями и употребленіемъ Пушкинъ связанъ со своимъ, нынѣ уже отжившимъ временемъ, и со своимъ, нынѣ уже измѣнившимся, обществомъ.

---

# ГРАММАТИКА

# ЯЗЫКА А. С. ПУШКИНА.

## Часть I-я. Этимологія.

## Отдѣлъ I-й. Словоизмѣненіе.

### ВЫПУСКЪ I.

### ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

**СКЛОНЕНІЕ.**

# ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

## Склоненіе.

I. Правильное склоненіе (одинаково склоняемыя имена).

1) Первое склоненіе (окончанія им. падежа: *ъ*, *й*, *ь*, *о*, *е*).

А. Именит. падежъ ед. числа на -*ъ* съ предшествующею согласною, кромѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*.

### § 1. Образцы.

| Единственное число. | Множественное число. |
|---|---|
| И. гро́бъ (II. 213), кре́стъ (III. 403). | И. гро́бы (II. 50) гроба́ (I. 298. III.. 564) кресты́ (III. 6) кивера́ (I. 177) бра́тья (II. 11. III. 521) пру́тья (III. 495) че́рти (III. 243) друзья́ (I. 80). |
| Р. гро́ба (I. 171. II. 20. III. 528) креста́ (III. 128. 428). го́лоду (III. 475), шу́му (III. 179), во́ску (II. 163), песку́ (II. 153). | Р. гробо́въ (I. 104. II. 19. 130) ста́рцевъ (II. 293) гла́зъ (III. 515) черте́й (II. 141. III. 312) бра́тьевъ (III. 522) друзе́й (I. 3. 182). |
| Д. гро́бу (I. 171. III. 525). | Д. гроба́мъ (I. 336. III. 8) чертя́мъ (III. 453) друзья́мъ (I. 358). |

| Единств. ч. | Множ. ч. |
|---|---|
| В. гро́бъ (I. 10. III. 528) раба́ (II. 145). | В. гро́бы (I. 12) рукава́ (II. 151) рабо́въ (III. 15) лѣса́ (II. 75). |
| З. ра́бъ (II. 49) о́тче III. 8) Бо́же (II. 73. III. 5) Бо́гъ (III. 292). | З. отцы́ (III. 12. 18) лѣса́ (III. 369) ха́мы (II. 151). |
| Т. гро́бомъ (III. 128). | Т. гроба́ми (II. 189) чертя́ми (III. 454) друзья́ми (III. 151) бра́тьями (I. 104). |
| П. гро́бѣ (I. 361. III. 525. 527. 589) гробу́ (II. 128. III. 232. 527) году́ (III. 410). | П. гроба́хъ (I. 70) ли́стьяхъ (I. 236) друзья́хъ (Соч. Пушкина. I-й томъ. 1-ое Академич. изд. Примѣчанія. Стр. 357. Автографъ). |

NB. Въ число образцовъ этого склоненія не включенъ ни одинъ примѣръ съ задненебнымъ взрывнымъ звукомъ (*г*, *к*, *х*) передъ окончаніемъ *-ъ*, такъ какъ въ такихъ словахъ многія окончанія обусловлены требованіями современной орѳографіи. См. Замѣчанія. Им. п. мн. ч.-ниже (§ 2).

Б. Именит. падежъ ед. числа на *-й*.

| Единств. ч. | Множ. ч. |
|---|---|
| И. край (I. 5. 288. II. 25) ручéй (I. 366. II. 28) еврéй (II. 137). | края́ (III. 411) ручьи́ (I. 134. 296) лакéи (III. 243) |
| герóй (II. 7) гéній (II. 13) жрéбій (I. 9. 154). | стрóи (I. 104) жрéбіи (I. 296). |
| Р. кра́я (II. 119) ча́ю (II. 73) ручья́ (I. 366. 233) хорéя (III. 237). | краёвъ (I. 33. 185. III. 89) ручьёвъ (I. 15). |
| герóя (I. 297. II. 122) гéнія (I. 155) жрéбія (III. 143). | герóевъ (I. 298) гéніевъ (I. 165). |

| | | |
|---|---|---|
| Д. | ча́ю (III. 94) ручью́ (I. 140) лаке́ю (III. 562). | края́мъ (II. 203). |
| | геро́ю (I. 57. 332. II. 123). | геро́ямъ (I. 55). |
| В. | край (I. 5. 114. II. 10. 24) руче́й (I. 367) злоде́я (III. 102). | края́ (II. 41. IV. 1) ручьи́ (I. 8) злоде́евъ (III. 14). |
| | геро́я (III. 329) ге́ній (I. 9. III. 241) жре́бій (I. 163 II. 165. 210). | геро́евъ (I. 62. 311). |
| З. | (о) кра́й (I. 72) (о) руче́й (I. 20) дурале́й (I. 291). | края́ (I. 56). |
| | геро́й (I. 138. II. 212). | геро́и (I. 104). |
| Т. | ла́емъ (I. 137) еле́емъ (I. 325). | ручья́ми (II. 43) у́льями (I. 266). |
| | геро́емъ (I. 138. III. 235) ге́ніемъ (II. 41). | слоя́ми (I. 259). |
| П. | краю́ (II. 23. 40) стро́ѣ (I. 18) поко́ѣ (I. 136. 197. II. 19) строю́ (III. 560) ручьѣ́ (III. 416) | края́хъ (I. 114. IV. 163). |
| | геніи (IV. 114) жре́біи (III 15). | строя́хъ (II. 45. III. 135). |

NB. Мы соединили въ одну группу всѣ слова на *-й*, не различая тѣхъ, которыя имѣютъ звукъ *і* передъ *-й*, какъ это различаетъ Востоковъ, въ виду того, что единственный падежъ— предложный ед. ч.,—окончаніе котораго въ такихъ словахъ *-іи* вмѣсто *ѣ* другихъ словъ—служитъ Востокову основаніемъ для дѣленія этихъ словъ на *двѣ* группы, является съ особымъ окончаніемъ лишь по требованію орѳографіи современной, а не этимологіи. (См. § 3).

### В. Именит. падежъ ед. числа на -*ъ* съ предшествующею согласною *ж*, *ч*, *ш*, или *щ*.

| | Единственное число. | Множественное число. |
|---|---|---|
| И. | мýжъ (I. 297. III. 12. 94) мятéжъ (II. 108. III. 119) шалáшъ (III. 328). | мужи (IV. 98). мужья́ (I. 352) мятежи́ (II. 7) стрáжи (I. 64) сторожá (III. 205. IV. 127) ковши́ (I. 277). |
| | мéчъ (II. 16. 239) плáщъ (II. 18). | мечи́ (III. 146) плащи́ (III. 351). |
| Р. | мýжа (I. 174. III. 219) мятежá (I. 239) шалашá (II. 44). | мужéй (III. 150. 304) шалашей (IV. 177). мужьевъ (IV. 359). |
| | мечá (II. 235). | мечéй (I. 128. II. 67. 212) плащéй (III. 89). |
| Д. | мýжу (III. 468). | мужья́мъ (II. 242) шалашамъ (IV. 177). |
| | мечý (II. 132. 297) товáрищу (II. 125). | мечáмъ (I. 56. 103. 274) товарищамъ (IV. 336). |
| В. | мýжа (III. 593) мятéжъ (III. 73) шалáшъ (I. 81). | мужей (IV. 26). мужьёвъ (III. 324). |
| | мéчъ (I. 104. II. 11. 235) царéвича (III. 2. 429) плащъ (III. 579). | мечи́ (I. 19) палачéй (I. 341). |
| З. | мýжъ (II. 354). | мужья́ (I. 124). |
| | мечъ (II. 207) царéвичъ (III. 428) товáрищъ (I. 125. III. 20). | ключи́ (III. 184) товáрищи (III. 36). |
| Т. | мýжемъ (III. 345. IV. 41) мятежёмъ (I. 316) палашóмъ (I. 26). | стрáжами (II. 334. IV. 313) ножáми (I. 73) палашáми (II. 163). |

| | | |
|---|---|---|
| | мечёмъ (II. 3. 204. 239) плащёмъ (II. 19. 93. 122). | меча́ми (I. 56. 72. 128) товарищами (IV. 121). |
| П. | му́жѣ (III. 307) рубежѣ́ (II. 192) шалашѣ́ (I. 309. IV. 178). | мужахъ (IV. 401). |
| | плащѣ́ (III. 196) това́рищѣ (II. 184). | луча́хъ (II. 96). |

Г. Именит. падежъ ед. числа на -ь. (Мужескаго рода).

| | Единств. ч. | Множ. ч. |
|---|---|---|
| И. | медвѣ́дь (II. 114. III. 332) до́ждь (I. 272. II. 140. III. 355). | дожди́ (I. 276). |
| | кня́зь (II. 236. IV. 163). | князья́ (I. 289. III. 4) ви́тязи (II. 229) вензеля́ (I. 367). |
| | ко́нь (I. 275. II. 27. III. 118) ца́рь (I. 297. III. 530). | ко́ни (I. 128. II. 100. 271. 347. III. 243. 533) цари́ (I. 289. II. 104). |
| Р. | медвѣ́дя (II. 114. 349) дождя́ (II. 165). | дожде́й (I. 207). |
| | кня́зя (III. 458. IV. 163) ви́тязя (II. 204). | князе́й (III. 4) ви́тязей (I. 371. II. 202. 232). |
| | коня́ (II. 27. I. 275) царя́ (I. 297. II. 174). | коне́й (I. 73. 128. III. 497) царе́й (I. 137). |
| Д. | медвѣ́дю (II. 102). | гостя́мъ (I. 76. II. 204. III. 95. 278). |
| | кня́зю (II. 237. IV. 163). | |
| | коню́ (II. 139) царю́ (I. 298 II. 29). | коня́мъ (II. 208) царя́мъ (II. 187. III. 4). |
| В. | вождя́ (I. 104) до́ждь (II. 237). | вожде́й (II. 129. III. 146) дожди́ (I. 272). |
| | кня́зя (II. 203). | ви́тязей (II. 221). |

| | | |
|---|---|---|
| | коня́ (I. 59. 274. 275. II. 99. III. 143) царя́ (II. 29. III. 530). | коне́й (I. 128. II. 27. 207) царе́й (III. 10). |
| З. | во́ждь (III. 38). Госпо́дь (III. 11). | |
| | князь (II. 252. III. 3. III. 26. 29. 32). | го́сти (II. 131. III. 21. 25). |
| | ко́нь (II. 207. III. 507) ца́рь (I. 68. III. 532). | дни (I. 181) ры́цари (II. 217). |
| Т. | медвѣ́демъ (II. 348) дождёмъ (II. 178. 184) ви́тяземъ (II. 253). | дождя́ми (II. 139. 182). |
| | конёмъ (I. 276. II. 234) царёмъ (I. 298. III. 13). | коня́ми (I. 341. II. 27. III. 97) царя́ми (II. 27. 108). |
| П. | го́стѣ (I. 42) | гостя́хъ (III. 393. 395. III. 42). (Акад. изд. соч. Пушкина. I-ый томъ. 1-ое изд. Примѣчанія. Стр. 357. Автографъ). |
| | ви́тязѣ (II. 256). | |
| | конѣ́ (I. 274. II. 218. III. 118) царѣ́ (III. 25). | коня́хъ (II. 229. III. 86) царя́хъ (III. 12). |

## § 2. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на *-ъ*, *-й*, *-ь*, муж. рода.

### Таблица А.

По образцу примѣровъ, приведенныхъ въ таблицѣ А перваго правильнаго склоненія измѣняются у Пушкина всѣ слова, имѣющія въ имен. падежѣ ед. числа окончаніе-*ъ* съ предшествующею согласною, кромѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*. Сюда относятся также и слова съ гортанными *г*, *к*, *х* передъ *ъ*, не помѣщенныя нами въ качествѣ примѣровъ склоненія по причинамъ современной орѳографіи, требующей постановки послѣ названныхъ согласныхъ буквы *и*

вм. *ы* и проч. Слѣдовательно, по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми, которыя вызвали собой появленіе формы имен. падежа множ. числа *че́рти*, помѣщенной нами въ таблицѣ примѣровъ рядомъ съ формою на-*ы* для того же падежа и числа. Напр., *труды́* (III. 411), *цвѣты́* (I. 368. III. 258), *моро́зы* (III. 318), *бѣсы* (II. 100), *тира́ны* (I. 219), *сны́* (III. 11. 408), *рабы́* (II. 231), *комары́* (II. 103), *пиры́* (III. 11), *птенцы́* (III. 143) и проч. при: *враги́* (III. 147), *черто́ги* (I. 53), *во́лки* (III. 500), *мужики́* (I. 10), *женихи́* (III. 118. 521), *стихи́* (II. 105), *слу́хи* (II. 80) и проч., которыя имѣютъ это окончаніе и не только въ имен. падежѣ множ. числа, но по требованію современной ороографіи, и въ винит. падежѣ множ. числа при обозначеніи неодушевленнаго предмета: *ночле́ги* (II. 98), *восто́рги* (II. 205), *черто́ги* (III. 13), *шаги́* (I. 260), *овраги* (IV. 439), *сапоги* (IV. 329), *пото́ки* (II. 88), *сундуки́* (III. 370), *то́лки* (I. 126), *уро́ки* (II. 50). *поро́ки* (I. 107), *зву́ки* (II. 88), *завитки́* (I. 120), *доспѣхи* (II. 285), *вздо́хи* (III. 256), *стихи́* (I. 9), *грѣхи́* (I. 174. 329) и проч.

Род. падежъ ед. числа. Падежнымъ окончаніемъ этой формы, какъ показываетъ таблица А, служитъ окончаніе *а*, но при этомъ обычномъ окончаніи мы встрѣчаемъ немало примѣровъ въ языкѣ Пушкина для род. падежа ед. числа словъ этого типа и съ окончаніемъ *у*. Такъ, отъ слова *шагъ* (III. 143), род. падежъ ед. числа имѣется *шага́* (III. 351[1]) въ сочетаніи съ числительнымъ: *два* { «Зарѣцкій тридцать два *шага* Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной»... } и *ша́гу* (III. 234. 476): «Не отходя ни *шагу* прочь». Отъ слова *поро́гъ* род. п. ед. числа *поро́га* (I. 144. 243. III. 211. 228. 333. 572. IV. 20). и *поро́гу* (I. 76. 176. 203. II. 166. III. 494. 546).

---

1) Объ удареніи въ такомъ случаѣ и подобныхъ этому, а также о значеніи формальномъ ударенія будетъ сказано особо, послѣ замѣчаній о падежныхъ окончаніяхъ этого склоненія. См. также отдѣльную главу «Объ удареніи въ именахъ существительныхъ у Пушкина» въ концѣ всего отдѣла о склоненіи именъ сущ. Здѣсь мы имѣемъ въ виду только падежныя флексіи.

Обѣ формы употребительны одинаково и при одинаковыхъ предлогахъ *съ* и *у*, какъ показываютъ примѣры:

«*Съ порога* жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ».. (I. 144).

и: «И дѣти, и жена кричали мнѣ *съ порогу*»... (II. 166).

Или съ предлогомъ *у*: .....«*У порога*
Нашли безумца моего»... (III. 572).

и: «Однажды лѣтомъ *у порогу*
Поникшей хижины своей
Анахоретъ молился Богу»... (I. 203).

Отъ слова *мозгъ* род. ед. ч. *мо́згу* (II. 80. 237) — въ обоихъ случаяхъ съ значеніемъ род. раздѣлительнаго: «мало мозгу» — «мозгу мало». «Хлопья *снѣгу*» (IV. 49).

Отъ слова *блескъ* (I. 7) род. *бле́ску* (II. 153), отъ слова *срокъ—сроку* (VII. 385); отъ сл. *песо́къ—песку́* (II. 153[1]). «На груду *песку*» (IV. 73). «Нюхайте *табаку́*» (VII. 12). Отъ слова *лукъ — лу́ку* (III. 7. VII. 205), отъ сл. *воскъ — во́ску* (II. 163); отъ сл. *сокъ—со́ку* (III. 524); также отъ неупотребительнаго *у́молкъ*— род. п. *у́молку* (III. 284). Отъ сл. *толкъ* род. *то́лка* (III. 158), но чаще *то́лку* (III. 20. 164. 251. 329. 395. 579. V. 203. VII. 381). Въ примѣрѣ (III. 251): «Читалъ, читалъ, а все безъ толку» эта форма *то́лку* не имѣетъ раздѣлит. значенія; прочіе примѣры—со значеніемъ род. раздѣлительнаго. Отъ слова *ясакъ—ясаку* (VI. 332. «Камч. Дѣла»). *Крикъ* — род. *крику* (VII. 297). Отъ слова *смѣхъ* (II. 73) мы имѣемъ род. п. *смѣху* (IV. 141) въ прозѣ Пушкина, въ выраженіи: «*со смѣху*». «Не до *смѣху*» (IV. 86). Отъ сл. *размахъ* род. (съ) *разма́ха* (II. 48. 252) и (съ) *разма́ху* (III. 136). «Не имѣлъ *духу* ей открыться» (IV. 7). «Не переводя *духу*» (IV. 15). Срв. IV. 22. «Ни *духу*, ни *слуху*» (IV.

---

1) Объ удареніи этого слова см. ниже, послѣ замѣчаній о падежныхъ формахъ этого склоненія.

23. 72). VII. 258. «Въ семъ расположеніи *духа*» (IV. 10). «Не терпѣлъ нѣмецкаго *духа* (IV. 16). Срв. VII. 13. *Со стра́ху* (III. 455). «*Промаху* въ карту не дамъ» (IV. 42).

«Я далъ четыре *промаха*» (IV. 43). «Довольное количество *пороху*» (VI. 32). «Семь пудъ *пороху*» (VI. 334. Выписываемъ этотъ примѣръ изъ ст. «Камчатскія дѣла» въ виду того, что форма *пороху* могла принадлежать, какъ мы видѣли, и языку самого Пушкина). Отъ слова *годъ* (I. 115) род. ед. *го́да* (II. 211) и *году* (VII. 352); *родъ* въ род. ед. имѣетъ *ро́да* (I. 299) и *роду* (III. 15. 23. 24. 219). (IV. 163 *о́троду* — III. 581). «Съ пороками всякаго *рода*» (IV. 1—2). «Отъ древняго боярскаго *рода*» (IV. 16). «Наблюдая старшинство *рода*» (IV. 16). Срв. IV. 33.

«Ему было 27 лѣтъ отъ *роду*» (IV. 3) IV. 12: «Отъ *роду* со мною не случилась». Срв. IV. 16. «Онъ *роду* не простого». (IV. 22). «Безъ *роду*» (IV. 24). «*Отроду*»—IV. 39. Срв. IV. 73. 94. Срв. VI. 35. «*Съ роду*» — IV. 78. *Дохо́дъ* — въ род. ед. *дохо́ду* (III. 368, V. 270), *ядъ* — род. *я́ду* (II. 106. III. 174), *ходъ* — *хо́ду* (III. 396); *мёдъ* — род. *мёду* (II. 205. III. 485. VII. 244). Слово *слѣдъ* (II. 97) имѣетъ род. ед. *слѣда́* (II. 99) и *слѣ́ду* (II. 254. III. 297). Слово *видъ* (I. 289) въ род. п.—*ви́ду* (I. 34. 345. III. 115. III. 372). «Она не вынесетъ его «*виду*». IV. 27. Срв. V. 51. «Съ *виду*». Слова *бродъ* и *сбродъ* въ род. ед.: *бро́ду* (I. 83) и *сбро́ду* (III. 321). Сл. *рядъ* въ формѣ род. п. ед. ч. въ нарѣчіи *ся́ду* (III. 35). *Сряду*—IV. 43. IV. 65. Слово *го́лодъ* (II. 104)—*го́лода* (III. 411) и *го́лоду* (III. 475. VII. 339). Слово *наро́дъ* (I. 3) въ род. п. *наро́да* (III. 532) и *наро́ду* (III. 135. 246. 321. IV. 136. 162). «Множество *народу*». — (VI. 38). Срв. «потребовалъ отъ *народа*» — ib. VI. 38. *Народу*—IV. 78. V. 207. 239. «Съ перваго *взгляду*» (IV. 58) *Надса́ду* (I. 89). «За чашкой *шоколаду*» (IV. 96). Срв. «грузъ *шокола́та*». (III. 105). Слово *свѣтъ* (I. 8) встрѣчается въ род. п. также въ двухъ формахъ: *свѣ́та* (II. 123) и *свѣту* (IV. 163); равнымъ образомъ слово *потъ* (II. 205) имѣетъ род. п. на *у*: *по́ту* (II. 111), *налётъ*—(съ) *налёту* (II. 15). Сл.

*ростъ* въ род. п. *ро́сту* (III. 24). «Человѣкъ высокаго *роста*» (IV. 8). VI. 74. «Былъ *росту* средняго» (IV. 34. Срв. IV. 105). VI. 9. 35. *мосту* (VII. 317). Слово *разъ* (II. 84) въ род. ед. имѣетъ *раза* (I. 369. II. 147. III. 11) энклитически въ сочетаніи во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ съ числит. *три*, на которомъ стоитъ удареніе[1]), и *ра́зу* (III. 164. VII. 401). Такъ-же отъ неупотребительнаго *зарѣзъ*—(до) *зарѣзу* (VII. 405). «Съ *возу* упало» (IV. 70. Въ пословицѣ). Слово *часъ* (II. 77) имѣетъ род. п. *часа*: «уже болѣе *часа*» (IV. 49) и *ча́су* (II. 355. 164. III. 311. 47. 579. IV. 6. 20. 59. 81. 87. 439. V. 10). Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ форма *часу* встрѣчается въ выраженіи: «*часъ о́тъ часу*», кромѣ послѣдняго случая (IV. 439), гдѣ мы имѣемъ въ Пушкинской прозѣ: «*около шестого часу*». Слово *лѣсъ* (I. 6) имѣетъ род. п. ед. ч. *лѣ́су* (I. 114. II. 113); въ первомъ случаѣ энклитически послѣ ударяемаго предлога *изъ;* во второмъ—послѣ этого же предлога, но съ удареніемъ на корнѣ слова *лѣсъ* по требованію народнаго стихосложенія, которому и подражаетъ здѣсь Пушкинъ. («Начало сказки». 1830 года. Соч. II. 113). «Изъ *лѣсу*» (IV. 81. 84) IV. 50. Слово *вѣсъ* въ род. п. имѣетъ *вѣ́су* (I. 51). Слово *носъ* въ род. п. ед. ч. встрѣчается въ формѣ *но́су* (I. 270). III. 209. V. 271. 2. Род. *перцу*—VII. 205. Слово *шумъ* (II. 2) въ род. п. ед. ч. *шу́ма* (I. 8. III. 482) и *шу́му* (III. 179. 454. 467. IV. 18. V. 40. 58. 63. 262). Также слова: *домъ* (III. 565) въ род. п. *до́ма* (I. 72. III. 565. 570) и *до́му* (III. 454). «Изъ *дому*» (IV. 5). Срв. IV. 32. «Доѣхать до *дома*» (IV. 84). *Ромъ* (I. 118)—*ро́ма* (I. 118. II. 22. 71) и *рому* (IV. 139—въ прозѣ: «*духъ рому*»). Форма *ро́ма* во всѣхъ трехъ случаяхъ, вопреки ожиданію,—въ значеніи родительнаго раздѣлительнаго. Форма *до́му* встрѣтилась въ «сказкѣ о попѣ и работникѣ» (1831 г.) послѣ предлога *до:* «А зайка въ лѣсокъ до дому». Род. *изюму*—VII. 206. «Отъ *ушибу*» (IV. 84). Род. *черносливу*—VII. 206.

---

1) См. объ этомъ въ отдѣлѣ объ удареніи именъ сущ. у Пушкина, въ концѣ всего отдѣла объ имени существительномъ.

Род. *рейнвейну* — VII. 345. Слово «*товаръ*» встрѣчается въ формѣ *товáру*—род. ед. (III. 451) VI. 8. Слова: *уговоръ* и *приговоръ* въ род. п. ед. ч. встрѣчаются въ формахъ: *уговóру* (III. 453) и *приговóру* (III. 453. 576). Слово *споръ* имѣетъ род. ед. *спóру* (III. 516. 517. 525) въ выраженіи «Сказки о мертвой царевнѣ» (1833 г.): «Ты прекрасна, спору нѣтъ»... и под. (еще: III. 522). Слово *паръ* — род. п. *пáру* (II. 146), *сборъ* — *сбору* (VI. 331. Камч. Дѣла). *Вздоръ* — *вздору* (III. 159). Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, род. падежъ на *у* въ значеніи раздѣлительнаго употребляется Пушкинымъ всего лишь отъ нѣсколькихъ словъ: *духу*, *шоколаду*, *снѣгу*, *песку*, *мозгу*, *луку*, *воску*, *пороху*, *соку, яду, мёду*, *народу*, *перцу*, *изюму*, *черносливу*, *рейнвейну*, *рому, пару* и, можетъ быть, нѣкоторыя другія слова въ такомъ значеніи. Большинство же сохраняетъ обѣ формы на-*а* и на-*у* и употребляетъ ихъ нерѣдко безразлично, наблюдая лишь форму на-*у* въ изреченіяхъ, пословицахъ или нарѣчныхъ выраженіяхъ и въ энклитическомъ употребленіи падежа послѣ предлога. Всего 48 различныхъ словъ имѣютъ форму род. ед. на *у* при имен. на *ъ* съ предшествующею согласной, кромѣ *ж, ч, ш, щ.* Здѣсь приведены нами, кажется, всѣ формы род. падежа ед. ч. на-*у* отъ именъ сущ. съ окончаніемъ въ им. падежѣ ед. числа на-*ъ* безъ предшествующихъ *ж, ч, ш, щ*, которыя встрѣчаются у Пушкина.

Дат. падежъ единств. числа. Сущ. *долъ* (II. 202) встрѣчается въ формѣ стариннаго дательнаго-мѣстнаго падежа *дóлу* въ смыслѣ нарѣчія: «Тогда насъ буря долу гнула» (II. 111) и въ стихѣ: «Потупя очи долу» (II. 30).

Винит. падежъ единств. числа. Въ этомъ склоненіи вообще винит. падежъ имѣетъ то-же окончаніе, что и именительный, если значеніе слова — неодушевленнаго предмета. Слово *духъ* (II. 9. III. 507) имѣетъ въ винит. ед. *дýха* (II. 9), какъ родит. п., и *духъ* (III. 525), какъ именит. падежъ, смотря по значенію. Однако иначе въ выраженіи: «А что *грѣха* таить»? (IV. 19). Если слово означаетъ предметъ одушевленный, то винит.

п. ед. ч. сходенъ съ род. падежомъ. Это видно изъ приведенныхъ въ таблицѣ А примѣровъ. (Срв. *верблю́да* (II. 72), *жида́* (II. 148. III. 490) и мн. др.). Слово *куми́ръ* (II. 130) въ формѣ винит. падежа, сходной съ именительнымъ, мы имѣемъ въ стихѣ: ......«въ бездну повалили мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ» (II. 130).

Зват. падежъ ед. числа вообще сходенъ у Пушкина въ этихъ именахъ (табл. А) съ именительнымъ, но слѣдующія слова имѣютъ особое окончаніе—старинное *Бо́же* (I. 67. II. 73. III. 5 и др.) при формѣ *Богъ* (III. 292); именит. п. *богъ* (въ значеніи языческаго) — I. 125 и *Богъ* — III. 12; *сыне* (III. 22) — въ рѣчи чернеца, знакомаго съ книжной церковно-славянской рѣчью, — при ф. *сынъ* (I. 16. II. 208. III. 12). Въ послѣднемъ примѣрѣ форма *сынъ* принадлежитъ тоже чернецу-монаху, пишущему лѣтопись. *Отче* (III. 8)—при формѣ *оте́цъ* (II. 154. III. 7. 71. 11. 13 и др.), которая одинаково встрѣчается и въ рѣчи царя, и въ рѣчи чернеца, и въ рѣчи народа, нерѣдко однако при прилагательномъ въ церковно-книжной формѣ: напр., «честны̀й отецъ» — въ рѣчи чернеца (III. 13); «святы̀й отецъ» — въ рѣчи князя (III. 57). Форма же *о́тче*, вообще рѣдкая у Пушкина, встрѣчается въ обращеніи къ духовному лицу, въ рѣчи съ книжнымъ характеромъ. Наоборотъ, форма зват. падежа *ста́рче* (III. 510) вложена въ уста золотой рыбки въ извѣстной сказкѣ народнаго типа: срв. форму зват. падежа *ста́рецъ* (III. 110). Отъ слова *холо́пъ* (VI. 68) зв. падежъ также *холо́пъ* (III. 130). О прочихъ падежахъ этого слова см. подъ соотв. замѣчаніями.

Творит. падежъ ед. числа имѣетъ одно правильное окончаніе. О твор. падежѣ въ смыслѣ нарѣчія см. въ отдѣлѣ словообразованія и въ отдѣлѣ нарѣчій.

Предложный падежъ ед. числа имѣетъ, какъ видно изъ таблицы А, два окончанія: *ѣ* и *у*. Въ послѣднемъ изъ нихъ важно то, что оно всегда ударяемое, и удареніе здѣсь обусловлено самимъ окончаніемъ (см. ниже). Вотъ случаи предложнаго падежа ед. числа на *у* отъ разсматриваемыхъ именъ у Пушкина: слово *бе́регъ* (III. 478) при *брегъ* (I. 5. 367. II. 208) имѣетъ *берегу́*

(I. 72. II. 25. 211. III. 472. III. 117. V. 219. VI. 64) при *бéрегѣ* (I. 17) и *брéгѣ* (I. 331. II. 294. III. 147. 437. 441). Этими указаніями фактовъ Пушкинскаго языка, между прочимъ, ясно доказывается степень близости и пункты соприкосновенія языка Пушкина съ языкомъ нашихъ писателей XVIII-го и начала XIX-го вѣка (См. объ этомъ въ отдѣлѣ *словоупотребленія* и частью въ предисловіи — выше). Слово *шагъ* (III. 143) — *шагý* (V. 219). Слово *лугъ* (I. 259) имѣетъ предл. п. *лугý* (I. 133), *лугу* (IV. 13), но *снѣгъ* (III. 328) — *снѣ́гѣ* (III. 247. 328) и *снѣгу* (IV. 49); слово *полкъ* (IV. 439)—*полку* (IV. 36. 39. 43. V. 280). Слово *кругъ* (II. 204) — *кругý* (I. 197. II. 27. 283. IV. 2. 77. V. 28. III. 117. 124. VII. 10) и *крýгѣ* (I. 181). Слово *песóкъ*— *пескѣ* (II. 45) и *пескý* (III. 474); слово *уголóкъ* (III. 260)—*уголкѣ* (I. 72. II. 73) и *уголкý* (I. 329. III. 45). Замѣтимъ также предл. падежъ (на) *скакý* (II. 68) отъ неупотр. *скакъ* — *скокъ*. Слово *бокъ* имѣетъ *бокý* (I. 10. III. 531). *Отпуску* (IV. 46) V. 266. *На вѣкý* (V. 273). Слово *пухъ* (III. 242) — *пухý* (III. 333). Слова: *видъ* (I. 289), *бредъ*, *чадъ*, *лёдъ* (II. 87), *годъ* (I. 115), *ходъ*, *садъ* имѣютъ: *видý* (III. 109), *бредý* (II. 155) *бреду* (IV. 51. 23. VII. 8), *чадý* (I. 211. II. 155), *льдý* (I. 79), *годý* (III. 410. IV. 62. 65. V. 37. VI. 27. 36), *ходý* (I. 291. IV. 79), *садý* (I. 92. II. 343. III. 503. 591) *саду* (IV. 173. IV. 54. V. 271), *въ прудý* (V. 262). Срв. окончанія род. падежа ед. числа отъ словъ *видъ, годъ, ходъ* выше. Слова: *бытъ*, *постъ*, *потъ* (II. 205), *мостъ*, *ротъ*, *лётъ* (вин. III. 110) имѣютъ въ предл. п. ед. ч. формы *бытý* (II. 18. IV. 163. IV. 16), *посту* (VI. 36), *потý* (II. 161. III. 501), *мостý* (III. 88), *ртý* (IV. 139. 8), *летý* (I. 149. II. 343). Срв. слова: *потъ* и *лётъ* въ род. п. ед. ч. выше. Слово *лѣсъ* (I. 6) имѣетъ предл. ед.: *лѣ́сѣ* (II. 162) и *лѣсý* (II. 128. III. 66. 105. 459. 472. 475. 520. VI. 62). Срв. род. падежъ выше; слово *носъ* — *носý* (III. 442. V. 2. 271); *часу* (IV. 80: «*въ шестомъ часу*»); *внизу* (IV. 23). Слово *плѣнъ* въ предл. п. ед. ч. *плѣну* (VII. 402. IV. 119. VI. 73). Удареніе на этой формѣ не проставлено, п. ч. она взята изъ прозы Пушкина. Сравни: *въ плѣнý* (III. 45),

(на) *Дону́* — III. 120. Слова: *гробъ* (см. табл. А), *лобъ* (вин. II. 247. III. 568), *о́стровъ* (III. 572), *домъ* (III. 565), *ровъ*, *те́ремъ* (II. 205), *дымъ* (II. 205), *Крымъ*, *шкапъ* имѣютъ въ предл. п. ед. ч.: *гро́бѣ* (I. 361. III. 35. 525. 527. 589) и *гробу́* (II. 128. III. 232. 527), *лбу́* (III. 25. 444. 448), *острову́* (III. 430. VI. 336. (Камч. Дѣла), *до́мѣ* (III. 352) и *дому́* (III. 231), (во) *рву́* (II. 70), *теремѣ* (IV. 18) и *терему́* (III. 520), *дыму́* (I. 164. II. 17. III. 144). «*Въ Крыму*» (VII. 11), *въ шкапу́* (III. 158). Слова: *пиръ* (II. 204), *пылъ* (III. 238), *миръ* (I. 5), *жаръ* (III. 143), *у́голъ*, *полъ*, *ве́черъ* имѣютъ: *пиру́* (I. 131. II. 135. III. 53. 231. 348), *пылу́* (II. 75. III. 390), *миру́* (I. 10. VI. 307), *жару́* (II. 36. IV. 28), *углу́* (I. 64. II. 18. 157. 137. 233. IV. 62. 69. III. 412), *углу* (IV. 8. 42. 44. VII. 367). Срв. предл. п. ед. ч. отъ сл. *уголо́къ* выше; *полу́* (II. 18. III. 191. III. 28. IV. 22. V. 281), *въ тылу́* (V. 249), (в) *вечеру́* (I. 135. III. 44). Замѣтимъ, что отъ сл. *балъ* у Пушкина встрѣчается только форма *ба́лѣ*[1]) (I. 133. III. 292. 41. IV. 39. 43. VI. 27).

Вотъ, кажется, *всѣ* формы предл. падежа ед. числа этого склоненія на-*у* въ произведеніяхъ Пушкина.

Именит. падежъ множ. числа. Изъ таблицы А мы видѣли, что окончаніями этой формы въ разсматриваемомъ склоненіи служатъ: *ы*, *и*, *а* и *ья*. Обычнымъ окончаніемъ служитъ *ы*, окончаніе древнее *и* имѣютъ немногія слова; одно изъ нихъ—*че́рти*— приведено въ качествѣ образца въ таблицѣ А во всѣхъ падежахъ множ. числа, т. к. оно имѣетъ только эти окончанія, которыя ему только и принадлежатъ, вопреки другому слову—*сосѣ́ди*, сохраняющему то же древнее окончаніе *и* въ им. падежѣ мн. числа и склоняющемуся такъ же, какъ слово *че́рти*, но при этихъ окончаніяхъ имѣющему и другія, какъ будетъ видно ниже.

Приводимъ здѣсь для наглядности параллельное склоненіе двухъ этихъ словъ у Пушкина въ формахъ обоихъ чиселъ:

---

1) См. объ этомъ: Введеніе. Нѣкоторыя данныя для сужденія о произношеніи Пушкина. Объ удареніи въ этомъ словѣ см. ниже, въ отдѣлѣ объ удареніи именъ сущ., въ концѣ всего отдѣла объ имени сущ

Единственное число.

И. сосе́дъ (III. 526. III. 365).
Р. сосе́да (II. 73. III. 368. IV. 34. IV. 41).
Д. сосе́ду (III. 559. III. 298).
Т. сосе́домъ (I. 135. IV. 42. III. 278. IV. 121).
П. сосе́дѣ (VII. 365).

Единственное число.

И. чо́ртъ (II. 46. 81. 139. III. 52. 235. IV. 23. 324. VII. 28. 296. 325)—вездѣ съ такимъ правописаніемъ [1]).
Р. чо́рта (II. 148).
Д. чорту (IV. 320).
З. чортъ (II. 148. IV. 320. 321. 331. 390. VII. 183. 325. 406).

Множественное число.

И. { сосе́ди (III. 530. III. 333. IV. 142).
сосе́ды (IV. 52. 54. 61. 75. 76. 84).
Р. { сосе́дей (IV. 116. III. 298. IV. 104. 143).
сосе́довъ (IV. 41. 76).
Д. { сосе́дямъ (II. 44. III. 530. IV. 121).
сосе́дамъ (II. 166).
В. { сосе́дей (III. 470).
сосе́довъ (IV. 85).
Т. { сосе́дями (I. 10).
сосе́дами (IV. 51. 124. 160).

Множественное число.

И. че́рти (III. 243. III. 452. 455).
Р. черте́й (II. 141. III. 312. III. 452).
Д. чертя́мъ (III. 453. III. 454).
Т. чертя́ми (III. 454).

1) Это правописаніе имѣетъ значеніе для сужденія о произношеніи Пушкина въ виду, именно, послѣдовательности этой ореографіи въ изданіи Литер. Фонда. См. Введеніе выше.

При этомъ параллельномъ склоненіи видно, что слово *чортъ* у Пушкина перешло, благодаря своему окончанію имен. падежа мн. числа *и*, *цѣликомъ* въ другое склоненіе во всѣхъ формахъ множ. числа, т. е. въ то склоненіе, къ которому у акад. Востокова принадлежитъ слово *конь* (Первое правильное склоненіе 5-ое окончаніе им. падежа ед. ч. У насъ — таблица Г. См. наше предисловіе къ I-му выпуску Грамматики. Такимъ образомъ, слово *чортъ*, принадлежа, по Востокову, къ *одному* первому правильному склоненію, т. е. не представляя изъ себя въ своихъ формахъ падежей перехода изъ одного склоненія (перваго) въ другое (второе), подобно слову *время* и проч., принадлежитъ не къ тѣмъ именамъ, которыя склоняются по *разнымъ склоненіямъ*, но къ тѣмъ, которыя склоняются по *разнымъ окончаніямъ одного и того-же склоненія*, т. е. въ сущности также принадлежатъ къ *разносклоняемымъ* именамъ. (См. Востоковъ. Русская Грамматика. Полная. Изд. 12-ое. СПБ. 1874 г. § 27. § 29. II. 3. г. Стр. 26). Сюда же принадлежитъ по окончанію имен. падежа мн. ч. *и* слово *людъ* (Соч. Пушкина III. 568.), которое въ им. и зват. п. мн. ч. имѣетъ *лю́ди* (III. 393. 410. 490.), дат. *лю́дямъ* (III. 385. IV. 3), предл. п. *людяхъ* (V. 336), род. *людéй* (III. 386. 63. IV. 1), вин. *людéй* (III. 74), твор. *людьмú* (III. 186. VI. 27). Также слово *холопъ* (VI. 68); им. п. мн. числа на -*и* отъ этого слова доказывается формою *холопей* — вин. мн. (V. 32). Твор. падежъ *людьмú* уже перешелъ въ склоненіе на *ъ* женскаго рода. (См. ниже). Срв. форму твор. падежа множ. числа: *холопями* (V. 44. VI. 308), какъ *сосѣдями* и *чертями*. Объ этомъ ниже, въ твор. падежѣ. Такимъ образомъ, изъ словъ этого типа (Табл. А) только *три* сохранили у Пушкина старое окончаніе имен. падежа мн. числа: *черти*, *сосѣди*, *люди*, гдѣ это окончаніе является старымъ, а не стоящимъ по требованію современной намъ орѳографіи, какъ это мы видимъ, напр., въ имен. падежахъ мн. числа *врагú* (III. 147), *чертóги* (I. 53), *сапоги* (IV. 329), *бóги* (I. 53. II. 153), *вóлки* (III. 500), *полкú* (III. 143), *казакú* (II 285. II. 296. III. 143. 149. IV. 437) — вездѣ съ

удареніемъ *на концѣ*. (Примѣръ послѣдній — IV. 437 — взятъ изъ прозы); *сундукú* (I. 10), *женихú* (III. 118. 521), *дýхи* (II. 100), *духú* (III. 244), *стихú* (II. 105), *вздóхи* (I. 112), *пѣтухú* (I. 108) и под.

Слова: *другъ* (I. 5), *рогъ* (I. 91), *снѣгъ* (III. 328) имѣютъ у Пушкина два окончанія въ им. п. мн. ч., какъ показываютъ примѣры: *дрýги* (III. 281) и *друзья́* (I. 80); *рóги* (I. 182) и *рогá* (III. 86). Срв. *два рогá* (I. 112), откуда видно, что множ. *рогá* есть по формѣ остатокъ стараго двойственнаго числа. Срв. удареніе въ род. п. ед. числа. (См. объ удареніи ниже). *Снѣги* (I. 207) и *снѣгá* (III. 358). Слова: *берегъ* (III. 478) и *брегъ* (I. 5. 367. II. 258) имѣетъ *берегá* (VI. 75) и *брегá* (I. 56. 134). Слово *лугъ* (I. 259) — *лугá* (I. 368. III. 109); слово *богъ* (I. 125) — им. п. мн. ч. только *бóги* (I. 53. II. 153). Слово *сукъ* въ им. п. мн. ч.: *сукú* (III. 495) и *сучья* (IV. 135). Слово *смѣхъ* (II. 73) имѣетъ форму им. падежа мн. числа, нынѣ рѣдко употребляемую вообще *смѣхи* (I. 26). Слово *гóродъ* (II. 87) въ им. п. мн. ч.— *городá* (I. 236), но *градъ* (I. 56. III. 559) — *грáды* (I. 55). Слово *годъ* (I. 115) — *гóды* (I. 176. II. 77. III. 114. 375) и *годá* (I. 117). Слово *поводъ* — *повóдья* (III. 507. IV. 44). Слово *холопъ* (VI. 68) им. п. мн. ч. — *холóпья* (VI. 28. III. 38. VII. 295). Слово *стулъ* (I. 7) — *стýлья* (III. 370. Вин. = имен. п.). Слово *сосѣдъ* (III. 526) — *сосѣды* (IV. 52 и др.) и *сосѣди* (III. 530. См. выше). *Скирды* (VI. 19)[1]. Слово *братъ* (III. 101) — *брáтья* (II. 11. III. 521). Слово *листъ* во мн. ч. *листы́* (III. 127) и *ли́стья* (II. 100. III. 386). Слово *прутъ* — *прýтья* (III. 495). *Кóлосъ* — *колóсья* (III. 65). Слово *чортъ* — *чéрти* (III. 243). См. выше.

*Глазъ* (II. 88) — *глазá* (II. 100. III. 25. 143. IV. 4. 34). *Лѣсъ* (I. 6) — *лѣсá* (III. 259. V. 24); *пáрусъ* (I. 304) — *парусá* (II. 105. Срв. во Ѳрак. элегіяхъ Теплякова — *пáрусы* — зват. п.

---

1) Им. п. мн. ч. *скирды* и твор. п. мн. ч. *скирдами* (IV. 359) не обнаруживаетъ собой формы именит. падежа ед. числа, которая можетъ быть и *скирдъ* и *скирдá*.

мн. ч., въ разборѣ Пушкина. V. 335). Слово *волосъ* въ им. падежѣ мн. числа имѣетъ *вóлосы* (III. 25) и *волоса* (IV. 44. 34. V. 239). Но всегда: *власы́* (I. 18. II. 137). Слово *сынъ* (II. 49) имѣетъ во множ. числѣ и формы правильныя, и образованныя отъ другой основы: *сыны́* (I. 55. 85. III. 142. 143) и *сыновья́* (II. 154). Это двойное склоненіе соблюдается у Пушкина во всѣхъ падежахъ мн. числа. (О склоненіи слова *сынъ*, какъ *разносклоняемаго*, см. ниже, въ отдѣлѣ разносклоняемыхъ словъ и въ замѣчаніяхъ къ нимъ). Въ ед. числѣ слово *сынъ* — правильно (см. III. 491. II. 23. III. 560. I. 16. III. 12. 499. — формы ед. числа этого слова). Слово *гробъ* — *грóбы* (II. 50) и *гробá* (I. 298. III. 564). *Домъ* (III. 565) — *дóмы* (II. 111. 153. III. 410. 554. VI. 60) и *домá* (III. 231. IV. 9. VI. 65).

*Óстровъ* (III. 572) — *островá* (III. 559). Замѣтимъ также им. п. мн. ч. *хлопья* (снѣгу) — IV. 49. (Отъ неупотр. им. ед. ч. *хлопъ*). Слово *комáръ* (III. 549) у Пушкина склоняется, какъ и слѣдовало ожидать, *только* по твердому склоненію, какъ вообще въ великор. нарѣчіи; потому им. п. мн. ч. — *комары́* (II. 103). (Въ южнорусскихъ говорахъ — *комарí* — по мягкому склоненію: *комáрь*). О словѣ *соколъ* (род. п. ед. ч. у Пушкина: *сóкола* — III. 533) см. въ отдѣлѣ ударенія, ниже. Слова: *киверъ*, *кучеръ*, *мастеръ*, *вечеръ* (III. 412) имѣютъ: *киверá* (I. 177), *кучерá* (III. 370. IV. 13), *мастерá* (IV. 13), *вечерá* (III. 403. IV. 2. 41. VII. 218.). Также: *обшлагá* (VI. 52), но слово *офицéръ* — только: *офицéры* (IV. 38. 13. VI. 73) IV. 52. Объ удареніи им. падежа мн. ч. на *-а* см. ниже.

Род. падежъ множ. числа оканчивается, какъ видно изъ таблицы А, на *-овъ* обыкновенно; но есть еще окончанія *-евъ*, *-ей* и *-ъ*, сближающее эту форму съ формой имен. падежа ед. числа. Окончанія *-евъ* и *-ей* стоятъ въ связи съ окончаніями имен. падежа мн. числа (*брáтья* — *брáтьевъ* (III. 522), *чéрти* — *чертéй* (II. 141. III. 312) и под.) или стоятъ по требованію современной орѳографіи (*старецъ* — II. 273 — *стáрцевъ* (II. 293) и проч. при: *мудрецóвъ* — I. 72. II. 85, *дворцóвъ* — III. 256, *гребцóвъ* —

II. 178, *птенцо́въ* — III. 482, *пловцо́въ* — I. 143, *глупцо́въ* — III. 358, *молодцо́въ* — III. 101, *бѣглецо́въ* — III. 140, *ѣнцо́въ* — II. 42. и проч. Срв. *люби́мцевъ* (III. 143), *лѣни́вцевъ* (I. 133), *мѣсяцевъ* (III. 54) и проч.).

Отмѣтимъ род. падежи мн. ч.: *друзе́й* (I. 3. 182), *сосѣ́дей* (IV. 116. См. выше) и *сосѣдовъ* (IV. 41); *сапогъ* (IV. 59) и *сапого́въ* (II. 108), *турковъ* (V. 5. IV. 437)[1]), *чулко́въ* (III. 89).

*Гадъ* (II. 2) при имен. ед. ч. *гадъ (?)*. *Глазъ* (III. 515), *солдатъ*[2]) (VI. 32. 68. 69), *кирасиръ* (VI. 73), *гренадеръ* (VI. 25), *гусаръ* (VI. 60) и *гуса́ровъ* (I. 120).

Отъ слова *пудъ* — род. п. мн. ч. тоже *пудъ* (VI. 334. «Камч. Дѣла»).

Отъ слова *листъ* Пушкинъ употребляетъ безразлично род. п. мн. ч.: *листо́въ* (II. 141. III. 359) и *ли́стьевъ* (II. 116). Срв. им. падежъ мн. ч. выше. Отъ сл. *холо́пъ* (VI. 68) род. мн. ч. *холо́пьевъ* (III. 358). Срв. выше и форму вин. падежа множ. числа въ замѣчаніяхъ къ этому падежу.

Форма *эполе́товъ* (I. 74) обнаруживаетъ собой форму им. п. ед. ч. *эполе́тъ* въ муж. родѣ. Срв. франц. *épaulette;* произношеніе этого слова перенесено Пушкинымъ и въ русскій языкъ, хотя во франц. языкѣ это слово и женскаго рода. (См. выше «Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина»).

Отъ слова *сынъ* (II. 49) находимъ род. п. мн. ч. *сыно́въ* (II. 68) правильно и *сынове́й* (II. 203. III. 533)—отъ другой основы. (См. разносклоняемыя имена. Ниже).

Слово *уланъ* въ род. п. мн. ч. *ула́новъ* (III. 560).

Отъ слова *зубъ* (III. 495) мы имѣемъ двѣ формы для род. падежа мн. числа: *зубо́въ* (III. 244) и *зубъ* (III. 157. 308), какъ въ народныхъ влкр. говорахъ и у Крылова въ баснѣ: «*Собака, человѣкъ, кошка и соколъ*».

---

1) Пушкинъ (V. 136) говоритъ по поводу формы *турковъ*: «Какъ надобно писать: *турковъ* или *турокъ?* То и другое правильно. *Турокъ* и *турка* равно употребительны».

2) *Солдатъ* — им. ед. (III. 154).

Дательный пад. мн. числа. Окончаніе этой формы не представляетъ у Пушкина особенныхъ отклоненій отъ нормы современнаго намъ литературнаго произношенія. Отмѣтимъ формы: *друзья́мъ* (I. 358), *сосѣдамъ* (II. 166) при *сосѣдямъ* (II. 44. III. 530. IV. 121. См. выше), *бра́тьямъ* (III. 502), *чертя́мъ* (III. 453). См. выше, въ имен. п. мн. ч. Дат. п. мн. ч. отъ слова *сынъ* (II. 49) — *сына́мъ* (I. 104. III. 547).

Винит. падежъ мн. числа обыкновенно либо сходенъ по формѣ съ именительнымъ, если значеніе слова—предметъ неодушевленный, либо — съ родительнымъ, если предметъ одушевленный. Но нѣкоторыя формы этого падежа представляютъ существенный интересъ для исторіи нашего литературнаго языка. Напр., у Пушкина мы нерѣдко встрѣчаемъ вин. п. мн. ч. *до́мы* (III. 17. 500. IV. 110. VI. 68) при формѣ *дома́* (IV. 9). (Такъ какъ формы им. и вин. падежей сходны между собой, то здѣсь примѣры не повторяются, если они уже приведены въ замѣчаніяхъ къ им. падежу мн. числа). Срв. *года́* (III. 288) и *го́ды* (II. 17. III. 241), *города́* (I. 173), но *гра́ды* (III. 142), *сосѣдовъ* (IV. 85) и *сосѣдей* (III. 470, см. выше), *повода́* (IV. 439. Срв. им. п. мн. ч. — выше: *пово́дья* (III. 507) отъ сл. *поводъ*) и *поводья* (IV. 90). *Наро́ды* (III. 51) — какъ отъ предмета неодушевленнаго, собирательнаго значенія, согласно правилу. Отмѣтимъ также формы: *друзе́й* (III. 125), *брега́* (I. 260. II. 72. III. 370) и *берега́* (II. 21. 105). *луга́* (I. 207. 366. III. 358), *снѣга́* (II. 72. 102. 211), *рога́* (I. 174. III. 141) и *ро́ги* (I. 116).

Въ молитвенномъ обращеніи. умышленно изложенномъ Пушкинымъ на языкѣ съ примѣсью церковно-слав. элементовъ мы находимъ форму вин. п. мн. ч. отъ слова *врагъ* (III. 507) — *враги́* (III. 25. Въ выраженіи: «Подай ему побѣду *на враги*») при обычной формѣ: *враго́въ* (III. 309). Въ такомъ же, смѣшанномъ по языку, разговорѣ бродяги-чернеца, начитавшагося когда-то церковныхъ книгъ («смолоду» — III. 23), мы находимъ и форму вин. п. мн. ч. отъ слова *язы́къ* (II. 35).—*язы́цы* (III. 22. Въ вы-

раженіи: «Пріиде грѣхъ велій *на языцы* земніи». Въ его-же языкѣ мы отмѣтили и форму зв. падежа *сыне* (III. 22) — выше.

Отмѣтимъ также форму *бока́* (III. 507), а въ языкѣ монаха-лѣтописца — форму *вѣки* (III. 11. Въ выраженіи «*во вѣки*») отъ слова *вѣкъ*. Вин. п. мн. ч. *бра́тьевъ* (III. 522), *листы́* (II. 102. 168) и *лоску́тья* (III. 560), *глаза́* (II. 12. 147. III. 526), *образа́* (III. 524), но: *моро́зы* (II. 103), *тазы́* (III. 370) и проч. *Лѣса́* (I. 236. II. 75. 103), *паруса́* (III. 409. 411), *волоса́* (III. 246). но: *власы́* (I. 193. 204. II. 245. 258) и *волосы* (VI. 35).

Отъ слова *сынъ* опять находимъ и для вин. п. мн. ч. двѣ формы: *сыно́въ* (II. 25) и *сынове́й* (III. 500. IV. 46. См. ниже). Отъ сл. *рука́въ*—*рукава́* (II. 151). VI. 74.

Вин. падежъ мн. ч. *кираси́ръ* (III. 497). Срв. форму род. п. мн. ч. отъ этого слова (*кирасиръ* —VI. 73) выше.

Отмѣтимъ также формы вин. п. мн. ч. въ обычныхъ выраженіяхъ у Пушкина: *въ дурачкѝ* (III. 365), *въ уланы* (IV. 48), *въ гусары* (IV. 89), *въ капита́ны* (I. 177), *въ ассессора́* (I. 177), *въ мона́хи* (III. 70). Слово *холопъ* (см. выше) имѣетъ вин. п. мн. ч. *холо́пей* (V. 32), какъ слова *чортъ* и *сосѣдъ*, и форму *холопьевъ* (VI. 64) при именит. падежѣ множ. числа *холопья* (см. выше).

Слово *клинъ* — вин. п. мн. ч.— *клинья* (VI. 67). См. вообще при этомъ и замѣчанія къ имен. падежу.

Зват. падежъ мн. числа представляетъ двойную форму отъ слова *другъ: дру́ги* (I. 65. 134. 275. II. 101. 206) и *друзья́* (I. 134. 339. III. 88); *бо́ги* (I. 197. II. 85). Отмѣтимъ также форму *щенки́* (II. 46) отъ сл. *щенокъ*, отъ котораго въ современномъ языкѣ извѣстна и форма *щенята* по разносклоняемымъ образцамъ. (См. ниже). Зват. п. мн. ч. отъ слова *годъ* находимъ у Пушкина *года́* (I. 230). См. замѣчанія къ имен. и вин. п. множ. числа. Зват. п. мн. ч. *бра́тья* (I. 129) и *листы́* (I. 149); *лѣса́* (III. 369); *сыны́* (I. 109. См. имен.— вин. пп. мн. ч.).

Твор. падежъ мн. числа. Въ этомъ падежѣ опять отмѣтимъ формы: *друзья́ми* (III. 151), *сосѣдами* (IV. 124. 160 и др. см. выше) и *сосѣ́дями* (I. 10). См. замѣчанія къ им. падежу

мн. числа. *Скирда́ми* (I. 205), (IV. 359), форма, по которой нельзя опредѣлить у Пушкина им. падежъ ед. числа: въ современномъ языкѣ извѣстны *скирдъ*—муж. р. и *скирда́*—жен. рода. Срв. замѣчанія при им. падежѣ мн. числа. Удареніе *скирда́ми* (I. 205) какъ будто говоритъ за именительный п. ед. ч. *скирда́*.

Далѣе: *бра́тьями* (I. 104); *чертя́ми* (III. 454)—см. имен. п. мн. числа; *колосьями* (IV. 166); *сына́ми* (I. 104. 194) и *сыновья́ми* (III. 492).

Предложный падежъ мн. числа. Какъ мы видѣли выше, всѣ формы косвенныхъ падежей по своимъ окончаніямъ связаны съ окончаніемъ именительнаго падежа, а потому и въ предлож. падежѣ придется отмѣтить формы, подобныя по типу окончаній всему склоненію множ. числа. Особыхъ отклоненій отъ современнаго намъ литературнаго языка мы видѣли сравнительно немного, и каждый разъ нами отмѣчены были *всѣ* формы Пушкинскаго языка, представляющія какія-либо особенности собою. То-же самое мы дѣлаемъ и ниже. Здѣсь отмѣтимъ формы: *друзья́хъ* (см. таблицу А), *сука́хъ* (III. 369. Срв. им. *суки́* и *су́чья*—выше), *листа́хъ* (I. 53. 179) и *ли́стьяхъ* (I. 236), *ко́льяхъ* (II. 48. 112).

## § 3. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на *-ъ, -й, -ь* муж. рода.

### Таблица Б.

Въ таблицу Б внесены нами, какъ видитъ читатель, примѣры именъ сущ. съ окончаніемъ *-й* безъ различія гласной, предшествующей этому окончанію *-й*, вопреки раздѣленію акад. Востокова, который выдѣляетъ группу словъ съ предшествующимъ гласнымъ *і* окончанію *-й* въ особое склоненіе, представляющее собой, по Востокову, одинъ изъ видовъ склоненія перваго, обнимающаго собой десять отдѣльныхъ окончаній им. падежа ед. числа. (Въ предисловіи мы видѣли всѣ основанія для нашего отклоненія отъ системы Востокова въ данномъ случаѣ: мы видимъ въ окон-

чаніи предл. падежа ед. числа именъ на *ій -іи*, въ окончаніи, которое и служитъ для Востокова, именно, основаніемъ для выдѣленія группы этихъ словъ, лишь *ороографическую* особенность *современнаго* намъ языка, а *не особенность этимологическую*, которая можетъ собой *естественно* раздѣлить имена этого склоненія на отдѣльныя группы. Подробности см. въ Предисловіи къ I-му выпуску нашей грамматики—выше).

Род. падежъ ед. числа имѣетъ здѣсь окончанія: *я* и *ю*. Отмѣтимъ *всѣ* формы у Пушкина на *-ю* и тѣ слова, которыя имѣютъ параллельныя формы на *-я* и на *-ю*, не перечисляя правильныхъ и обычныхъ формъ на *-я*. Слово *чай* въ род. ед. *ча́ю* (II. 73. IV. 58. 66. — всѣ случаи раздѣлительнаго значенія). Слово *бой* (I. 137) *-бо́ю* (III. 119 «*съ бо́ю*». IV. 65. VI. 331[1]). Въ послѣднемъ случаѣ приведена дата опять изъ статьи «Камчатскія Дѣла»; примѣръ *съ бою* въ этой статьѣ, быть можетъ, и не принадлежитъ Пушкину, но онъ приведенъ въ виду несомнѣнно существовавшихъ въ языкѣ Пушкина такихъ примѣровъ, какъ показываютъ даты: III. 119 и IV. 65. (Въ этомъ случаѣ мы считаемъ себя вправѣ поступать такъ же, какъ и выше, приводя формы изъ тѣхъ статей Пушкина, которыя включаютъ въ себѣ выписки и замѣтки изъ сочиненій другихъ авторовъ. Точно приводимыя нами при всякой формѣ ссылки на соч. Пушкина въ изданіи Литер. Фонда—1887 года — указываютъ читателю, откуда взята нами форма языка и не могутъ повлечь за собою *никакихъ* недоразумѣній). Слово *зной* (I. 366) имѣетъ форму род. п. ед. ч. *зно́ю* (II. 43). Слово *поко́й* (I. 132)—въ род. ед. имѣетъ *поко́я* (I. 132. II. 17. 122. III. 100) и *поко́ю* (III. 511). III. 458.

Винит. падежъ ед. числа то сходенъ по формѣ съ именит., то-съ родительнымъ при извѣстныхъ условіяхъ значенія. Напр., *край* (I. 5. 114. II. 10. 24), *руче́й* (I. 367) и др., но: *злодѣя* (III. 102), *геро́я* (III. 329).

---

1) Правильную форму род. падежа ед. числа *боя* мы имѣемъ въ VI т. стр. 25.

Предложный падежъ ед. числа имѣетъ два окончанія: *-ѣ* и *-ю*. Приведемъ *всѣ* формы на *-ю*: *рай* (I. 133) — *раю́* (I. 62. 161. III. 411); *край* (I. 5. 288. II. 25) — *краю́* (II. 23. 40. III. 230. IV. 33. 69. VI. 9); *ручéй* (I. 366. II. 28) — *(на)ручью́* (III. 20. Это выраженіе вложено Пушкинымъ въ уста хозяйки корчмы; но самый языкъ хозяйки, вопреки ожиданію, напоминаетъ намъ языкъ старыхъ межевыхъ актовъ и юридическихъ документовъ. Однако ни откуда не видно, чтобы хозяйка была начетчицей; во всякомъ случаѣ это — форма чисто русская народная). Слово *бой* (I. 137. III. 143. 144) — *бою́* (I. 326. II. 77. 122. III. 230. VI. 36) и *бóѣ* (I. 18). Слово *стрóй* (I. 55. III. 144) — *строю́* (III. 560) и *стрóѣ* (I. 18). Объ удареніи см. ниже.

Именит. падежъ мн. числа имѣетъ тоже два окончанія: *-и* и *-я* (ударяемое, какъ и выше окончанія *а* въ этой формѣ. Объ этомъ см. ниже, въ отдѣлѣ ударенія формъ). Приводимъ случаи окончанія *-я*: *край* — *края́* (III. 411). Срв. *случай* — им. мн. *случаи* (IV. 59), *соловéй* (II. 11). — *соловьи́* (II. 52), *ручéй* — *ручьи́* (I. 134. 296), *жрéбій* (I. 9. 154) — *жрéбіи* (I. 296), *стрóй* — *стрóи* (I. 104) и др. под.

Винит. падежъ мн. числа имѣетъ или тѣ же формы, что и именит. падежъ, или — тѣ же, что и родительный. *Края́* (II. 41), *ручьи́* (I. 8), *злодѣевъ* (III. 14).

Зват. падежъ мн. числа сходенъ съ именит. множ. числа: *края́* (I. 56), *герóи* (I. 104).

## § 4. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на *-ъ*, *-й*, *-ь* муж. рода.

### Таблица В.

Род. падежъ ед. числа. Отмѣтимъ единственную форму род. падежа на *-у* въ языкѣ Пушкина, въ именахъ, относящихся сюда: *пуншу*: «*стаканъ пуншу*» (IV. 66). Значеніе раздѣлительное.

Именит. падежъ мн. числа. Окончанія этого падежа въ этомъ склоненіи, какъ и въ склоненіи таблицы А, мы находимъ у Пушкина слѣдующія: *и* (которое здѣсь стоитъ тоже частью *ороографически*, напр., послѣ согласныхъ: *ж* и *ш* — твердыхъ въ современномъ литературномъ произношеніи, какъ стояло это *и* и послѣ *г*, *к*, *х* по требованію ороографіи, что̀ мы видѣли выше; частью же здѣсь это *и* мы находимъ и согласнымъ съ *историческими* условіями, именно, въ положеніи послѣ всѣхъ пе́редне-небныхъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, которые были нѣкогда всѣ мягкими звуками и требовали послѣ себя мягкаго гласнаго *и*. Иначе говоря, *общее* всѣмъ именамъ существительнымъ муж. рода извѣстной старой основы *окончаніе* им. падежа множ. числа *-и* сохранилось лишь нынѣ въ словахъ послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и послѣ гортанныхъ *г*, *к*, *х*, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно сохранилось уже не въ старыхъ условіяхъ, а возникло въ новыхъ условіяхъ и случайно совпало со старымъ *и* по требованію современной ороографіи). Кромѣ стараго окончанія *-и*, мы здѣсь находимъ окончанія: *-а* (конечно, ударяемое. См. ниже), *-ья*. Напр., отъ слова: *ножъ* (III. 86) — *ножи* (IV. 177); *мяте́жъ* (II. 108. III. 119) — *мятежи́* (II. 7); *стражъ* (I. 207. II. 140) — *стра́жи* (I. 64); *ковшъ* (III. 99) — *ковши́* (I. 277); *лучъ* (I. 146. 149) — *лучи́* (I. 236. II. 113); *царе́вичъ* (III. 428) — *царе́вичи* (I. 289); *плащъ* (II. 18) — *плащи́* (III. 351); *това́рищъ* (III. 21) — *това́рищи* (I. 206. III. 143)[1]).

Окончаніе *-а* находимъ въ словахъ: *сторожа́* (III. 205. IV. 127) отъ слова *сто́рожъ* (I. 315); а окончаніе *-ья* — въ словѣ: *мужья́* (I. 352), при которомъ однако есть и *мужи* (IV. 98). Слово *мужъ* (III. 94 и др. см. таблицу В) у Пушкина склоняется во множ. числѣ двояко, какъ и слова: *другъ*, *листъ*, *сынъ* и др. (см. выше), а потому мы приведемъ *всѣ* формы склоненія слова *мужъ* во множ. числѣ:

1) Въ послѣднемъ примѣрѣ (III. 143) напечатано, вѣроятно, по ошибкѣ въ изданіи соч. Пушкина Литер. Фонда, на которое мы постоянно ссылаемся въ своемъ трудѣ, *това́рищы*. У Ефремова (изд. 1880 г.) — *товарищи*.

Склоненіе слова *мужъ* во множ. числѣ.

| | |
|---|---|
| И. мужи (IV. 98). | мужья́ (I. 352). IV. 18. 28. |
| Р. мужéй (III. 150. 304). | мужьевъ (IV. 359). |
| Д. | мужья́мъ (II. 242). |
| В. мужей (IV. 26). | мужьёвъ (III. 324). IV. 106. |
| З. | мужья́ (I. 124. III. 239). |
| Т. | |
| П. мужахъ (IV. 401). | |

Изъ прочихъ падежей этого склоненія (табл. В) обращаютъ на себя вниманіе: винит. падежъ мн. числа по формѣ слова *товарищъ — въ това́рищи* (II. 303. III. 19), твор. падежъ мн. числа по формѣ того же слова: *съ това́рищи* (III. 155). Относительно послѣдней формы надо замѣтить, что она встрѣчается у Пушкина только *однажды*, и то въ стихѣ шутливаго аллегорическаго характера, гдѣ Пушкинъ вышучиваетъ александрійскій стихъ. Вотъ эта строка VII-й строфы изъ «Домика въ Коломнѣ»:

«Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Hugo *съ товарищи*, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры»... (III. 155).

Быть можетъ, въ этомъ мѣстѣ Пушкинъ употребилъ знакомое ему изъ старыхъ русскихъ книгъ выраженіе, ставшее извѣстной *формулой* приказнаго стиля для означенія «компаніи» или «соучастниковъ» такого-то дѣла, преступленія и проч. Выраженіе «*съ товарищи*» особенно долго держалось въ нашемъ юридическомъ быту и языкѣ и употреблено здѣсь Пушкинымъ, конечно, въ шутку, въ томъ смыслѣ, какъ мы и нынѣ можемъ говорить, напр., «Пугачевъ и К°» или что-нибудь подобное.

Наконецъ отмѣтимъ одну форму предложнаго падежа мн. числа отъ сл. *сторожъ*, именно, *на сторожахъ* (IV. 139), вмѣсто которой мы обыкновенно говоримъ: *на сторожѣ*, т. е. употребляемъ предл. п. ед. числа вм. множественнаго. Да, кромѣ того, обѣ эти формы могутъ предполагать собой и форму им.

падежа ед. числа не *сторожъ*, а *сторо́жа*, при которой намъ болѣе знакома теперь форма *стража*. Это, впрочемъ, болѣе относится къ лексикологіи Пушкинскаго языка.

### § 5. **Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на *-ъ*, *-й*, *-ь* муж. рода.**

### Таблица Г.

Имен. падежъ ед. числа: слова: *ле́бедь* (I. 21. 53. II. 244. 315. III. 534) и *то́поль* (I. 93) въ языкѣ Пушкина большею частью своихъ падежныхъ формъ принадлежатъ къ этому склоненію и согласуются съ прилагательными въ муж. родѣ. Отклоненія отъ этой нормы у Пушкина встрѣчаются рѣдко: срв. въ «Черновыхъ Наброскахъ» 1833 г., гдѣ въ подражаніе народному находимъ выраженіе: «Душа-лебедь *бѣлая*» (II. 162). Также въ сказкѣ о царѣ Салтанѣ *лебедь* женскаго рода. (См. III. 428. 429. 430. 433. 434. 439. 443). Но: «*лебедь* величавый» (I. 53) и проч. Такъ-же: «И *бѣлый* тополь озарится». («Мое Завѣщаніе». 1815 г. I. 93). Объ отклоненіяхъ въ прочихъ падежахъ см. въ замѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ падежамъ ниже. Равнымъ образомъ вызываетъ наше замѣчаніе собой именительный падежъ ед. числа *пла́мень* (I. 56. 143. 297. II. 211. 254. III. 571), при которомъ однако изрѣдка Пушкинъ употребляетъ обыкновенное нынѣ *пла́мя* (II. 122. 184. III. 159). Эти два слова, какъ видно будетъ ниже, расходятся только въ формѣ имен. падежа ед. числа, прочіе же падежи идутъ по склоненію разносклоняемыхъ именъ. (См. ниже). Къ этому же склоненію принадлежатъ слова: *ка́мень* (II. 254), *ко́рень*, *хмѣль* (II. 52. Сохраняемъ *ѣ* изданія Литер. Фонда) — слово у Пушкина муж. рода; далѣе: *еле́нь* (II. 283. Им. п. мн. ч. *еле́ни* — II. 294 и *оле́ни* — II. 70), быть можетъ, слово *мозоль* (род. мн. *мозолей*—IV. 34), а также *ставень* (им.—вин. п. ед. ч. IV. 50) вмѣсто нынѣ употребительнаго также *ста́вня* въ жен. родѣ. Наконецъ,—им. п. ед. ч. *Госпо́дь* (III. 9.

Зват. п. между прочимъ также *Госпóдь* — III. 11), которое въ прочихъ падежахъ переходитъ въ склоненіе Таблицы А: *Гóспода*—род. ед. (I. 319. III. 15. 130. 499), *Гóсподу*—дат. ед. (I. 319) и т. д. Прочія слова этого склоненія у Пушкина въ им. падежѣ ед. ч. не вызываютъ замѣчаній. Сюда, напр., принадлежатъ: *вождь* (I. 298. II. 76), *гость* (I. 76), *зять* (III. 3), *гусь* (III. 318), *огóнь* (I. 91. III. 149) и *огнь* (I. 192. 335. II. 229. III. 17), *день* (I. 6. 134), *грéбень* (II. 231), *пáрень* (III. 98. 519), *корáбль* (II. 105), *вопль* (III. 14), *кремль* (II. 129), *червь* (II. 49), *пáхарь* (III. 143), *корóль* (II. 157. III. 482), *янтáрь* (I. 236. III. 244), *вíхорь* (I. 37. II. 15. 214. 221. 154. III. 339) и друг. Слово *путь* (II. 5. 85. 101) принадлежитъ къ именамъ разносклоняемымъ, и лишь нѣкоторыми своими формами относится къ этому склоненію. Объ удареніи различныхъ формъ и цѣлаго склоненія слова *конь* см. ниже, въ отдѣлѣ ударенія формальнаго и въ отдѣлѣ ударенія именъ сущ. у Пушкина, въ концѣ всего I-го выпуска.

Род. падежъ ед. числа отъ сл. *лéбедь* — *лéбедя* (III. 109) и отъ сл. *дуэ́ль*, которое у Пушкина — муж. рода и склоняется по этому склоненію,—*дуэля* (VII. 404). См. «Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина» — выше.

Дат. падежъ ед. числа не вызываетъ особыхъ замѣчаній.

Винит. п. ед. числа: *вождя́* (I. 104), *дождь* (II. 237), *гóстя* (I. 268. II. 47. 237), *лáпоть* (III. 355), *клáдезь* (I. 327), *колóдезь* (I. 126); *плáмень* (I. 360. II. 23. 137. III. 373. 560), *плетéнь* (II. 258), *коня́* (I. 59. 274. 275. II. 99. III. 143). Замѣтимъ старый винит. падежъ въ выраженіи: *нá конь!* (III. 532). *Огóнь* (I. 129. III. 143) и *óгнь* (I. 48. 57. III. 142); *короля́* (II. 156. III. 482); *ýголь* (II. 147) и *ýгль* (II. 3).

Изъ этого видно, что имена одушевленныя имѣютъ форму род. падежа, а неодуш. — именительнаго. Выраженіе «*нá конь*» съ винительнымъ одушевленнаго, сходнымъ съ именительнымъ,— очень рѣдкое. Это выраженіе, вѣроятно, взято изъ языка воен-

ной команды. Впрочемъ, это же выраженіе находимъ у Печерскаго въ разсказѣ «Старые годы».

Зват. п. ед. числа отмѣтимъ отъ слова *Госпóдь*, именно, *Госпóдь* (I. 325. III. 11. IV. 21), между тѣмъ какъ въ современномъ намъ литературномъ языкѣ удержалась для этого падежа старая форма *Гóсподи*. Такая форма у Пушкина—I. 67. Далѣе—отмѣтимъ форму *плáмень* (II. 283) и форму *царю́* (III. 25) въ молитвенномъ обращеніи: «*Царю небесъ*»! Обычная форма при этомъ *о цáрь* (I. 68. III. 532). Далѣе отмѣтимъ зв. падежъ *сýдарь* (съ такимъ удареніемъ это слово въ зват. падежѣ находится въ Лицейскомъ автографѣ стихотворенія «Къ Дельвигу» 1815 г. въ примѣчаніяхъ къ I-му тому Академическаго изданія соч. Пушкина подъ ред. академика Л. Н. Майкова. СПб. 1899 г. стр. 160) и *судáрь* (III. 100. 101), гдѣ сохранено удареніе цѣлаго слова *государь* (III. 532), отъ котораго и образовалось слово *судáрь* путемъ извѣстныхъ фонетич. измѣненій и сокращенія.

Твор. п. ед. числа: *путёмъ* (I. 306. II. 208. 256), *тóполемъ* (I. 53) и *тóполью* (II. 52. По склоненію на -ь женскаго рода. См. ниже). *Хмѣлемъ* (II. 41).

Предложный падежъ ед. числа оканчивается на -*ѣ* и изрѣдка на -*ю* (ударяемое, конечно). Отмѣтимъ: *на дуэлѣ* (II. 82), *царѣ* (III. 25), *монастырѣ* (I. 6. III. 1), *ви́хрѣ* (III. 89), *хрусталѣ* (I. 325. III. 244), *іюлѣ* (I. 177); но: *въ хмѣлю* (IV. 51)—единственная форма на -*ю* этого склоненія у Пушкина.

Имен. пад. мн. числа имѣетъ окончанія: -*и*, -*я* и -*ья*: *гóсти* (I. 268. III. 99), *вожди́* (III. 144), *лéбеди* (I. 272), *дожди́* (I. 276), *гуси* (VII. 23), *ви́тязи* (II. 229); но: *князья́* (I. 289. III. 4), *камéнья* (III. 490. Это собственно им. п. мн. ч. отъ собирательнаго имени *каменье*) и *кáмни* (I. 367. III. 497); *учителя́* (V. 1), *фельдъегеря́* (IV. 68), но: *éгери* (VI. 53), *пи́сари* (I. 177); но: *вензеля́* (I. 367). Срв. правильныя: *цари́* (I. 289. II. 104), *псари́* (III. 86), *рыцари* (I. 198. II. 104), *фонари́* (III. 245. 373), *тóполи* (I. 98. III. 132), *писáтели* (I. 10), *ýгли* (I. 56. II. 111) и проч.

Род. пад. мн. числа: *князе́й* (III. 4), *ка́мней* (II. 72. 189), *корне́й* (II. 44. 183); *рублёвъ* (II. 114. По склоненію типа *край* и под.). Это—подражаніе народному произношенію въ сказкѣ.

Отмѣтимъ также: *то́полей* (I. 34. III. 127), *у́глей* (III. 28).

Дат. падежъ мн. числа: *ка́мнямъ* (I. 17. 92. II. 220).

Винит. падежъ мн. числа. Онъ, какъ и всегда, или сходенъ по формѣ съ именит., или — съ родительнымъ. Напр., *вожде́й* (II. 129. III. 146), *дожди́* (I. 272). Отмѣтимъ выраженія: *въ го́сти* (II. 28. III. 559). Срв. *госте́й* (II. 154). *Въ князья́* (II. 108). Срв. *ви́тязей* (II. 221). *Въ цари́* (III. 4). Срв. *царе́й* (III. 10). Срв. также при неодушевленномъ: *въ кубари́* (I. 46). *Въ писаря́* (VI. 22). Срв. имен. падежъ мн. ч. выше: *пи́сари*. (I. 177). Отмѣтимъ: *каме́нья* (III. 410) и *ка́мни* (II. 113. 284. III. 569. Срв. сказанное выше о формахъ имен. падежа мн. числа этого слова). *Ко́рни* (II. 43. 285). *То́поли* (VII. 102). *У́гли* (II. 165. Срв. им. п. мн. ч. выше).

Твор. п. мн. числа представляетъ интересъ формами: *каме́ньями* (III. 488), *ко́рнями* (III. 355. См. удареніе). *Тополями* (IV. 429); *у́глями* (II. 348. Отъ этого слова, какъ видно изъ склоненія, не встрѣчается у Пушкина собирательная форма).

Предложн. пад. мн. числа: *путя́хъ* (III. 25), *каме́ньяхъ* (II. 70. III. 463).

## § 6. Объ употребленіи формъ род. и предл. падежей на *-у (-ю)*.

Изъ обозрѣнія всѣхъ формъ склоненія на *-ъ*, *-й*, *-ь* муж. рода можно видѣть, что Пушкинскій языкъ представляетъ собой особенное богатство формъ род. падежа и предложнаго падежа ед. числа на *-у* (*-ю*). Однако нельзя сказать, чтобы Пушкинъ строго различалъ формы род. падежа на *-а* и на *-у* по ихъ значенію, какъ нельзя подмѣтить и какой-либо особенности въ употребленіи предложнаго падежа на *-у* (*ю*) сравнительно съ предложнымъ падежомъ на *-ѣ*. Родительный падежъ на *-у* (*-ю*), какъ мы видѣли, не всегда имѣетъ значеніе родительнаго раздѣлительнаго, чему доказательствомъ служатъ такіе примѣры, какъ

*безъ роду*, *отъ роду* и мн. другіе. (См. выше). Слѣдующія слова у Пушкина употребляются *рядомъ* съ обоими окончаніями безъ всякаго различія въ оттѣнкѣ значенія: *ша́га* и *ша́гу; поро́га* и *поро́гу; то́лка* и *то́лку*; *смѣ́ха* и *смѣ́ху; разма́ха* и *разма́ху; го́лода* и *го́лоду*; *ро́да* и *ро́ду; наро́да* и *наро́ду; слѣда́* и *слѣ́ду; го́да* и *го́ду; свѣ́та* и *свѣ́ту; ра́за* и *ра́зу; шу́ма* и *шу́му; до́ма* и *до́му; ро́ма* и *ро́му; поко́я* и *поко́ю*. При этомъ видно, что сл. *наро́ду* въ этой формѣ обычнѣе имѣетъ значеніе раздѣлительное, а, съ другой стороны, что слову *ро́му* въ этой формѣ вовсе не приписывается значеніе исключительно раздѣлительное, т. к. съ такимъ значеніемъ извѣстна у Пушкина и форма *ро́ма*. Въ предложномъ падежѣ: *бе́регѣ* и *берегу́; кру́гѣ* и *кругу́; песќѣ* и *песку́; уголќѣ* и *уголку́; лѣ́сѣ* и *лѣсу́; гро́бѣ* и *гробу́; до́мѣ* и *дому́; бо́ѣ* и *бою́; стро́ѣ* и *строю́*. Правильныя формы съ оконч. *а*, *я* (для родит. п.) и *ѣ* (для предложн. п.) отъ этихъ словъ см. на слѣдующихъ мѣстахъ: родительные падежи: III. 351. I. 144. 243. III. 333. 211. 572. 158. I. 122. II. 48. 252. III. 411. 532. II. 99. 211. I. 299. II. 123. III. 11. I. 369. II. 147. I. 8. III. 482. I. 72. III. 565. 570. I. 118. II. 22. 71. I. 132. II. 17. 122. III. 100; предложные падежи: I. 17. 181. II. 45. I. 72. II. 73. 162. I. 361. III. 525. 527. 589. 352. I. 18. Здѣсь читатель найдетъ соотвѣтствующія формы словъ: *шагъ*, *порогъ*, *толкъ*, *смѣхъ*, *размахъ*, *голодъ*, *родъ*, *народъ*, *слѣдъ*, *годъ*, *свѣтъ*, *разъ*, *шумъ*, *домъ*, *ромъ*, *покой* — въ род. падежахъ; и словъ: *берегъ*, *кругъ*, *песокъ*, *уголокъ*, *лѣсъ*, *гробъ*, *домъ*, *бой* и *строй*. Изъ такихъ примѣровъ, какъ: *въ снѣгѣ* и *на снѣгѣ* (III. 328 и 399. 247), видно, что Пушкинъ даже не стѣснялся употребленіемъ предлоговъ *въ* и *на*, оставляя при нихъ форму предл. падежа на *-ѣ*, вопреки обыкновенію нашего современнаго литературнаго языка, въ которомъ послѣ этихъ предлоговъ мы теперь чаще употребляемъ формы на *-у* (ударяемое): *въ снѣгу́* и *на снѣгу́*, закрѣпляя форму на *-ѣ* при предлогѣ *о*, *объ: о снѣ́гѣ*, но не: *о снѣгу́*. Срв. *въ вѣ́кѣ* (II. 78) и *на вѣку́* (V. 273) — выше. Болѣе обстоятельное изложеніе вопроса объ управленіи пред-

логовъ и значеніи падежей у Пушкина см. ниже, въ отдѣлѣ *предлоговъ* и *синтаксиса падежей.* Здѣсь мы обратили лишь вниманіе на степень распространенности данныхъ падежныхъ окончаній въ языкѣ Пушкина.

## § 7. Объ удареніи падежныхъ формъ склоненія на *-ъ*, *-й*, *-ь* муж. рода.

Изъ всѣхъ падежныхъ формъ, въ которыхъ удареніе обусловлено формальнымъ окончаніемъ, мы остановимся на формахъ род. падежа ед. числа, предложнаго падежа ед. числа и именительнаго падежа множ. числа, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который предлагаютъ намъ стихотворныя произведенія Пушкина, и который относится къ разряду именъ существительныхъ, разсмотрѣнныхъ нами въ предыдущихъ шести параграфахъ Грамматики. Равнымъ образомъ намъ придется коснуться и тѣхъ удареній, которыя стоятъ въ стихотвореніяхъ Пушкина на именахъ существительныхъ изложеннаго нами отдѣла въ ихъ сочетаніи съ числительными *два* и *оба*, т. к. въ этихъ послѣднихъ случаяхъ удареніе также частью обусловлено формою имени существительнаго.

Мы видѣли, что рѣзкимъ отличіемъ формы род. падежа ед. числа отъ формы предл. падежа того же числа именъ сущ. на *-ъ*, *-й*, *-ь* муж. рода, въ случаѣ тожественности окончаній этихъ двухъ падежей, именно, въ случаѣ ихъ окончанія *-у* и *-ю* въ обоихъ этихъ падежахъ, и при условіи сохраненія ударенія въ род. пад. ед. ч. на томъ же слогѣ, гдѣ оно было въ имен. пад. ед. ч., является отличіе ихъ *по ударенію:* въ род. падежѣ удареніе стоитъ на корнѣ при окончаніи падежа на *-у*, *-ю*; въ предложномъ падежѣ — всегда на этомъ окончаніи *-у* или *-ю: ша́гу* и *шагу́*, *снѣ́гу* и *снѣгу́*, *ви́ду* и *виду́*, *хо́ду* и *ходу́*, *го́ду* и *году́*, *мо́сту* и *мосту́*, *по́ту* и *поту́*, *но́су* и *носу́*, *ча́су* и *часу́*, *лѣ́су* и *лѣсу́*, *до́му* и *дому́*, *бо́ю* и *бою́*. (Ссылки см. выше). Мы привели только тѣ примѣры, которые имѣются въ двухъ интересующихъ насъ падежныхъ формахъ и заключаются въ *сти-*

*хотвореніяхъ* Пушкина. Уже изъ этого перечня видно, что языкъ Пушкина въ этомъ отношеніи нисколько не отступаетъ и отъ современнаго намъ произношенія. Замѣтимъ, что иногда бываетъ полное совпаденіе формъ род. и предл. п. на *-у* не только по окончанію, какъ мы видѣли только что, но и по ударенію, но это совпаденіе представляетъ собой уже отклоненіе Пушкинскаго языка отъ современнаго намъ: въ современномъ литературномъ употребленіи разсматриваемыхъ формъ замѣчается слѣдующее: если удареніе стоитъ на окончаніи род. падежа *-у*, то: 1) такой родительный обыкновенно имѣетъ значеніе *раздѣлительнаго* родительнаго, 2) при такомъ родительномъ уже въ предложномъ падежѣ обыкновенно бываетъ окончаніе *-ѣ* ударяемое. Такъ, мы имѣемъ род. падежи: *табаку́*, *песку́*, *свинцу́*, *огоньку́*, *творогу́*, *кваску́*, *борщу́*, *ледку́*, *медку́*, *чайку́*, *сахарку́*, *балыку́*, *табачку́*, *кофейку́* и под. — всѣ со значеніемъ род. раздѣлительнаго; но при этомъ мы говоримъ: *въ табакѣ́*, *въ пескѣ́*, *въ свинцѣ́*, *въ огонькѣ́*, *въ творогѣ́*, *въ борщѣ́*, *въ медкѣ́*, *въ сахаркѣ́* и проч. Изъ этихъ формъ у Пушкина мы имѣемъ двѣ формы *род. падежа*: *песку́* и *свинцу́* (см. выше), но при этомъ и одну форму—*песку́*— предложнаго падежа: «Янтаря — *что песку́ тамъ морского*». (II. 153) и: «*Онѣ въ песку́* Днѣпра-рѣки *зарыты*». (III. 474).

Въ послѣднемъ случаѣ мы нынѣ сказали бы: «Онѣ *въ пескѣ́* Днѣпра-рѣки зарыты». Сравни «на груду *песку́*» (род.-раздѣлит. Соч. Пушкина. IV. 73. Выше). Формы *свинцу́* и *табаку́* извѣстны намъ у Пушкина только въ род. падежѣ и со значеніемъ тоже раздѣлительнымъ, какъ и слѣдовало ожидать: «Пять пудъ свинцу́» (VI. 334), «Нюхайте табаку́» (VII. 12), а потому, не имѣя формъ предложнаго падежа, мы не можемъ въ данномъ случаѣ говорить объ отклоненіи языка Пушкина отъ современнаго намъ подобно тому, какъ мы видѣли выше на формѣ *песку́*.

Выше мы видѣли, что удареніе род. падежа на *-у* въ извѣстныхъ случаяхъ представляетъ отклоненіе отъ общаго правила: именно стоитъ на окончаніи вмѣсто корня, т. е. стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно оно должно стоять въ предлож.

падежѣ на *-у*. Въ этомъ случаѣ предложный падежъ, сохраняя мѣсто для ударяемаго слога, однако измѣнилъ самое окончаніе *-у* на *-ѣ*.

Но мы имѣемъ еще и такія данныя, которыя говорятъ намъ о слѣдующемъ: если мы находимъ удареніе въ *многосложномъ* словѣ на корнѣ, то: 1) предложный падежъ не будетъ имѣть окончанія *-ý*, слѣдовательно, не будетъ имѣть и ударенія на окончаніи; а 2) родительный падежъ такихъ словъ имѣтъ окончаніе *-у* для выраженія *раздѣлительнаго* и *нераздѣлительнаго* значенія, удареніе же его, по общему правилу, стоитъ на корнѣ. Слѣдовательно, въ первой группѣ словъ мы видѣли по сходству удареній приближеніе род. падежа къ предложному, но различіе при этомъ окончаній этихъ двухъ падежей; а во второй группѣ словъ мы видимъ по сходству удареній приближеніе предложнаго падежа къ родительному, но опять различіе при этомъ въ окончаніяхъ этихъ двухъ падежей. Ко второй группѣ относятся формы: *у порóгу* и *на порóгѣ*, *фунтъ пóроху* и *въ пóрохѣ*, *съ гóлоду* и *въ гóлодѣ*, *отъ хóлоду* и *въ хóлодѣ*, *мѣра горóху* и *въ горóхѣ*, *кусокъ сáхару* и *въ сáхарѣ* и под. Изъ этихъ формъ у Пушкина мы имѣемъ: *пóроху*, *гóлоду*, *порóгу* — всѣ формы *род. падежа*[1]). Но при этомъ для предлож. падежа находимъ: *порóгѣ* (I. 296). Само собой разумѣется, что слова односложныя въ косвенныхъ надежахъ, какъ напр., *рту* (IV. 139), *льду* (I. 79), *лбу* (III. 25. 448), *рву* (II. 70) могутъ удареніе имѣть только на одномъ мѣстѣ, а потому здѣсь мы о нихъ не говоримъ.

Переходя къ вопросу объ окончаніи имен. падежа мн. числа, мы прежде всего видимъ, что это окончаніе, коль скоро оно есть *-а*, -(*я*), имѣетъ на себѣ удареніе такъ же, какъ это мы видѣли на окончаніи *-у* (*-ю*) предложн. падежа ед. числа. Слѣдующіе примѣры языка Пушкина доказываютъ собою ударяемость окончанія *-а* (*-я*) въ им. падежѣ мн. числа разсматриваемыхъ именъ существительныхъ: *рогá* (III. 86), *брегá* (I. 56. 134), *снѣгá* (III.

1) См. выше, въ Замѣчаніяхъ къ отд. формамъ падежей. § 2.

358), но: *ро́ги* (I. 182), *снѣ́ги* (I. 207); *города́* (I. 236), *года́* (I. 117); но: *го́ды* (I. 176. II. 77. III. 375); *глаза́* (II. 100. III. 143); *лѣса́* (III. 259), *паруса́* (II. 105), *волоса́* (III. 246 — вин. п.; им. мн. въ прозѣ — см. выше); но: *во́лосы* (III. 25); *дома́* (III. 231), *гроба́* (I. 298. III. 564), но: *до́мы* (II. 111. 153. III. 410. 554), *гро́бы* (II. 50); *края́* (II. 41 — вин. п.). Здѣсь мы не приводили формъ, взятыхъ изъ прозы Пушкина (*всѣ* формы приведены выше, въ Замѣчаніяхъ) и тѣхъ, которыя не встрѣчаются съ двумя окончаніями: *ы* и *а́*, а только съ однимъ ударяемымъ *а*, напр., *острова́*, *рукава́*, *кивера́*, *ассессора́*, *писаря́*, *фельдъегеря́* и проч. (Онѣ *всѣ* перечислены выше, въ Замѣчаніяхъ). Правда, сюда вошли формы *брега́*, *города́*, *глаза́*, *лѣса́*, *паруса́*, но это потому, что онѣ и не употребляются не только Пушкинымъ, но и никѣмъ изъ насъ нынѣ съ другимъ окончаніемъ (*ы—и*), кромѣ -а. Если мы сравнимъ *по ударенію* эти формы съ формами род. падежа ед. числа на *-а* (*-я*), то убѣдимся, что между этими падежами по ударенію такая же разница, какую мы наблюдали и въ формахъ род. и предл. падежей ед. числа, т. е. здѣсь род. ед. числа не будетъ имѣть ударенія на окончаніи, а имен. падежъ множ. числа, именно, имѣетъ его *на окончаніи -а* (*-я*). Срв. род. падежи: *бре́га* (I. 276. Въ иныхъ случаяхъ форма род. падежа теряетъ совсѣмъ свое удареніе, передавая его предыдущему предлогу и становясь энклитикой. Напр., мы встрѣчаемъ въ стихѣ: «И видятъ — на холмѣ, у брега Днѣпра»... (I. 276) удареніе на корнѣ: *у бре́га;* удареніе это сохранило свое мѣсто, благодаря амфибрахическому ритму стиха. Но въ стихѣ:

«Драбанты у брега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили» (III. 149)

мы имѣемъ то же выраженіе *у брега*, однако съ переносомъ ударенія на предлогъ: *у́ брега*, благодаря ямбическому ритму стиха. Правда, что въ стопѣ *брегà* удареніе ритмическое (ямбическое) стоитъ на окончаніи падежа, но это удареніе не этимологическое,

а ритмическое, и потому оно не дѣлаетъ эту форму исключеніемъ изъ общаго правила, приведеннаго нами выше, касательно ударенія род. падежа ед. числа сравнительно съ удареніемъ им. падежа мн. числа при ихъ окончаніи на *-а* (*-я*). Такихъ примѣровъ, какъ *ý брегà*, мы находимъ у Пушкина много. Срв. «Да славится онъ *óтъ морѧ̀* до моря» (III. 25), гдѣ мы имѣемъ такой же случай потери этимологическаго ударенія и передачи его предыдущему предлогу въ стопѣ *морѧ̀*, въ сочетаніи: *óтъ моря*, причемъ удареніе на окончаніи *-я* слова *морѧ̀* есть опять удареніе ритмическое, по требованію размѣра — ямба. Срв. «Другъ *нá другà* словесники идутъ». (III. 157) — ямбъ, гдѣ слово *дрýга* передало свое удареніе (этимологическое) предлогу и получило взамѣнъ его новое, ритмическое: *другà*. И мн. др. (См. ниже, въ отдѣлѣ общаго ударенія).

Будемъ продолжать сравненіе формъ род. падежа ед. числа на *-а* съ формами имен. падежа мн. числа на *-а* по ударенію; род. падежи у Пушкина: *снѣ́га* (III. 328), *гóда* (II. 211), *дóма* (I. 72. III. 565. 570), *грóба* (I. 171. II. 20. III. 528), *крáя* (II. 119). Это различіе въ удареніи *по формамъ* принадлежитъ сравнительно глубокой древности, когда русскій языкъ различалъ еще три числа: единственное, двойственное и множественное. Въ эту эпоху множ. число въ им. падежѣ не имѣло еще окончанія *а* отъ разсматриваемыхъ именъ, и формы на *а* (ударяемое) принадлежали *двойственному* числу и отличались *по ударенію* отъ формъ род. падежа ед. числа. Но уже послѣ утраты единства русскаго языка и послѣ потери двойств. числа формы на *а* ударяемое стали служить службу множ. числа и соединяться со множ. числомъ, между тѣмъ какъ формы род. падежа ед. числа, сохранивъ свое удареніе, такъ и остались и вовлекли въ свою область тѣ формы двойственнаго числа, которыя сохранялись еще въ сочетаніи съ числительными *два, оба;* эти числительныя, въ свою очередь, въ своей конструкціи съ именами, послѣ паденія двойств. числа, подпали подъ вліяніе конструкціи числительныхъ *пять*, *шесть* и т. д., послѣ которыхъ употреблялся родительный падежъ. Такъ

произошли сочетанія: *два гла́за*, а не *два глаза́*, при чемъ *глаза́* стало формою *множ.* числа; *два го́да*, а не *два года́; два ро́га*, *два со́кола* и проч.

Слѣдовательно, ударяемое *а* въ имен. падежѣ множ. числа свидѣтельствуетъ о старой формѣ *двойств.* числа разсматриваемыхъ именъ. Пользуясь этимъ выводомъ, мы и въ языкѣ Пушкина по ударенію (въ стихотвореніяхъ) можемъ найти или полное согласіе съ нашими выводами и съ современнымъ намъ литературнымъ языкомъ, или болѣе или менѣе существенныя отклоненія. Въ этомъ отношеніи интересны по ударенію формы: *два рога́* (I. 112), *два шага́* (III. 351), *четыре... шага́* (III. 351), далѣе въ трехъ случаяхъ стоитъ *три́ раза̀* (I. 369. II. 147. III. 11); наконецъ — *о́ба со́кола́* (III. 533). Представляется-ли въ какомъ-нибудь изъ этихъ случаевъ отклоненіе отъ общаго правила по ударенію и формѣ падежа, или нѣтъ? Что касается сочетаній *три́ раза̀*, то во всѣхъ трехъ случаяхъ мы имѣемъ на формѣ *раза̀* ритмическое удареніе (по требованію размѣра — ямба), а этимологическое удареніе носитъ на себѣ числительное *три*. Слѣд. форма *раза* стоитъ энклитически, и потому эти случаи *не представляютъ* отклоненій. Сочетанія: *два*, *четыре шага́* въ виду того, что слово *шагъ* (III. 143) имѣетъ подвижное удареніе во множ. числѣ: *шаго́въ* (II. 19. 182. III. 352), *шаги́* (I. 260), *шага́ми* (III. 482), *шага́хъ* (III. 145) при твор. ед. ч. *ша́гомъ* (II. 208), могутъ объясняться переносомъ ударенія и въ выраженіи *два шага́*, какъ говоримъ и мы нынѣ. То-же можно сказать и о сочетаніи *два рога́*. Срв. твор. мн. *рога́ми* (I. 50), предл. *рога́хъ* (III. 329). Сочетаніе же *оба сокола* имѣетъ удареніе этимологическое на слогѣ *со*: *со́кола*, какъ у Пушкина и въ прочихъ падежахъ ед. числа: р. *со́кола* (III. 533), в. *со́кола* (III. 502). Срв. однако тв. п. мн. ч. III. 470. Подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ остается сочетаніе *два рога́* въ виду множ. числа им. падежа тоже — *рога́*.

21 •

## Д. Именительный падежъ ед. числа на *-о*.

### § 8. **Образцы.**

Единственное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | лѣто (I. 139). | | лицó (III. 342). |
| Р. | лѣта (III. 504). | | лицá (II. 132. III. 92). |
| Д. | | злáту (I. 220). | лицý (II. 187. III. 470). |
| В. | лѣто (III. 504). | | лицó (II. 140. III. 102). |
| З. | лѣто (II. 103). | | |
| Т. | | злáтомъ (II. 93. III. 109). | лицóмъ (II. 362). |
| П. | | злáтѣ (I. 46. 49). | лицѣ́ (II. 209. III. 431). |

Множественное число.

| | | |
|---|---|---|
| И. | лѣтá (I. 179).<br>лѣ́та (I. 197). | ли́ца (III. 384). |
| Р. | лѣтъ (I. 130. 237. II. 51. III. 11. 503). | ли́цъ (III. 10. 242). |
| Д. | лѣ́тамъ (I. 328). | лицамъ (IV. 117. 142). |
| В. | лѣ́та (I. 211. 242. 312. 281. III. 288). | ли́ца (III. 560). |
| З. | лѣтá (I. 130). | |
| Т. | лѣтáми (I. 208).<br>лѣ́тами (I. 13). | ли́цами (III. 242). |
| П. | лѣтахъ (VI. 27). | |

NB. Въ эти образцы мы включили также слова, имѣющія *ударяемое о* въ им. п. ед. числа послѣ согласныхъ: *ц, ч;* это мы сдѣлали на томъ основаніи, что ни этимологія, ни современная

намъ орѳографія не препятствуютъ такому объединенію въ одну группу всѣхъ именъ на *о* ударяемое и неударяемое въ им. падежѣ ед. числа. Наконецъ, въ виду того, что окончаніе *о* въ такихъ словахъ, какъ: *лицó*, *плечó*, восходитъ къ глубокой древности, гдѣ могутъ быть указаны слѣды зарожденія этого *о* послѣ исконно мягкихъ согласныхъ *ц* и *ч*, такое объединеніе этихъ словъ въ одну группу имѣетъ за себя и историческія основанія. Слово *плечó*, впрочемъ, въ виду мягкости современнаго литературнаго звука *ч*, быть можетъ, удобнѣе было бы причислить къ группѣ словъ на *е*. По этимъ образцамъ склоняются у Пушкина слова: *блáго* (I. 296), *Мáрко* (III. 494), *иго*, *облако*, *мѣсто* (II. 130), *болóто* (II. 285), *стáдо*, *гнѣздó*, *колесó* (I. 10), *окнó* (I. 146), *винó* (II. 101), *чýвство* (I. 197), *слóво* (II. 130), *óзеро* (III. 504), *перó* (II. 105), *плечó*, *кольцó* (III. 102), *яйцó* (II. 140) и проч. Отклоненія будутъ показаны ниже.

E. Именительный падежъ ед. числа на *-е* послѣ *ж*, *ч*, *щ*, *ц*.

Единственное число.

| | | |
|---|---|---|
| И. лóже[1]). | сокрóвище (III. 109). | сéрдце (I. 158. II. 209. III. 88). |
| Р. лóжа (III. 131). | жили́ща (I. 15). | сéрдца (I. 115. 171. II. 105). |
| Д. лóжу (II. 325). | | сéрдцу (I. 90. 119. II. 37. III. 463). |
| В. лóже (II. 165. III. 122). | вѣ́че (I. 355) жили́ще (I. 67). | сéрдце (I. 367. II. 100. 116). |
| З. | | сéрдце (I. 3). |
| Т. | ру́бищемъ (II. 316). | сéрдцемъ (I. 72. II. 42. 159). |
| П. лóжѣ (I. 21. III. 117). | вѣ́чѣ (III. 10), жили́щѣ (I. 3. II. 93). | сéрдцѣ (I. 139. II. 104. 213). |

1) См. это слово въ формѣ имен.—вин. падежа ед. числа въ варіантахъ къ стих. «Къ Морфею» 1816 г. (Соч. Пушкина. Изд. Академіи Наукъ. Т. I. 1899 г. Примѣчанія. Стр. 284).

Множественное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | | сокро́вища (II. 6. III. 178). | сердца́ (I. 90. III. 135). |
| Р. | | сокро́вищъ (II. 75). | серде́цъ (II. 1. 302). |
| Д. | | | сердца́мъ (II. 98. 287). |
| В. | | сокро́вища (III. 178). | сердца́ (I. 57. 183. II. 49). |
| З. | | | |
| Т. | | | |
| П. | ложахъ (IV. 403). | | сердца́хъ (II. 280). |

NB. Сюда же, можетъ быть, слѣдовало бы причислить и слово *плечѐ*, въ которомъ послѣ мягкаго *ч* лучше писать *е*, чѣмъ *о*.

### Ж. Именительный падежъ ед. числа на *-е* послѣ *л* и *р*.

Единственное число.

| | | |
|---|---|---|
| И. | по́ле (III. 136). | мо́ре (II. 24. 101). |
| Р. | по́ля (III. 135). | мо́ря (I. 236. 357. II. 17). |
| Д. | по́лю (I. 274. II. 73. III. 503). | мо́рю (III. 411). |
| В. | по́ле (I. 143. II. 207. III. 136. 143. 503). | мо́ре (III. 248). |
| З. | по́ле (II. 235). | го́ре (I. 135. 338). |
| Т. | по́лемъ (II. 218). | мо́ремъ (III. 255). |
| П. | по́лѣ (I. 55. III. 118). | мо́рѣ (II. 23. 244. III. 559). |

Множественное число.

| | | |
|---|---|---|
| И. | поля́ (I. 153. 289). | |
| Р. | поле́й (I. 53. 182. II. 208. III. 325). | море́й (I. 233. II. 211). |

| | | |
|---|---|---|
| Д. | поля́мъ (I. 183. 184. 207. III. 116). | моря́мъ (III. 560). |
| В. | поля́ (II. 102. 211. III. 318). | моря́ (I. 72). |
| З. | поля́ (I. 141. III. 258. 318). | моря́ (II. 203). |
| Т. | полями (IV. 124). | |
| П. | поля́хъ (I. 127. II. 268). | моря́хъ (I. 297). |

## З. Именительный падежъ ед. числа на *-е* ударяемое послѣ *е* (*i*) и на *-ьё*.

Къ словамъ этой группы у Пушкина относятся: *острiя́* — род. ед. (III. 483), *копiё* — вин. ед. (II. 293), *копье* — вин. ед. (IV. 310); *копiю́*—дат. ед. (II. 186), *ружьё*—вин. ед. (II. 151); *ко́пья* — им. мн. ч. (III. 135), *ко́пья* — вин. мн. ч. (II. 285), *ру́жья*—вин. мн. ч. (II. 152). Всѣ эти слова выдѣлены въ особую группу въ виду окончанiя *род. падежа множ. числа* на *-ей* или *-й* (по Востокову), но, именно, этихъ формъ род. падежа мн. числа отъ указанныхъ словъ мы и не находимъ въ стихахъ у Пушкина. См., впрочемъ, род. мн. *ружей — въ прозѣ* Пушкина. (IV. 179. VI. 20); *ружья*—род. ед. (IV. 201): *ружьѣ́*—предл. ед. (II. 186. IV. 224); *копьѣ* (IV. 225); *копьемъ* — твор. ед. (VI. 41).

## И. Именительный падежъ ед. числа на *-е* послѣ *i* и на *ье* безъ ударенiя.

### Единственное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | сча́стiе (II. 98). | волне́нье (I. 288). | |
| Р. | сча́стья (I. 171. 197. 288). | муче́нья (I. 2). | весе́лья (I. 7). весе́лiя (I. 344). |
| Д. | безсме́ртiю (I. 177). | муче́нью (I. 149). | |
| В. | сча́стiе (I. 197). | муче́нье (I. 367). | весе́лье (I. 143). |
| З. | | | |

| | | | |
|---|---|---|---|
| Т. | сча́стіемъ (I. 167. 282).<br>сча́стьемъ (I. 31). | волне́ньемъ (I. 176). | весе́льемъ (I. 143). |
| П. | сія́ніи (I. 295).<br>сія́ньѣ (I. 7).<br>молча́ньѣ (I. 154[1]) I. 159. 171. 275). | волне́ніи (I. 242).<br>волне́ньѣ (I. 252).<br>ослѣпле́ньѣ (I. 154[1]). | весе́ліи (II. 141).<br>весе́льи (I. 29).<br>упое́ньѣ (I. 154[1]). |

Множественное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | жела́нія (II. 104).<br>жела́нья (I. 216). | волне́нья (I. 237. II. 132). | |
| Р. | собы́тій (III. 10). | муче́ній (I. 143). | |
| Д. | жела́ньямъ (II. 213). | волне́ніямъ (II. 142). | |
| В. | объя́тія (II. 213). | муче́нья (II. 356). | творе́нія (II. 41).<br>творе́нья (II. 42). |
| З. | | | |
| Т. | объятіями (IV. 347). | | |
| П. | объя́тіяхъ (I. 367. II. 136).<br>помѣ́стіяхъ (III. 28).<br>преда́ніяхъ (II. 131).<br>преда́ньяхъ (III. 562). | муче́ньяхъ (III. 17).<br>волне́ніяхъ (II. 94). | |

NB. Какъ видно изъ этихъ образцовъ, Пушкинъ употреблялъ во всѣхъ падежахъ этой группы словъ безразлично окончанія

1) Въ Академич. изданіи во всѣхъ этихъ словахъ въ этомъ стихотвореніи («А. А. Шишкову») напечатано на концѣ *и*: *въ молча́ньи, въ ослѣпле́ньи, въ упое́ньи.* Пушкинъ употреблялъ безразлично и то, и другое окончаніе. Срв. здѣсь же стр. 246 и 236—акад. изданія.

*-іе* и *-ье*, причемъ *і* вездѣ можетъ чередоваться съ *ь*. Предложный падежъ ед. числа имѣетъ три окончанія: *-іи*, *-ьи* и *-ьѣ*. Это чередованіе *і* и *-ь* объясняется въ стихахъ требованіемъ размѣра и не противорѣчитъ законамъ нашего языка.

## § 9. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на *-о* и *-е*.

### Таблица Д.

Дат. падежъ ед. числа отъ сл. *Ма́рко* (III. 494) извѣстенъ въ формѣ *Ма́ркѣ* (III. 494) по склоненію на *-а*.

Винит. п. ед. числа: *Ма́рка* (III. 496), какъ род. падежъ.

Зват. п. ед. числа: *Ма́рко* (III. 494), какъ имен. п.

Твор. п. ед. числа: отмѣтимъ отъ иностр. слова *э́хо* (I. 208) *э́хомъ* (I. 321)[1]).

Множественное число отъ нѣкоторыхъ словъ имѣетъ особыя окончанія. Такъ, слово *око* склоняется у Пушкина во мн. числѣ слѣд. образомъ:

И. о́чи (I. 33. Это—остатокъ двойств. числа).
Р. оче́й (I. 4. 236. 297. III. 10).
Д. оча́мъ (II. 209. 283).
В. о́чи (I. 48. 134. 297).
З.
Т. оча́ми (I. 53. III. 3. 143).
П. оча́хъ (I. 91. III. 145).

Равнымъ образомъ и слово *у́хо* во мн. числѣ въ им. и вин. падежѣ представляетъ собой остатокъ старой формы дв. числа и склоняется во мн. числѣ слѣд. образомъ.

Р. *уше́й* (II. 2. III. 391), Д. *уша́мъ* (I. 312), В. *у́ши* (I. 120. III. 375), Т. *уша́ми* (III. 3), П. *уша́хъ* (I. 378). Слово *о́блако*

---

1) У Гоголя даже въ предл. п. ед. ч.: «въ собственномъ *эхѣ*». Сороч. Ярмарка. Соч. ред. Н. С. Тихонравова. Изд. Х-ое. Москва. Т. I. Стр. 35.

во мн. числѣ имѣетъ слѣдующія особенности у Пушкина: И. *облака́* (I. 91) правильно, но въ род. п. мы видимъ двѣ формы: Р. *о́блакъ* (I. 14) и *облако́въ* (I. 225. II. 283). Слово *лыко* въ вин. п. мн. ч. имѣетъ *лыки* (II. 44).

Слово *чу́до* (III. 432) во мн. числѣ имѣетъ другую основу и потому принадлежитъ къ разносклоняемымъ: *чудеса́* (им.—вин. II. 202. III. 26. 263). Слово *копы́то* въ им. п. мн. ч. имѣетъ *копы́ты* (II. 49), а слово *лѣто*—въ вин. п. мн. ч. *лѣты* (I. 45. 272. 309. III. 378). Въ этихъ и подобныхъ случаяхъ мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло и съ *произношеніемъ*, а не только съ правописаніемъ Пушкина. См. Введеніе наше къ настоящему выпуску и Ж. М. Н. Пр. 1901. № 2. Слово *су́дно* (I. 330. III. 431. 435. 440. 445), которое, къ слову сказать, имѣетъ у Пушкина всегда такое удареніе (см. отдѣлъ удареній вообще), во множ. числѣ им. падежъ имѣетъ: *суда́*, т. е. отъ другой основы, и потому это слово можно также причислить къ разносклоняемымъ, твор. *судами* (IV. 9) и проч. (см. ниже). Слово *желѣзо* въ вин. п. мн. ч. имѣетъ *желѣзы* (I. 219). Слово *гумно́* въ род. п мн. ч. *гумя́нъ* (II. 115. Срв. ниже, въ своемъ мѣстѣ, *время́нъ* и *стремя́нъ*). Слово *колѣно*, представляя въ им. п. мн. ч. остатокъ старой формы двойств. числа, въ то же время *во всѣхъ падежахъ* у Пушкина имѣетъ и правильныя формы мн. числа, сохраняя однако параллели для всѣхъ падежей съ окончаніями такими, какъ мы видѣли выше въ склоненіи слова *че́рти*, т. е. по склоненію на -ь женск. рода. Мы приведемъ *всѣ* формы множ. числа отъ слова *колѣно*: И. В. *колѣни* (I. 74. 67. 135. 163. 334. III. 122. 123. 397) и *колѣна* (I. 19. 103. 171. 306. III. 184. 221). V. 264. VI. 65. 72.

Р. *колѣнъ* (I. 295).

П. *колѣняхъ* (I. 48. III. 176. 231) и *колѣнахъ* (I. 193. III. 217. 483. V. 151). VI. 66.

Слово *не́бо* (I. 55. III. 253), такъ же какъ и *чудо*, во множ. числѣ образуетъ формы отъ другой основы и потому принадлежитъ къ разносклоняемымъ. Им. мн. ч. *небеса́* (III. 411), Р. *не-*

*бе́съ* (I. 53. 180. 368. II. 178. III. 8. 287), Д. *небеса́мъ* (I. 233. 300. 364. III. 5), В. *небеса́* (I. 1. 12. 237. 272. II. 155). Зв. *небеса́* (I. 71), Т. *небеса́ми* (I. 295), П. *небеса́хъ* (I. 8. 13. II. 283). Имя сущ. *слово* (II. 130) у Пушкина въ имен. п. мн. числа имѣетъ двѣ формы: *слова́* (I. 295) и *словеса́* (II. 116. Срв. Акад. Изд. 1899 г. I. 90). Но въ прочихъ падежахъ правильно: Р. *словъ* (I. 9. III. 10. 245). В. *слова́* (III. 123). Т. *слова́ми* (II. 141. III. 302). П. *слова́хъ* (II. 92).

У Пушкина есть два слова: *дре́во* и *де́рево*. Ихъ множ. число представляетъ своими формами большой интересъ: Им. *древа́* (I. 367) и *дере́вья* (IV. 50).

Р. *древъ* (I. 30), *дере́въ* (I. 267. II. 116. III. 328. 495. IV. 49), *древе́съ* (I. 12. II. 178. 299. III. 287) и *дере́вьевъ* (III. 408)—послѣднее какъ бы отъ собират. имени.

В. *древеса́* (I. 362) и *дере́вья* (III. 323).

Т. *древеса́ми* (I. 366) и *дере́вьями* (IV. 430).

П. *дерева́хъ* (I. 366) и *дере́вьяхъ* (III. 487).

Равнымъ образомъ слово *чу́вство* (I. 197) при имен. мн. *чу́вства* (I. 288) имѣетъ род. п. правильно *чу́вствъ* (I. 368. III. 303. 354), но есть и форма *чу́вствій* (III. 305. Отъ сл. *чу́вствіе*. Срв. *пред-чувствіе*. Род. III. 325). Прочіе падежи правильно: В. *чу́вства* (III. 263. 305). Т. *чу́вствами* (III. 302). П. *чу́вствахъ* (III. 316).

Далѣе замѣтимъ им. падежи мн. ч. *сто́йлы* (II. 27), *жа́лы* (II. 65) по образцу склоненія на *-ъ*. Слово *крыло́* во множ. числѣ имѣетъ опять два ряда окончаній: правильныя окончанія и окончанія собирательныхъ именъ *-ья*:

И.

Р. *крылъ* (I. 85).

В. *кры́лы* (I. 82) и *кры́лья* (I. 20. 144. 364).

Т. *крыла́ми* (I. 20. 54. 166. III. 431. 443) и *кры́льями* (III. 329).

П. *крыла́хъ* (I. 25. 48. 87. 143. 364) и *кры́льяхъ* (I. 187).

Винит. падежъ мн. числа, какъ *крылы* (срв. имен. п. мн. ч. *стóйлы*, *жáлы*—выше), у Пушкина находимъ: *чернúлы* (I. 8), *чёлы* (I. 104. 109), *вёслы* (II. 15). Срв. имен. п. мн. ч. *вёсла* (II. 212). Срв. также имен. и вин. п. мн. ч. *сёла* (I. 55. 289. 274). Слово *перó* (II. 105) во множ. числѣ имѣетъ также собират. формы: тв. п. *пéрьями* (I. 9), пр. п. *пéрьяхъ* (IV. 13).

Отмѣтимъ форму дат. п. мн. ч. *дѣлáмъ* (III. 411) и старую форму въ выраженіи: *по дѣлóмъ* (III. 28). Слово *плечó* (вѣрнѣе писать *плечё*. Срв. выше *чёлы* [I. 104. 109], но всегда: *чóртъ* и проч. [II. 46 и др. выше]; *жóнка*—вездѣ, напр. IV. 329 и друг., но: *жёнка*—III. 446. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло со звукомъ *о* послѣ мягкаго *ч* и послѣ твердаго *ж*, но съ орѳографіей неустановленной и, быть можетъ, съ недосмотрами издателей соч. Пушкина. См. «Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина»—особая глава выше) имѣетъ въ им. п. мн. числа такъже, какъ и *колѣни*, *очи*, *уши*, старую форму *двойств.* числа, но рядомъ съ нею у Пушкина находимъ и дѣйствительно *множ.* число, правильно образованное по склоненію на *-о* (*-'о*) средняго рода:

Им. *плéчи* (III. 321).
Р. *плéчъ* (I. 213. 295. III. 262). III. 380.
Д. *плечáмъ* (I. 182).
В. *плéчи* (III. 388. 418. 562) и *плечá* (III. 370). III. 92.
Т. *плечáми* (I. 66. II. 104. 113. III. 516).
П. *плечáхъ* (II. 51. 163. III. 389).

Отмѣтимъ также форму род. падежа мн. числа: *кóлецъ* (III. 283).

## § 10. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на *-іе* и *-ье*.

### Таблица II.

Въ единств. числѣ здѣсь замѣтимъ формы: им. п. ед. ч. *тéрнье* (III. 504) и вин. п. ед. ч. *копіё* (II. 293)—обѣ эти формы

вызваны требованіями стиха: мы употребили бы въ прозѣ: *тéрніе* и *копьё*, т. е. какъ разъ наоборотъ: первое слово съ тремя слогами, а второе — съ двумя.

По образцамъ этого склоненія мы уже видѣли, что Пушкинъ свободно замѣняетъ звукъ *і* звукомъ *ъ* и обратно во всѣхъ падежахъ этого склоненія, по требованію того же самаго стихотворнаго размѣра. Предложный падежъ ед. ч. имѣетъ здѣсь *три* окончанія: *-іи*, *-ьи* и *-ьѣ* (см. образцы выше: срв. еще: *уединéніи*—I. 167, *уединéньи*—I. 73 и мн. др.). Но мы видѣли выше, что вмѣсто окончанія *-ьѣ* изданія Литер. Фонда въ нѣсколькихъ случаяхъ (см. Таблицу И.) Академическое изданіе печатаетъ *-ьи* (Акад. изд. I. 236).

Въ виду того, что Пушкинъ допускалъ, вѣроятно, оба эти окончанія безразлично въ одинаковыхъ случаяхъ, въ однихъ и тѣхъ-же словахъ, что̀ видно изъ постояннаго чередованія двухъ этихъ окончаній *-ьи* и *-ьѣ*—какъ въ изданіи Литер. Фонда, такъ и въ изданіи Академическомъ (I. 246), мы лишены возможности судить о каждомъ отдѣльномъ случаѣ и не знаемъ, какое изъ двухъ изданій и въ какихъ случаяхъ передаетъ *дѣйствительное* правописаніе поэта. (См. Предисловіе и главу о произношеніи Пушкина).

Во множ. числѣ отмѣтимъ форму род. п. *подмастéрьевъ* (IV. 60. Отъ слова *подмастéрье*) и *лохмóтьевъ* (II. 349), которая предполагаетъ собой форму им. падежа ед. числа: *лохмóтье*. Затѣмъ: *чýвствій* (III. 305). Вин. п. *сражéньи* (I. 46. Срв. выше: *жáлы* въ твердомъ склоненіи и под.). О чередованіи *і* и *ъ* слѣдуетъ то-же сказать, что̀ мы говорили и о формахъ ед. числа этого склоненія. (См. Таблицу И.). Объ удареніи и произношеніи см. отдѣльно, въ особыхъ параграфахъ.

2) Второе склоненіе. (Окончанія имен. падежа ед. ч.: *-а*, *-я*, *-ь* жен. рода).

### А. Именительный падежъ ед. числа на *-а*.

## § 11. Образцы.

Единственное число.

| | |
|---|---|
| И. *вода́* (I. 119). | *душа́* (I. 117. 181). |
| Р. *воды́* (I. 31). | *души́* (II. 279. 327. III. 100). |
| Д. *водѣ́* (III. 514). | *душѣ́* (II. 62). |
| В. *во́ду* (I. 118. II. 307). | *ду́шу* (I. 136). |
| З. жена́ (II. 164). | *душа́* (I. 266). |
| Т. *водо́й* (I. 78). | *душо́й* (I. 57. 124) ко́жей (II. 51). |
| *водо́ю* (II. 306). | *душо́ю* (I. 140) ко́жею (III. 484). |
| П. *водѣ́* (I. 205). | *душѣ́* (I. 54. II. 63). |

Множественное число.

| | |
|---|---|
| И. *во́ды* (I. 81). | ча́ши (I. 230). |
| Р. *водъ* (I. 53. 92. II. 202). | *ду́шъ* (III. 103). |
| Д. *вода́мъ* (III. 395). | ро́щамъ (II. 75). |
| В. *во́ды* (I. 81). | *ду́ши* (III. 492). |
| З. же́ны (II. 33). | ро́щи (II. 183). |
| Т. *вода́ми* (I. 108). | ча́шами (II. 174). |
| П. *вода́хъ* (II. 306. VII. 23). | *душа́хъ* (III. 392). |

Такъ-же измѣняются слова: *нога́* (I. 111), *вью́га* (II. 73), *ску́ка* (I. 7), *рука́* (I. 29), *рѣка́* (I. 120), *утѣ́ха* (I. 122), *сва́ха* (III. 98), *стару́ха* (III. 511. 523) и проч. съ соблюденіемъ обычныхъ требованій современной орѳографіи относительно сочетанія буквъ *г*, *к*, *х* (и, конечно, *ж*, *ч*, *ш*, *щ*. См. склоненіе слова *душа́* и др. въ таблицѣ) съ гласными *ы*, *я*, *ю*. Такъ же склоняются и слова: *свобо́да* (I. 181), *звѣзда́* (II. 326), *борода́* (II. 228), *брада́* (II. 208), *красота́* (I. 7), *слеза́* (I. 2), *ро́за* (I. 95), *краса́* (I. 130.

II. 326), *луна́* (I. 81. 113. III. 100), *жена́* (I. 266), *волна́* (I. 113), *судьба́* (II. 183), *и́ва* (I. 53), *голова́* (II. 65), *зима́* (III. 369), *а́рфа* (II. 227), *толпа́* (II. 98), *гора́* (II. 148), *скала́* (I. 304), *стра́жа* (III. 513), *но́ша* (II. 154), *добы́ча* (I. 252), *свѣча́* (I. 296), *дѣви́ца* (I. 66. III. 101. 424), *ро́ща* (II. 102) и проч. Объ удареніи въ этихъ и другихъ именахъ сущ., а также объ удареніяхъ, обусловленныхъ формальнымъ окончаніемъ падежа, будетъ сказано особо.

Къ этому же склоненію принадлежатъ, конечно, и слова: *слуга́* (вин.—II. 73, зв.—I. 275, твор.—I. 161, им. мн.—III. 512, род.—I. 42, дат.—II. 151), *воево́да* (II. 151), *вельмо́жа* (II. 180, род.—I. 199, дат.—I. 83. II. 161. V. 228, твор.—I. 177, им. мн.—III. 120. IV. 13, род.—I. 72. 56, дат.—VII. 171, вин.—I. 212), *ю́ноша* (I. 71. 306; род.—I. 250, вин.—I. 306. II. 173, зват.—II. 173, твор.—II. 183, им. множ.—I. 252, род.—I. 322. II. 327), *убі́йца*—дат. (III. 490), вин.—III. 14, дат. мн.—III. 14, *ханжа* и под. слова мужескаго рода по значенію.

Б. Именительный падежъ ед. числа на *-я* послѣ согласныхъ.

Единственное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | бу́ря (I. 253. II. 111). | земля́ (I. 55. 325). | пусты́ня (I. 82. II. 139). |
| Р. | бу́ри (I. 238). | земли́ (I. 132). | пустыни (VII. 28). |
| Д. | | землѣ́ (I. 57. 325). | пусты́нѣ (I. 172). |
| В. | бу́рю (VII. 317). | зе́млю (I. 103. II. 307). | пусты́ню (I. 132. II. 210. 292. III. 81). |
| З. | | | |
| Т. | бурею (VII. 374). | землёю (III. 495). землёй (I. 10). | пусты́нею (II. 159). |
| П. | | землѣ́ (III. 525). | пусты́нѣ (I. 46. 81. II. 168. III. 402). |

Множественное число.

| | | |
|---|---|---|
| И. бу́ри (II. 22. VII. 290). | ка́пли (II. 248). | пустыни (VI. 2). |
| Р. бурь (II. 132). | земе́ль (III. 257). | пустынь (I. 326. II. 217). |
| Д. | каплямъ (VII. 102). | пусты́нямъ (I. 149). |
| В. | зе́мли (III. 237). | пусты́ни (I. 260). |
| З. бу́ри (I. 290). | | |
| Т. бу́рями (I. 238). | каплями (VII. 397). | пѣ́снями (II. 166. 191). |
| П. бу́ряхъ (I. 222. II. 23). | | пусты́няхъ (II. 364). |

Такъ же склоняются у Пушкина слова: *дя́дя* (I. 156), *стезя́* (I. 128), *броня́* (I. 19. II. 284), *дере́вня* (III. 260), *са́бля* (I. 58), *кро́вля*, *заря̀* (I. 55. 131), *до́ля* (II. 303) и проч. Объ отклоненіяхъ отъ образцовъ въ падежныхъ окончаніяхъ и объ удареніи см. ниже. Такъ же склоняются у Пушкина и имена общаго рода, напр., *родня́:* дат. *роднѣ̇* (III. 374. 375), вин. *родню́* (III. 389) и под.

В. Именит. падежъ ед. числа на *-я* послѣ гласныхъ: *а*, *е*, *ѣ*, *ы*, *о*, *у* и на *ья* (*ія*) съ ударяемымъ *-я*.

Единственное число.

| | | |
|---|---|---|
| И. *семья́* (II. 57. III. 99). | [*судія́* (I. 163)][1]. | *скамья́* (II. 149). |
| *сбру́я* (II. 27). | *ше́я* (II. 148). | *змѣья́* (III. 465). [*змія́* (III. 489)]. |

1) Слова *судія* и *змія* въ этой формѣ принадлежатъ собственно слѣдующей группѣ, таблицѣ *Г*, но, кромѣ формъ имен. и зв. падежей, отъ этихъ словъ нѣтъ другихъ формъ; а по формѣ род. п. *мн.* ч. *судей* видно, что форма имен. падежа *ед.* числа должна быть *судья*, т. е. принадлежать, именно, къ этому склоненію. Формы твор. п. ед. ч. *змїёю* и *змїёй*, въ виду формы *змѣёю*, суть только варьянты формы послѣдней, и принадлежность ихъ Пушкину не доказана! См. Примѣчаніе къ таблицѣ *Г*.

| | | | |
|---|---|---|---|
| Р. | *семьи́* (I. 38). | | |
| | струи́ (I. 118). | *змѣи́* (II. 3). | |
| Д. | *семьѣ* (VII. 150). | | |
| В. | *семью́* (II. 75. 167). III. 288. | | *скамью́* (III. 330). |
| | струю́ (I. 73). | *ше́ю* (I. 20. I. 49). *змѣю́* (III. 465). | |
| З. | *семья* (VII. 354). | [*судія́* (II. 160)]. *змѣя́* (III. 52). | |
| Т. | *семьёю* (I. 69). | | |
| | *семьёй* (I. 250). | | |
| | струёю (I. 183). II. 111. | *змѣёю* (III. 465) [*зміёю* (III. 485)]. | |
| | струёй (I. 273). | *змѣёй* (III. 465) *зміёй* (III. 163). | |
| | *сбру́ей* (III. 507). | | |
| П. | *семьѣ́* (II. 103). II. 344. | | |
| | | *ше́ѣ* (III. 163. 329. 507). | |

Множественное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | *семьи́* (I. 236). | | *скамьи́* (II. 148). |
| | струи́ (I. 140). | | *змѣи* (III. 243). |
| Р. | *семе́й* (II. 347). III. 87. | *суде́й* (III. 236). | |
| | | лиле́й (I. 22). | затѣ́й (II. 66). |
| Д. | | | затѣямъ (VII. 367). |
| В. | | | |
| | струи́ (I. 236). | | *змѣй* (VII. 317). |
| З. | | | |
| Т. | *семья́ми* (III. 333). | | |
| | струя́ми (I. 16). | | |
| П. | струя́хъ (I. 41). | | |

По этимъ образцамъ измѣняются слова: *Аглáя*, *Хлóя*, *Зóя*, *лилéя*, *выя*, *чешуя́* и др., всѣ эти слова встрѣчаются у Пушкина; (см.. напр., формы отъ этихъ словъ: I. 237. 27. 28. 66. III. 438 и мн. др.). Объ отклоненіяхъ отъ нормы и объ удареніи см. особо, ниже.

### Г. Именительный падежъ ед. числа на *-я* послѣ *і* и на *-ья* при неударяемомъ *я*.

Единственное число.

| | | |
|---|---|---|
| И. | *мóлнія* (I. 239). | |
| Р. | *мóлніи* (I. 181). | *кéліи* (I. 8). |
| Д. | | |
| В. | | *кéлью* (I. 8. III. 13). |
| З. | стихія (I. 303). | |
| Т. | *мóлніей* (I. 350). | |
| П. | | *кéльѣ* (I. 7. III. 12. 366). |

Множественное число.

| | |
|---|---|
| И. | витíи (I. 297). |
| Р. | *кéлій* (II. 302). |
| Д. | *кéліямъ* (III. 11). |
| В. | |
| З. | |
| Т. | |
| П. | |

NB. Отличіе этого склоненія таблицы *Г.* отъ предыдущей *В*, какъ видно, заключается въ формѣ род. падежа мн. ч., гдѣ имѣются окончанія: *-ей* и *-й* для словъ таблицы *В.* и *-ій*, *-й* для словъ таблицы *Г.* Что касается окончанія предл. падежа ед. числа, то оно опять и здѣсь, какъ мы видѣли и раньше, въ словахъ средняго рода на *-е* послѣ *і* и *ь*, а равно и въ словахъ на *-й* муж. рода, обусловлено лишь требованіями орѳографіи, а не этимологіи, и находится въ зависимости отъ того, стоитъ ли передъ оконча-

ніемъ предл. падежа ед. числа *і* или *ъ* или другой какой-нибудь гласный звукъ. Такимъ образомъ, окончаніе предл. падежа (*ѣ* или *и*) въ ед. числѣ и здѣсь не можетъ служить основаніемъ для дѣленія словъ этой категоріи на двѣ группы. Само собо́й разумѣется, что лишь въ поэтическомъ слогѣ, обусловленномъ стихотворнымъ размѣромъ, мы находимъ форму *судія́* вм. *судья́* и под., какъ выше видѣли *копіё* вм. *копьё* и под. Поэтому, составляя Грамматику языка поэта, мы сочли нужнымъ слово *судія́* отнести къ таблицѣ *В*, при чемъ форма *судья* была бы собственно формой для образца таблицы *В*, а форма *судія́*, еслибы таковая являлась не по требованію *стиха*, должна бы была быть отнесена къ таблицѣ *Г* по своему окончанію *род. падежа мн. числа*: *судій* (срв. предл. п. ед. ч. *судіи́*. Равнымъ образомъ форма слова *змія́* при род. п. мн. ч. *змій* и предл. п. ед. ч. *зміи́*)[1]). Однако въ виду явной принадлежности такихъ формъ лишь языку *поэтическому* мы позволили себѣ сдѣлать распредѣленіе словъ этой категоріи нѣсколько иное, чѣмъ это сдѣлано у Востокова (хотя, впрочемъ, у него довольно неясно обозначено: куда отнести слова съ *ударяемымъ -ія, къ 13-му ли, или къ 14-му окончанію* по его дѣленію): именно, мы выдѣлили въ группу таблицы *В ударяемое -я* (все равно послѣ *і* или *ъ*), а въ группу таблицы *Г неударяемое -я* (опять все равно послѣ *і* или послѣ *ъ*, но не послѣ другихъ гласныхъ, отнесенныхъ къ группѣ таблицы *В*. Срв. у Пушкина род. п. мн. ч. *суде́й* — III. 236).

Д. Именительный падежъ ед. числа на *-ъ* женскаго рода.

| | Единственное ч. | Множественное ч. |
|---|---|---|
| И. | рѣчь (I. 125). | рѣ́чи (I. 292. II. 204). |
| Р. | рѣ́чи (III. 293). | рѣче́й (II. 135). |

1) При формѣ *змѣя* и *змія* у Пушкина есть еще форма *змѣй* и *змій* (III. 393) въ значеніи ветхозавѣтнаго соблазнителя — дьявола. Но и въ значеніи *змѣй*—муж. рода: «Не знаешь ты, какого *змія* ласкаешь на груди своей». (III. 122). Или: III. 174. — *змѣй* — símват. п. ед. ч.

| | |
|---|---|
| Д. *но́чи* (I. 120). | рѣча́мъ (II. 172). го́рестямъ (I. 149). |
| В. рѣ́чь (V. 3). | рѣ́чи (IV. 4). |
| З. *ночь* (III. 131). | *но́чи* (I. 136). |
| Т. рѣ́чью (II. 282). рѣ́чію (II. 282). | рѣча́ми (III. 122). костя́ми (II. 20). костьми́ (III. 178). |
| П. *но́чи* (I. 16. 362). | рѣча́хъ (III. 16). костя́хъ (II. 292). |

Такія же падежныя окончанія имѣютъ и слова *мать* и *дочь*, но основой этихъ словъ для склоненія служитъ *матер-, дочер-*, къ которымъ и прибавляются эти окончанія, начиная съ род. падежа ед. числа. Именно:

Единственное число.

| | |
|---|---|
| И. мать (III. 110). | дочь (I. 307. III. 161). |
| Р. ма́тери (I. 38. 171. III. 279). | до́чери (III. 116). |
| Д. ма́тери (I. 352. II. 120. III. 273). | до́чери (III. 117). III. 474. IV. 46. |
| В. мать (III. 122). | дочь (II. 203. III. 116). |
| З. мать (I. 56). | дочь (III. 134). III 459. |
| Т. матерью (IV. 140). | до́черью (II. 206. III. 109. 363). |
| П. ма́тери (II. 344). | |

Множественное число.

| | |
|---|---|
| И. | дочери (VII. 10). |
| Р. матере́й (VI. 46). II. 340. | дочере́й (III. 122). |
| Д. | дочерямъ (VII. 368). |
| В. | дочере́й (II. 340. IV. 14. 57) III. 406. |
| З. | |
| Т. | дочерьми́ (III. 246. VII. 8). |
| П. | |

По образцамъ таблицы *Д* измѣняются у Пушкина слова: *любо́вь* (II. 101), *це́рковь*, *вѣтвь* (I. 61), *посте́ль* (I. 7), *кровь* (I. 56. II. 102), *бро́вь* (III. 390), *пѣснь* (II. 244), *грудь* (I. 100), *степь* (I. 55. III. 146), *жизнь* (I. 10), *кость* (I. 276), *мысль* (IV. 11), *кисть* (V. 134), *печать*, *сѣнь* (II. 350), *ложь* (I. 105), *дрожь* (II. 152), *ро́скошь* (I. 56. 98), *печь* (II. 74), *грязь* (II. 102), *спѣсь* (I. 133. Орѳографія этого слова черезъ *ѣ*, срв. *хмѣль* — выше, сохранена по изданію Литературнаго фонда), *связь* (IV. 5), *блажь* (IV. 262) и под.

## § 12. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на *-а*, *-я*, *-ь*, женскаго рода.

### Таблица А.

Твор. падежъ ед. числа въ склоненіи именъ, принадлежащихъ таблицѣ *А*, у Пушкина имѣетъ *два* окончанія: *-ою* и *-ой*, которыя чередуются въ однихъ и тѣхъ же словахъ или въ разныхъ безъ всякаго различія, лишь по требованію *метра;* вмѣсто этихъ окончаній въ извѣстныхъ случаяхъ (послѣ *ж, ч, ш, щ, ц*) могутъ быть окончанія *-ею* и *-ей* въ неударяемомъ положеніи. Напр., мы постоянно встрѣчаемъ: *руко́ю* (I. 29) и *руко́й* (I. 15. 81), *рѣко́ю* (II. 220. III. 370) и *рѣко́й* (I. 10. 53), *водо́ю* (II. 306) и *водо́й* (I. 78), *свобо́дою* (I. 190) и *свобо́дой* (I. 223), *чредо́ю* (I. 296) и *чредо́й* (II. 252), *бородо́ю* (II. 233) и *бородо́й* (II. 232), *красото́ю* (II. 326. VII. 333) и *красото́й* (I. 115), *мечто́ю* (I. 2) и *мечто́й* (I. 3), *ро́зою* (II. 11) и *ро́зой* (I. 3), *лозо́ю* и *лозо́й* (I. 206), *грозо́ю* (II. 326) и *грозо́й* (II. 138), *красо́ю* (III. 324) и *красо́й* (I. 124), *волно́ю* (I. 204) и *волно́й* (I. 53. 204), *жено́ю* (I. 266) и *жено́й* (III. 278), *мольбо́ю* (III. 118) и *мольбо́й* (III. 133), *судьбо́ю* (I. 7) и *судьбо́й* (I. 10), *толпо́ю* (II. 174. I. 200) и *толпо́й* (I. 81. II. 111. 231). *сла́вою* (I. 54. 100) и *сла́вой* (I. 55. 99), *дѣвою* (II. 288) и *дѣвой* (III. 123), *голово́ю* (I. 9. II. 326) и *голово́й* (I. 172), *главо́ю* (I. 81) и *главо́й* (I. 18. 57), *тьмо́ю* (I. 113)

и *тьмо́й* (I. 111), *ду́мою* (II. 4) и *ду́мой* (I. 128), *зимо́ю* (III. 317) и *зимо́й* (III. 368), *ли́рою* (I. 5) и *ли́рой* (I. 165), *горо́ю* (III. 527) и *горо́й* (II. 219), *игро́ю* (V. 123) и *игро́й* (II. 140), *сестро́ю* (III. 1. 521) и *сестро́й* (III. 273), *мгло́ю* (I. 68) и *мгло́й* (II. 103), *скало́ю* (I. 69) и *скало́й* (I. 54), *стрѣло́ю* (I. 166) и *стрѣло́й* (II. 141), *моги́лою* (II. 157) и *моги́лой* (I. 69. 171), *си́лою* (I. 64) и *си́лой* (II. 105), *ко́жею* (III. 484) и *ко́жей* (II. 51), *душо́ю* (I. 140) и *душо́й* (I. 57. 124), *но́шею* (II. 154) и *но́шей* (II. 225), *ро́щею* (I. 98) и *ро́щей* (I. 153).

Родит. падежъ множ. числа имѣетъ вообще окончаніе -ъ. Замѣтимъ формы род. п. мн. числа отъ словъ: *ка́торга* — *ка́торгъ* (II. 163), *охо́та* — *охо̂тъ* (II. 174), *судьба́* — *суде́бъ* (I. 171. II. 364), *опо́ра* — *опо́ръ* (I. 171). Обыкновенно въ прозаическомъ языкѣ эти слова употребляются въ единств. числѣ, кромѣ словъ *ка́торга* и *судьба́*. Кромѣ окончанія -ъ, у Пушкина есть и окончаніе -*ей* въ этомъ склоненіи: вотъ эти случаи: *вельмо́жей* (I. 56), но и *вельмо́жъ* (I. 72. II. 327); *свѣче́й* (I. 265) и *свѣчъ* (III. 378); *ро́щей* (I. 1) и *рощъ* (I. 72); однако только *ю́ношей* (I. 322. II. 327). Какъ видимъ, окончаніе -*ей* въ род. п. мн. ч. этого склоненія у Пушкина бываетъ только послѣ шипящихъ звуковъ. Замѣтимъ также вин. п. мн. ч.: *воево́ды* (III. 66): *«поставлю въ воеводы»*. Срв. тотъ-же оборотъ въ склоненіи на -ъ, -ь муж. рода.

## § 13. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на -*а*, -*я*, -*ь*, жен. рода.

### Таблица Б.

Твор. падежъ ед. числа и въ этомъ склоненіи на -*я* послѣ согласныхъ имѣетъ у Пушкина тѣ-же два окончанія, что мы видѣли и выше, именно: -*ею* и -*ей*. Именно: *стезё̂ю* (I. 145) и *стезё̂й* (I. 148. II. 323), *са́блею* (I. 176) и *са́блей* (I. 100), *землёю* (III. 495) и *землё̂й* (I. 10), *зарё̂ю* (I. 60) и *зарё̂й* (II. 244), *во́лею* (I. 179) и *во́лей* (I. 274).

Предложный пад. ед. числа оканчивается на -*ѣ*. Но у Пушкина есть одна форма предл. падежа отъ слова *землѧ́: на землѝ* (I. 155) въ гимнѣ: «Боже, царя храни». При этомъ надо имѣть въ виду, что первая строфа этого гимна, въ которой и встрѣчается данная форма *землѝ*, принадлежитъ *Жуковскому*. Пушкинъ лишь сохранилъ ее безъ измѣненія. (См. соч. Пушкина. Изд. Литературнаго фонда. I. 155—156. Примѣчаніе).

Нѣкоторыя имена существительныя, принадлежащія къ этому склоненію, у Пушкина имѣютъ по двѣ формы въ имен. падежѣ ед. числа и въ прочихъ падежахъ или своими падежными окончаніями косвенныхъ падежей заставляютъ предполагать двоякую форму для именительнаго падежа ед. числа. Къ такимъ существительнымъ относятся у Пушкина: слово *посте́ля* и слово *пѣсня*, затѣмъ — слово *заря́*. Отъ этихъ словъ мы находимъ слѣдующія падежныя формы: предложный п. ед. ч. *въ посте́лѣ* — III. 256. 375. 355. II. 130. IV. 5. V. 40. Въ виду такого количества примѣровъ отъ этого слова предложнаго падежа ед. числа съ окончаніемъ -*ѣ* мы должны допустить то, что у Пушкина въ языкѣ особенно была распространена форма *посте́ля* для имен. падежа ед. числа. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что Пушкинъ и *въ прозѣ своей*, гдѣ нѣтъ надобности при употребленіи слова *посте́ль* въ косв. падежахъ сохранять въ памяти трехсложную форму именит. падежа *посте́ля*, часто необходимую въ стихахъ по требованію ритма, употреблялъ предложный падежъ ед. числа *постелѣ* съ окончаніемъ -*ѣ*, какъ показываютъ вышеприведенныя данныя. Слѣдовательно, языку Пушкина принадлежало слово *посте́ля*, какъ оно и до сихъ поръ принадлежитъ русскому народному языку.

Во-вторыхъ, именит. падежъ ед. числа въ формѣ *посте́ля* доказывается и самими произведеніями Пушкина. См. въ стихахъ II. 139 и въ прозѣ IV. 361. Отъ слова *посте́ля* мы имѣемъ у Пушкина слѣдующія формы: дат. ед.: *посте́лѣ* (II. 151. 228); вин. ед.: *посте́лю* (I. 10. III. 248) и въ прозѣ: V. 149. Формы же род. падежа ед. числа: *посте́ли* (I. 134. II. 228. III. 375),

дат.—*постéли* (I. 134), вин. падежа: *въ постéль* (I. 66. II. 205. III. 326) и имен. падежа ед. числа: *постéль* (I. 7), а также предложн. падежа ед. ч.: *постéли* (I. 68. 177), доказываютъ собой, что Пушкинъ употреблялъ въ стихахъ и сущ. *постéль* жен. рода (по склоненію на -ъ). Впрочемъ, род. п. ед. числа *постéли* (I. 134. II. 228. III. 375) можетъ быть падежомъ и отъ именительнаго *постéля* (по склоненію на *-я*). Во всякомъ случаѣ важно, что *въ прозѣ* Пушкинъ предпочиталъ форму на *-я*: *постéля* формѣ на -ъ: *постéль*, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ. Почти въ такомъ же отношеніи другъ къ другу находятся и падежныя формы слова *пѣсня* и слова *пѣснь*. Форма им. п. ед. ч. *пѣсня* (II. 284. III. 102. 467) имѣетъ въ вин. п. *пю́сню* (II. 163. III. 466), въ твор. п. *пѣсней* (II. 247), а форма имен. п. ед. ч. *пѣснь* (II. 244), вин. п. *пѣснь* (I. 55. II. 132. 168. 202), твор. п. *пѣснью* (II. 42) идутъ уже по склоненію на -ъ жен. рода и извѣстны у Пушкина только *въ стихахъ*. Формы род. падежа ед. ч.: *пѣсни* (II. 163. 85. V. 128) могутъ принадлежать обоимъ склоненіямъ.

Въ единственномъ числѣ этого склоненія отмѣтимъ еще формы: род. п. ед. числа отъ слова *заря́* (I. 55. 131): *зари́* (I. 46. III. 518), и *зо́ри* (III. 515); вин. п. ед. ч: *зо́рю* (II. 83). Эти двѣ формы: *зо́ри* — род. ед. и *зо́рю* — вин. ед. — предполагаютъ собой форму имен. падежа ед. числа: *зо́ря*. Вин. п. ед. ч. *ро́лю* (II. 238) предполагаетъ собой им. падежъ *ро́ля* по склоненію на *-я*. (См. объ этомъ въ статьѣ: «Нѣкоторыя данныя о произношеніи Пушкина», въ началѣ настоящаго выпуска Грамматики). При формѣ вин. падежа ед. числа: *зе́млю* (I. 103. II. 307) мы встрѣчаемъ у Пушкина нѣсколько разъ выраженіе: *на́ земь* (II. 148. 152. 156), предполагающее собой форму имен. падежа ед. числа на -ъ по склоненію жен. рода. Наконецъ, слово *шаль* имѣетъ у Пушкина однажды форму предложнаго падежа ед. числа: *въ ша́лѣ* (III. 292), по этому склоненію, однако твор. падежъ: *ша́лью* (I. 101. IV. 48) и имен. — вин. падежъ *шаль* (I. 228—229) по склоненію на -ъ жен. рода.

Множественное число. Родительный падежъ. Этотъ падежъ имѣетъ окончаніе -ъ въ этомъ склоненіи. Напр., *земе́ль* (III. 257), *боги́нь* (II. 345), *дереве́нь* (IV. 34. 38. V. 150), *бурь* (II. 132) и проч. Но у Пушкина есть и окончаніе -ъ и -*ей*. Вотъ эти случаи: *пѣсенъ* (I. 124. II. 34. III. 383. V. 128) и *пѣсней* (II. 364), *ба́шенъ* (I. 56. III. 127), *пусты́ней* (I. 136), *Добры́ней* (вин. п. I. 136), *бре́дней* (VII. 31), *бу́рей* (I. 69. Формы род. мн. *пусты́нь*—I. 326. II. 217, и *бу́рь*—II. 132), *колоко́ленъ* (III. 372), *чере́шенъ* (III. 118), *сплё́тней* (IV. 4), но и: *сплё́тень* (III. 377), *ба́рышень* (III. 308). Слѣдовательно, вопреки ученію современной грамматики, Пушкинъ употребляетъ родит. падежи множ. числа съ оконч. -*ей:* отъ слова *пѣсня—пѣсней*; отъ сл. *пусты́ня—пусты́ней;* отъ сл. *Добры́ня*—(вин.) *Добры́ней;* отъ сл. *бу́ря—бу́рей;* отъ сл. *сплё́тня—сплё́тней.* Вопреки-же ученію грамматики (конечно, ученію, не основанному на научныхъ данныхъ) Пушкинъ употребляетъ формы род. п. мн. ч. на -ъ отъ словъ: *ба́рышня* и *сплё́тня* — *ба́рышень* (такъ и *вин.* п. мн. ч.—III. 423) и *сплё́тень.* Современная намъ школьная грамматика говоритъ, что имена на -*ня* имѣютъ въ род. п. мн. ч. окончаніе -ъ только тогда, когда передъ -*ня* стоитъ *гласная.* Слѣдовательно, согласно съ этимъ правиломъ, Пушкинъ употребляетъ: *боги́нь*, *пѣсенъ, ба́шенъ, пусты́нь, колоко́ленъ, чере́шенъ* и *деревéнь* (т. к. слово «*дере́вня*» составляетъ исключеніе изъ этого правила грамматики. См. впрочемъ *Грота.* Рус. Правописаніе. Здѣсь уже внесены поправки насчетъ слова *ку́хня* и др.). Но несогласно съ этими правилами у Пушкина: *сплё́тень* и *ба́рышень.* Само собой разумѣется, что послѣднее вѣрно, если только въ изданіи соч. Пушкина Литер. Фондомъ безошибочно передана ороографія Пушкинскихъ оригиналовъ. (Срв., напр., здѣсь: *ба́шенъ,* но: *ба́рышень* — выше). Равнымъ образомъ несогласны съ этимъ школьнымъ правиломъ формы: *пѣсней*, *пусты́ней*, *Добры́ней*, (вин.), *сплё́тней* и, можетъ быть, форма: *бре́дней.* (Отъ сущ. plur. tantum: *бре́дни*—II. 161).

## § 14. **Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на** *-а*, *-я*, *-ь* **жен. рода.**

### Таблица В.

Изъ словъ, принадлежащихъ къ этому склоненію, только одно представляетъ собой форму предложнаго падежа ед. числа у Пушкина съ особымъ окончаніемъ, именно, *выи*—I. 57., гдѣ мы видимъ вмѣсто *-ѣ* окончаніе *-и;* но намъ неизвѣстно, какъ стояло въ подлинной рукописи автора, а потому остается возможнымъ предположеніе, что эта форма съ такимъ окончаніемъ и не принадлежитъ Пушкину, а представляетъ собой опечатку или ошибку изданія Литер. Фонда. Вотъ стихъ, гдѣ эта форма встрѣтилась:

«Отяготѣла днесь на ихъ надменной *выи*
Десница мстящая Творца». I. 57. Слово *выи* находится

въ риѳмѣ со словомъ *Россіи* (род. п.—выше. I. 56). Срв. однако у Пушкина предл. п. ед. ч. *шеѣ* (III. 163. 329. 507) и проч. съ окончаніемъ *-ѣ*.

## § 15. **Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія на** *-а*, *-я*, *-ь* **жен. рода.**

### Таблица Д.

Твор. падежъ ед. числа въ этомъ склоненіи у Пушкина имѣетъ тѣ-же два окончанія, которыя образуются взаимнымъ чередованіемъ звуковъ *і* и *ъ*, какъ мы видѣли уже и выше во всѣхъ возможныхъ случаяхъ такого чередованія. (См. §§ 1. 8. 11). Поэтому и здѣсь мы видимъ два окончанія: *-ію* и *-ью: любóвію* (I. 48) и *любóвью* (I. 8. 144), *крóвію* (I. 55) и *крóвью* (II. 130), *ки́стію* (II. 174) и *ки́стью* (I. 94), *жи́знію* (VII. 225) и *жи́знью* (I. 96. 181), *сѣнію* (I. 99) и *сѣнью* (I. 171. 181). Изъ всѣхъ

этихъ примѣровъ замѣчателенъ примѣръ *жизнію*—твор. п. ед. ч. съ окончаніемъ *-ію въ прозѣ* Пушкина: мы обыкновенно сокращаемъ это окончаніе въ прозаическомъ языкѣ на *-ью.* Срв. также въ таблицѣ *Д: рѣчію* (II. 282) и *рѣчью* (II. 282). Варьяція этихъ окончаній вызвана у Пушкина требованіями стихотворнаго размѣра.

Род. падежъ мн. числа отмѣтимъ *зыбéй* (I. 304. III. 255) отъ сл. *зыбь*, употребляемаго обыкновенно только въ единств. числѣ; и *пѣсней* (II. 364), которая можетъ быть формою род. п. мн. ч. отъ сл. *пѣснь* (II. 244) и отъ сл. *пѣсня*, какъ мы видѣли выше по формамъ *сплéтней*—род. п. мн. ч., *бýрей*—род. п. мн. ч. и др. (§ 13).

Вин. п. мн. ч. *печáли* (II. 308) представляетъ собой интересъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ объ употребленіи Пушкинымъ этого слова не только въ единств. числѣ, но и во множ. числѣ. Срв. твор. п. мн. ч. *печáлями* (I. 150).

Твор. п. мн. ч. вообще, какъ мы видѣли изъ таблицы *Д*, можетъ оканчиваться у Пушкина, какъ и въ современномъ намъ литературномъ языкѣ, на *-ьми* и *-ями* (срв. соврем. *дверьми* и *дверями* и проч.), хотя *собственно* принадлежащимъ къ *этому* склоненію окончаніемъ твор. падежа мн. ч. служитъ одно *-ьми*, бывшее нѣкогда единственнымъ окончаніемъ этой формы падежа. У Пушкина мы находимъ: *костьмú* (III. 178) и *костя́ми* (II. 20. 235), *страстьмú* (III. 228) и *страстя́ми* (III. 110). Такимъ же окончаніемъ образована у Пушкина форма твор. падежа мн. числа *печатьми* (VI. 306) отъ имен. *печать*, стоящая *въ прозѣ;* вмѣсто нея мы нынѣ употребляемъ форму *печатями*, образованную по склоненію на *-ъ* муж. рода (по аналогіи со склоненіемъ на *-а -я* жен. рода). Срв. у Пушкина форму *плетьми* также въ прозѣ: VI. 8. 65.

По отношенію къ склоненію слова *мать* слѣдуетъ замѣтить, что Пушкинъ употребилъ форму *мáтерь* въ имен. падежѣ единств. числа—III. 508,—и въ винит. падежѣ единств. числа—III. 492. Собственно говоря, форма *матерь* есть форма стараго *винитель-*

*наго* падежа ед. числа; для именительнаго же она легко возстановляется вмѣсто формы *мать* (др. р. *мати*) на основаніи закона подравненія формъ склоненія, т. е. по аналогіи съ косвенными падежами, гдѣ мы имѣемъ одну общую основу *матер*, и правильно образованныя формы косвенныхъ падежей по склоненію на -ъ жен. рода сами собой какъ-бы вызываютъ форму имен. падежа ед. числа *мáтерь*.

## § 16. **Склоненіе именъ существительныхъ, употребляемыхъ въ одномъ множ. числѣ.**

Всѣ таковыя имена склоняются у Пушкина по одному изъ вышеприведенныхъ образцовъ въ таблицахъ, смотря по окончанію имен. падежа множ. числа и по значенію имени сущ. въ рѣчи. Такъ какъ эти имена существительныя въ своемъ склоненіи слѣдуютъ не тѣмъ признакамъ дѣленія именъ на склоненія, которые положены нами выше въ основу дѣленія именъ на склоненія (см. Предисловіе къ I-му выпуску нашей Грамматики), а слѣдуютъ частью окончаніямъ *им. падежа мн. числа*, частью-же измѣненіе ихъ по падежамъ мн. числа обусловлено *значеніемъ* слова и потому образованіями падежей *по аналогіи* съ разсмотрѣнными выше, то мы здѣсь даемъ въ *отдѣльной* таблицѣ образцы склоненія такихъ именъ у Пушкина.

| | | |
|---|---|---|
| И. | лю́ди (III. 410. 490), ку́дри, (I. 213. 276), уста́ (I. 241. II. 10). III. 300. 490., | са́ни (III. 99. IV. 49), мо́щи (I. 289. II. 328), врата́ (I. 7), ворота (IV. 50). |
| Р. | люде́й (III. 63), гу́слей (II. 204), ку́дрей (I. 34), устъ (I. 295), | сане́й (II. 102), щей (II. 146. III. 409), ште́й (V. 235), моще́й (III. 414), вратъ (I. 82. 172. II. 166), воро́тъ (I. 8. II. 47. III. 97 III. 370. |

Д. лю́дямъ (III. 385), уста́мъ (I. 150. II. 2. IV. 161), воро́тамъ (II. 304. IV. 136).

В. люде́й (III. 74), ку́дри (III. 262), (въ) заше́и (III. 513), са́ни (III. 513). IV. 47, уста́ (II. 3), ворота́ (III. 519). III. 371, врата́ (II. 166), воро́та (II. 28).

З. лю́ди (III. 393).

Т. людьми́ (III. 186), ку́дрями (I. 10), санями (VI. 73), уста́ми (I. 48), очками (VII. 254), ворота́ми (III. 97). III. 366. 98.

П. людяхъ (V. 336), кудря́хъ (II. 358), саня́хъ (III. 97. 333), дро́жкахъ (III. 410), уста́хъ (I. 48. 321. II. 103. IV. 142), очка́хъ (I. 209), ворота́хъ (III. 373), врата́хъ (I. 275).

## § 17. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія именъ, употребляемыхъ въ одномъ множ. числѣ.

Изъ § 16 видно, что всѣ приведенныя въ немъ имена сущ. склоняются, несмотря на значеніе, или по образцу склоненія словъ *гость — кость*, или по образцу склоненія словъ *во́ды— лѣта*, при чемъ форма имен. падежа множ. числа на *-а* (*ворота*) усвоиваетъ слову, по ученію школьной современной грамматики, значеніе имени *средняго рода*, а форма на *-ы* съ род. падежомъ на *-ъ* — значеніе имени женскаго рода. Формы же на *-и* съ род. на *-ей* не обусловливаютъ собою родъ (срв. сл. *люди* и *кудри*—выше), и въ такомъ случаѣ приходится руководствоваться, гдѣ это возможно, (по ученію школьной грамматики) при опредѣленіи рода *значеніемъ* (срв. *люди* при ед. числѣ *людъ*).

Основываясь на вышесказанномъ, мы должны отнести къ жен. роду у Пушкина слово *но́жницы* (III. 244); *дроги* — вин.— IV. 57. Но не такъ легко рѣшить вопросъ о родѣ относительно слова *бре́дни* (II. 161), род. *бредней* (VII. 31), вин. *бре́дни* (I. 316. VII. 32). Можетъ быть, слѣдуетъ при этомъ помнить неупотребительную нынѣ форму *бре́дня?* (См. словарь *Даля* s. v. *бре́дить. Бре́день* — нвг. — м. р. = враки, вздоръ, пустословіе...).

Винит. падежъ отъ сл. *ворота* у Пушкина встрѣтился въ двухъ формахъ: *ворота́* (III. 519) и *воро́ты* (II. 26. Срв. выше: *жа́лы*, *сто́йлы* и проч. у Пушкина). Эта форма, вѣроятно, свидѣтельствуетъ о произношеніи Пушкина. (См. выше въ особой главѣ о произношеніи Пушкина).

Твор. падежъ также встрѣтился въ двухъ формахъ отъ этого-же слова: *ворота́ми* (III. 97) и старая форма твор. падежа: *воро́ты* (III. 511. Эта форма встрѣтилась въ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ» и, вѣроятно, представляетъ собой подражаніе народной формѣ, сохранившейся въ пѣсняхъ особенно замѣтно).

### II. Неправильное склоненіе (имена сущ. разносклоняемыя).
### А) Имена сущ. съ разными основами [1]).

### § 18. **Имена сущ. на** *-анинъ*, *-янинъ*, *-инъ* **и** *-енокъ*.

#### Образцы.

Единственное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | дворяни́нъ (II. 115). | граждани́нъ (I. 185). | |
| | боя́ринъ (III. 98. 551. VI. 304) | тата́ринъ (III. 3). | хозя́инъ (II. 146). III. 333. |
| | ребёнокъ (III. 462). | дитя́ (II. 103. 142. III. 249). | |
| Р. | боярина (VI. 307). | тата́рина (III. 520). дитя́ти (III. 490. IV. 22). | хозя́ина (IV. 59). |
| Д. | боя́рину (II. 115. VI. 304). | | хозяину (IV. 37). |
| В. | | граждани́на (II. 365). | |

1) Подъ *основою* здѣсь разумѣется та часть слова, которая остается неизмѣняемою при перемѣнѣ *падежныхъ* окончаній. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ *основа современнаго склоненія* можетъ не совпадать съ основою историческаго прошлаго въ нашемъ языкѣ.

| | | | |
|---|---|---|---|
| | боярина (VI. 303. 318). | | |
| | ребёнка (III. 462. 495). | | |
| З. | | дитя́ (II. 365). III. 288. 297. | |
| Т. | ребёнкомъ (III. 425). | дитя́тей (III. 452). | |
| П. | | | хозяинѣ (IV. 9). |

Множественное число.

| | | | |
|---|---|---|---|
| И. | дворя́не (III. 513. VI. 62). | гра́ждане (III. 2). | |
| | боя́ре (III. 2. 513. VI. 305. 307). | тата́ры (III. 483). | |
| | ребя́та (II. 45). | дѣти (II. 45. 183. 352. VII. 401). | |
| Р. | дворя́нъ (III. 5. V. 47. VI. 64). | гра́жда́нъ (I. 358. II. 121). | |
| | боя́ръ (II. 107. III. 6. IV. 13. VI. 311). | тата́ръ (I. 236. III. 549). V. 36. | хозя́евъ (III. 519). |
| | ребя́тъ (III. 364. 563). | дѣте́й (II. 347. III. 273). | |
| Д. | дворянамъ (IV. 33. VI. 65). | | |
| | боярамъ (VI. 305. 316). | | |
| | | дѣтямъ (III. 271). | |
| В. | дворянъ (VII. 212). | | |
| | бояръ (I. 285. III. 5. VI. 314). | татаръ (IV. 430). | |
| | ребятъ (VII. 206). | дѣте́й (II. 168. 349. VII. 366). | |
| З. | | гражда́не (III. 74). | |

| | | |
|---|---|---|
| | ребя́та (II. 124. III. 24). | дѣ́ти (II. 153. 206. 349). |
| Т. | дворянами (VI. 65). боярами (VI. 315). | дѣтьми́ (III. 278. VII. 403). |
| П. | | дѣ́тяхъ (II. 164. III. 450. VII. 324). |

NB. Такъ-же, т. е. съ разными основами для единств. и множ. числа, склоняются у Пушкина слѣдующія слова: *армяни́нъ* (I. 229. III. 409), *славяни́нъ* (I. 259. III. 409), *міря́нинъ* (III. 21), *селяни́нъ* (I. 272), *мѣщани́нъ* (II. 108. III. 550), *христіа́нинъ* (I. 177), *котёнокъ* (II. 154. III. 453) и друг. под. Къ этому-же склоненію, по различію основъ въ ед. и множ. числѣ, принадлежатъ слова: *небо*, *чудо*, *древо*, *слово* (см. § 9, гдѣ приведены всѣ формы отъ этихъ словъ съ разными основами у Пушкина: основы: *небес-*, *чудес-*, *древес-*, *словес-* только въ формахъ множ. числа у Пушкина. Въ ед. числѣ всѣ эти слова слѣдуютъ образцу *лѣто* — § 9 и 8. Во множ. числѣ: *небеса́*, *небе́съ*, *небеса́мъ*, *небеса́ми*, *небеса́хъ* — по образцу *лѣта* съ окончаніями множ. числа. См. тамъ-же §§ 8 и 9). Сюда же относится и слово *су́дно* при множ. числѣ *суда́*. (См. тамъ-же).

## § 19. **Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ склоненія сущ. съ разными основами.**

Именит. падежъ ед. и множ. числа въ именахъ сущ. этого склоненія отличается, какъ мы видѣли по образцамъ, отъ именит. падежа обоихъ чиселъ прочихъ склоненій тѣмъ, что въ немъ мѣняются основы склоненія, при чемъ одна основа служитъ для образованія падежей ед. числа, а другая — для образованія падежей множ. числа. Кромѣ этого, и окончанія именит. падежа множ. числа въ этомъ склоненіи отличаются отъ окончаній имен. падежа множ. числа прочихъ склоненій. Такъ, основой именъ на

*-анинъ*, *-янинъ* въ ед. числѣ служитъ часть слова безъ окончанія *-ъ*, т. е., напр., *гражданин-*, *дворянин-* и проч., между тѣмъ какъ основой ихъ во множ. числѣ служитъ уже часть слова безъ суффикса *-ин-* и окончанія *-ъ*: *граждан- дворян-* и проч.

Окончаніемъ имен. падежа множ. числа служитъ особенное окончаніе *-е*: *дворян-е* и т. под. Равнымъ образомъ въ именахъ на *-енокъ* основой ед. числа служитъ тоже часть слова безъ *-ъ*: *ребенок-*, но во множ. числѣ — другая основа *ребят-;* при чемъ окончаніемъ имен. п. множ. числа служитъ окончаніе *-а*, которое мы раньше видѣли лишь, какъ правило, въ именахъ средняго рода и, какъ исключеніе, въ именахъ муж. рода. Наконецъ, въ именахъ на *-инъ* основой ед. числа служитъ опять часть слова безъ *-ъ*: *хозяин-*, *татарин-*, а во множ. числѣ, кромѣ того, и безъ суф. *-ин-*: *хозя-* (имен. мн. ч. или *хозя-е*, или съ другимъ суф. — *хозя-ева-а*), *татар-* и проч. Окончаніемъ имен. падежа множ. числа отъ именъ на *-инъ* этого склоненія служитъ или *-е*, или *-а*. Замѣтимъ, что всѣ однако имена сущ. съ этими окончаніями и этого склоненія *муж. рода*, кромѣ словъ *дитя*, *слово*, *небо*, *древо*, *чудо* и *судно* (перечисляемъ только слова, встрѣчающіяся у Пушкина), которыя — *средняго рода.* Само собой разумѣется, что съ точки зрѣнія историческаго происхожденія склоненія этихъ всѣхъ именъ, составляющихъ нынѣ группу, объединенную нами въ этомъ склоненіи, мы не могли бы соединять въ одно склоненіе, напр., *орлёнокъ* (твор. п. III. 425) или *хозяинъ* и проч. съ формами множ. числа *орлята* или, напр., *медвѣжата* (II. 113), съ одной стороны, съ формами *хозяева* и проч., — съ другой, т. к. нѣкогда формы един. числа были другими, чѣмъ теперь, и склоненіе дѣйствительно было проникнуто единствомъ системы образованія падежныхъ формъ въ обоихъ числахъ, но въ современномъ намъ литературномъ русскомъ языкѣ этого единства мы уже не замѣчаемъ: оно съ теченіемъ времени уже нарушилось и разложилось, а потому и склоненіе этихъ именъ сущ. представляетъ нынѣ собой смѣшеніе разнообразныхъ основъ и различныхъ словъ, образующихъ собой новое склоненіе, состав-

ленное употребленіемъ языка и освященное этимъ употребленіемъ изъ нѣкогда различныхъ частей (срв. nomina defectiva). То-же мы видимъ и въ словѣ *дитя* съ основой ед. числа *дитят-* и множ. числа *-дѣт-*, при чемъ окончаніемъ этого имени въ имен. падежѣ *множ. числа* служитъ *-и*, а въ един. числѣ въ имен. падежѣ *-я* (конечно, опять окончаніемъ съ точки зрѣнія *современнаго* намъ языка), хотя это слово и *средняго рода*.

Нѣкоторыя формы́ имен. падежа у Пушкина требуютъ особыхъ замѣчаній: Такъ, Пушкинъ употребляетъ им. падежъ ед. числа: *мусульма́нъ* (I. 266. III. 411. Вмѣсто *мусульма́нинъ*), *молдава́нъ* (III. 409. Вм. *молдава́нинъ*). Съ другой стороны, у него находимъ: *бусурма́не* (III. 484. IV. 22) — имен. п. мн. числа, предполагающій собой форму ед. числа *бусурманинъ*. Отъ словъ: *болга́ринъ*, *тата́ринъ* и *цыганъ* (II. 362) Пушкинъ правильно производитъ формы им. падежа мн. числа: *болга́ры* (II. 60), *тата́ры* (III. 483) и *цыга́ны* [1]) (II. 347. VII. 297). Равнымъ образомъ у него находимъ всегда: *крестья́не* (IV. 136), *христіа́не* (III. 22). Слово-же *бѣсёнокъ* (II. 140. III. 453) въ им. и зват. п. мн. ч. — *бѣсеня́та* (II. 45. Вмѣсто неупотребительнаго *бѣся́та*, которое было бы правильнымъ. Срв. *ребя́та* при *ребёнокъ*—выше). Съ другой стороны, слово *щено́къ* у Пушкина правильно образуетъ им. — зват. множ. числа: *щенки́* (II. 46). По различію основъ въ обоихъ числахъ сюда же принадлежитъ слово *госпо-ди́нъ*, склоненіе котораго мы цѣликомъ здѣсь приводимъ:

| | | |
|---|---|---|
| И. | | господа (IV. 25). |
| Р. | | госпо́дъ (I. 368). VI. 73. IV. 13. 28. |
| Д. | господи́ну (III. 502). IV. 37. | господа́мъ (I. 320). |
| В. | | |

1) Интересно по поводу словъ на *-анинъ*, *-янинъ* и проч. сравнить мнѣніе самого Пушкина. Въ своихъ «Критич. Замѣткахъ» (V. 127) онъ говоритъ: «Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему?» ...Онъ дальше приводитъ объясненіе, которому однако самъ не всегда слѣдуетъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ видно изъ предыдущаго.

З. господи́нъ (III. 504). господа́ (I. 314. II. 124). IV. 38. 19.

Т. господи́номъ (I. 108).

П.

Родит. падежъ ед. и множ. числа. Отмѣтимъ формы: род. ед. *бусурма́на* (III. 494. Срв. именит. п. множ. числа — выше). Род. мн. ч.: *молдава́нъ* (I. 285. Срв. выше — им. п. ед. ч.), *славя́нъ* (II. 129. 190) и *славя́новъ* (II. 131), *цыга́новъ* (II. 364. Срв. им. ед. выше); род. ед. правильно: *цыга́на* (II. 353).

Дат. падежъ ед. и множ. числа. Здѣсь отмѣтимъ форму дат. мн. отъ сл. *хозяинъ—хозяямъ* (III. 520). Въ «сказкѣ о мертвой царевнѣ» эта форма употреблена Пушкинымъ, повидимому, въ подражаніе народному языку; форма эта старинная и правильная.

Остальныя формы: *поселя́намъ* (III. 379), *крестьянамъ* (IV. 137) и проч., а также ед. ч. *цыга́ну* (II. 348) — правильны и не вызываютъ объясненій.

Вин. падежъ мн. ч. представляетъ интересъ формою *мусульма́нъ* (IV. 329. Срв. выше форму им. п. ед. ч.).

Твор. п. ед. ч. и мн. ч. своими формами: *цыга́номъ* (II. 348), *орлё́нкомъ* (III. 425) и во мн. числѣ: *цыганами* (VII. 254), *крестьянами* (IV. 134. VII. 255), *молдаванами* (V. 38) и под. не представляетъ никакихъ особенностей.

Въ предл. падежѣ мн. ч. отмѣтимъ форму *россі́янахъ* (I. 347); особую по ударенію, но объ этомъ см. ниже особо.

Б) Имена существительныя съ разными окончаніями, принадлежащими разнымъ склоненіямъ (первому и второму).

### § 20. **Имена сущ. на** *-мя-*. **Общая основа на** *-ен-*.

### **Образцы.**

Единственное число.

И. пле́мя (II. 162. III. 279). вре́мя (I. 168. 266. III. 251).

Р. пле́мени (II. 166. 298). вре́мени (I. 96. II. 209).

| | |
|---|---|
| Д. *пла́мени* (II. 164). | |
| В. пле́мя (II. 51). | вре́мя (II. 97. III. 304). |
| З. пле́мя (II. 97. 183). | |
| Т. *пла́менемъ* (I. 192. III. 287). | вре́менемъ (I. 178). |
| П. *пла́мени* (III. 133. 412). | вре́мени (II. 167). |

Множественное число.

| | |
|---|---|
| И. племена́ (II. 129. 131. 192). | времена́ (I. 266. III. 22). |
| Р. племёнъ (I. 254. II. 131. 296). | времёнъ (I. 13. II. 103. 107. II. 202). III. 114. |
| Д. | времена́мъ (I. 13). |
| В. племена́ (I. 252). | времена́ (I. 253. II. 22. 242). |
| З. | времена́ (I. 57). |
| Т. *стремена́ми* (III. 495). | |
| П. | времена́хъ (II. 167). |

Точно такъ-же склоняются у Пушкина слова: *и́мя* (III. 35. 326. I. 216. I. 225. II. 63. III. 415. I. 216. I. 366), *пла́мя* (II. 184. 122. III. 270. I. 248), *бре́мя* (II. 164. I. 24. 266. III. 244. I. 104. II. 164), *зна́мя* (II. 184. III. 125. 270. 486. 128. I. 252. 257. II. 131. III. 143. 560. 37), *те́мя* (III. 319. 535. II. 231), *сѣ́мя* (III. 104. 36. V. 251), *стре́мя* (вин. I. 275. II. 138. III. 248. 507. II. 284. III. 495), им. мн. ч. *письмена́* (III. 415) и вин. мн. ч. *рамена́* (I. 365). Здѣсь въ скобкахъ приведены при каждомъ словѣ всѣ формы падежей отъ каждаго изъ перечисленныхъ словъ у Пушкина. О формѣ *пла́мень* въ им., вин. и зват. ед. вмѣсто *пламя* см. выше § 5.

## § 21. Замѣчанія къ отдѣльнымъ падежнымъ формамъ именъ сущ. на *-мя* съ основой на *-ен-*.

Нѣкоторыя формы перечисленныхъ выше именъ заслуживаютъ особыхъ замѣчаній. Такъ, въ ед. числѣ форма *бре́мя* (I. 24). Въ данномъ случаѣ, въ силу особенностей синтаксиса Пушкинскаго языка, форма *бре́мя* можетъ быть и формой вин. падежа,

и формой *родит. падежа* ед. числа. (Срв. народное: у меня нѣтъ *время* и под. при имен. падежѣ *вре́мё* и под.). Вотъ этотъ примѣръ:

«Пролетѣло счастья время,
Какъ любви не зная бремя,
Я живалъ да попѣвалъ»... (I. 24).

Далѣе, въ *предл. падежѣ* ед. числа у Пушкина встрѣтилась особая форма отъ слова *темя*: *на те́мѣ* (V. 135. Здѣсь говоритъ Пушкинъ о своихъ ошибкахъ. Въ примѣчаніи эти ошибки перечисляются. См. соч. V. 135 примѣчаніе 2-ое).

Во множ. числѣ отмѣтимъ формы род. падежа: *време́нъ* (III. 303) и *стреме́нъ* (III. 168). По поводу ф. *времянъ* см. «Критич. Замѣтки» Пушкина (V. 127), гдѣ приведена такая же форма этого слова изъ Батюшкова. Конечно, это форма не искусственная, какъ и *стреме́нъ*, а бывшая дѣйствительно въ языкѣ. Срв. современное *сѣмя́нъ* и у Пушкина выше *гумя́нъ* (см. § 9 — выше). Пушкинъ писалъ свои «Критич. Замѣтки» въ 1830—31 годахъ, и къ этому времени онъ уже хорошо зналъ русскій народный и старый книжный языкъ, сдѣлавши въ области того и другого уже много наблюденій и успѣховъ.

---

## ГЛАВА ВТОРАЯ.

### § 22. **Объ удареніи въ именахъ существительныхъ у Пушкина.**

Русскій языкъ обладаетъ свойствомъ, которое можно удобнѣе всего обозначить терминомъ: *подвижность ударенія*. Эта подвижность ударенія выражается въ области именъ существительныхъ и ихъ измѣненія тѣмъ, что удареніе, стоявшее на извѣстномъ слогѣ въ формѣ имен. падежа ед. числа, передвигается въ формахъ другихъ падежей ед. числа, а иногда и всего множ. числа, къ концу слова, останавливаясь на падежномъ окончаніи; или же, наоборотъ, удареніе передвигается на одинъ слогъ къ началу

слова въ формахъ падежей множ. числа. Такимъ образомъ получается нѣсколько типовъ одного и того-же слова, различаемыхъ по мѣсту ударенія: одинъ типъ им. падежа ед. числа, другой — косвенныхъ падежей, третій — им. п. мн. ч. Напр., каза́къ, казака́, каза́ки и казако́въ, откуда при взаимныхъ комбинаціяхъ и смѣшеніи образуются новые ряды словъ, различаемыхъ по ударенію: каза́къ, каза́ка́, каза́ки́, каза́ко́въ и т. д. То-же мы видимъ и въ жен. родѣ: скала́, скалы́, ска́лы, ска́лами и т. д., но потомъ возможны и новые ряды: скала́, скалы́, ска́лы́, ска́ла́ми и проч. Этимъ кореннымъ свойствомъ русскаго языка, какъ нельзя удачнѣе и шире, воспользовался Пушкинъ въ своей поэзіи. Очень понятно, что такая подвижность удареній весьма удобна при построеніи стихотворнаго ритма: стихъ при всякомъ ритмѣ можетъ оставаться чисто-русскимъ по формѣ и звуковому выраженію, а широкое пользованіе аналогіей въ этомъ случаѣ развиваетъ музыкальность и эластичность самаго языка въ его формальномъ и звуковомъ отношеніи. Это обстоятельство не ускользнуло отъ наблюденій тонкаго художника и дало ему новый рядъ идей, которыя, быть можетъ, безсознательно для него руководили имъ во время творческихъ процессовъ и обогащали собой при своемъ выраженіи въ словесно-музыкальной формѣ нашъ литературный языкъ. Строились новые ряды ассоціацій въ творческой мысли Пушкина; эти новые ряды входили въ соотношеніе съ дѣйствительными старыми фактами живого русскаго народнаго языка и частью тогдашняго литературнаго, вызывали въ послѣднемъ, въ свою очередь, новые факты комбинированнаго происхожденія, и въ результатѣ послѣ Пушкина тоническое богатство русскаго языка (не говоря о лексическомъ и морфологическомъ богатствѣ литературной рѣчи послѣ Пушкина) настолько измѣнилось въ количественномъ отношеніи, что послѣ Пушкина для насъ стали возможны и романы, и романсы, и любовныя письма, и драмы, и эпическія сказки въ музыкально-стихотворной формѣ, въ гармоническомъ созвучіи и сочетаніи идеи и словеснаго для ея выраженія знака—образа. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкину пришлось

самому *чеканить* русскій языкъ для изящной прозы и поэзіи всѣхъ видовъ. Мы знаемъ, что Пушкинъ не разъ обращался къ Академическому словарю (III. 245), ища въ немъ тѣхъ словъ, которыя еще ждали своихъ правъ на употребленіе, еще ждали своего примѣненія: не всѣ слова и находилъ Пушкинъ пригодными для литературной рѣчи, которая въ его время пестрѣла «иноплеменными словами». (Срв. III. 416—417. См. также статью: «О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности» — V. 19 и слѣд. Причины: «общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго». «Мы принуждены *создавать* обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ», говоритъ Пушкинъ въ другой статьѣ. См. V. Стр. 29, также—27. Срв. VII. 136.— Письмо къ кн. П. А. Вяземскому—№ 121, гдѣ Пушкинъ опять говоритъ о «дикомъ состояніи» нашего метафизическаго языка. Въ «Евг. Онѣгинѣ» блестящимъ образомъ самъ Пушкинъ выразилъ свое мнѣніе о тогдашнемъ литературномъ языкѣ, и на это онъ ссылается и въ письмѣ № 121. Припомнимъ письмо Татьяны и замѣчаніе Пушкина: «Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-русски»... См. III. 292. Строфа XXVI. Срв. о французской рѣчи въ нашемъ образованномъ обществѣ — III. 292 — 293. Строфы: XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX). Отсюда слѣдуетъ, что Пушкинъ долженъ былъ обращаться, кромѣ словаря, къ живому источнику — къ русской народной рѣчи и наблюдать ея свойства. Слѣдствіемъ этихъ наблюденій явилось глубокое знаніе живого русскаго языка и потребность воспользоваться этимъ знаніемъ и матеріалами для цѣлей литературныхъ. Чутье языка геніальнаго поэта было пріятно поражено и вполнѣ удовлетворено тѣми впечатлѣніями отъ свѣжей силы и богатства русскаго народнаго языка, которыя наполнили его творческую душу при изученіи народныхъ говоровъ и сокровищъ народной поэзіи. (V. 128. 232. VII. 96. особенно — VII. 87 и 88. Наконецъ намъ извѣстна воспѣтая Пушкинымъ его «Подруга дней суровыхъ», а также сказки его няни по роману «Евг. Онѣгинъ» — III. 315. и по сказкамъ самого Пушкина —

III. 449. 456. 529. 536 — примѣчанія при сказкахъ). Самымъ же разительнымъ и убѣдительнымъ фактомъ обогащенія нашего литературнаго языка Пушкинымъ служитъ то обстоятельство, что ни одно слово, ни одна форма, введенная въ нашъ языкъ Пушкинымъ, не была отброшена потомъ употребленіемъ языка и не казалась намъ *дикою* или *искусственною:* такъ тонко былъ усвоенъ поэтомъ *духъ* нашего языка и его свойства. (О произношеніи Пушкина и его времени см. особо). Несмотря на все это, Пушкинъ, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставался представителемъ своего времени и его языка. Это естественно потому, что самъ онъ не могъ *создать* заразъ всего, чего недоставало нашему литературному языку, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ произношенія, а особенно синтактическаго употребленія словъ въ рѣчи, Пушкинъ даетъ намъ примѣры уже нынѣ отжившаго произношенія (см. особо) или управленія и сочетанія словъ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ еще связанъ крѣпкими узами съ своимъ временемъ и съ своими предшественниками на литературномъ поприщѣ (см. особенно его прозу и отзывъ о ней самого Пушкина — V. 135). Наша Грамматика наглядно покажетъ фактами языка Пушкина то мѣсто, которое принадлежитъ нашему великому поэту въ общемъ историческомъ движеніи р. литературнаго языка. Переходя послѣ этихъ общихъ замѣчаній, необходимыхъ для установленія точки зрѣнія на языкъ Пушкина въ цѣломъ его составѣ, къ вопросу объ удареніи, прежде всего намѣтимъ главные пункты колебанія нашего ударенія въ именахъ существительныхъ. При этомъ будемъ однако имѣть въ виду, что мы занимаемся удареніемъ въ его современномъ видѣ и наблюдаемъ тѣ результаты его продолжительной жизни, которые являются передъ нами теперь въ видѣ законченныхъ и готовыхъ фактовъ; мы не будемъ касаться *исторіи* ударенія на существительномъ и его историческихъ видоизмѣненій.

У Пушкина мы находимъ первую группу словъ, въ которыхъ удареніе *неподвижное* во всѣхъ формахъ ед. числа: сюда принадлежатъ слова: *дру́гъ* (I. 5), [*дру́га* (II. 121), *дру́гу* (I. 10.

II. 19), *дру́га* (I. 2. III. 140), *дру́гомъ* (I. 289. II. 187)], *неду́гъ* (I. 191), [*неду́га* (II. 10), *неду́гомъ* (I. 310. II. 122)], *во́лкъ* (II. 100), [*во́лка* (III. 499)], *пе́рстъ* (I. 109), [*пе́рстомъ* (I. 167. II. 166)], *карту́зъ* (II. 18), [*карту́зѣ* (III. 333)], *лѣ́съ* (I. 6), [*лѣ́су* (II. 114), *лѣ́сѣ* (II. 162)], *бѣ́съ* (II. 99), *кувши́нъ* [*кувши́номъ* (I. 114), *кувши́нѣ* (I. 114)], *чо́лнъ* (III. 558. 567) — см. ниже.; *хо́лмъ* (I. 53. II. 72), [*хо́лма* (I. 91), *хо́лмѣ* (I. 13. 81. 92. 276)], *во́лхвъ* (твор. II. 315), *со́колъ* (род. III. 533. вин. III. 502), *ба́лъ* [предл. *ба́лѣ* (I. 133)], *вѣ́теръ* (II. 49), [*вѣ́тра* (II. 103. 163), *вѣ́тру* (III. 527)], *ви́тязь* (II. 239), [*ви́тязя* (II. 204), *ви́тяземъ* (II. 253), *ви́тязѣ* (II. 256)], *ко́рень*, *ве́нзель* (см. ниже), *то́поль* (I. 93), [*то́полемъ* (I. 53)], *у́голь* [*у́глемъ* (I. 367)], *о́зеро* (III. 504), [*о́зера* (I. 49), *о́зеру* (III. 504), *о́зеромъ* (I. 203. 204. III. 316), *о́зерѣ* (I. 53)], такія слова, какъ: *кладби́ще* (III. 494. род. II. 93. вин. II. 93. 188. III. 495. 501; предл. III. 494), *пепели́ще* (род. I. 14. II. 86. предл. I. 3), *жили́ще* (род. I. 15. вин. I. 67. предл. I. 3. II. 93), *мо́ре*, *по́ле* (см. таблицы), *рѣка́* (I. 120), [*рѣки́* (II. 286), *рѣкѣ́* (I. 113), *рѣку́* (II. 52), *рѣко́ю* (II. 220. III. 370. I. 10. 53), *рѣкѣ́* (II. 45)], *слуга́* [вин. II. 73. твор. (I. 161) и проч.], *вода́* (см. таблицу выше), *красота́* (I. 7. дат. I. 184. вин. I. 149. твор. I. 115. предл. I. 278), *волна́* (I. 113. род. I. 1. дат. I. 20. вин. II. 285. твор. I. 204. предл. II. 315), *судьба́* (II. 183. р. III. 122. д. I. 177. в. I. 359. тв. I. 7. 10. пр. I. 105. 144), *толпа́* (вин. I. 297. тв. II. 231. пр. I. 8), *гора́* (II. 148. р. I. 97. д. I. 295. тв. II. 219. пр. II. 283. См. ниже), *скала́* (I. 304. тв. I. 69. пр. I. 17), *сестра́* (III. 273. р. III. 273. д. I. 5. вин. III. 2. 273. тв. III. 521), *стрѣла́* (I. 181. III. 428. р. I. 18. в. I. 169. тв. II. 141), *семья́* (см. таблицу), *струя́*, *ку́дри* (I. 276. р. I. 34. тв. I. 10. См. ниже) и друг. Всѣ эти слова отличаются по ударенію въ стихотвореніяхъ Пушкина отъ обыкновеннаго для нихъ современнаго намъ литературнаго ударенія тѣмъ, что *сохраняютъ удареніе на одномъ мѣстѣ*, показанномъ нами выше, *не только во всѣхъ формахъ ед. числа* (не выключая и формы вин. п. ед. числа въ словахъ ж. рода на -*а*), *но и во*

*всѣхъ формахъ множ. числа*, или, по крайней мѣрѣ, такое ударенiе *сохраняется при своемъ варьянтѣ во множ. числѣ*, т. е. при ударенiи, совпадающемъ съ современнымъ намъ по мѣсту.

Вотъ формы множ. числа указанныхъ выше въ ед. числѣ словъ: *дру́ги* (III. 281. I. 65. 134. 275. II. 101. 206); *во́лки* (III. 500. но: *волко́въ*—III. 86., *волка́мъ*—III. 518); *пе́рсты* (I. 165. 23. но: *перста́ми*—I. 35. 183, *перста́хъ*—I. 164); *лѣса́* (III. 259. *лѣсо́въ*—II. 26. 155. III. 240. *лѣса́мъ*—I. 183. III. 368. *лѣса́хъ*—I. 154. 231. *лѣса́*—I. 236. II. 75. 103. III. 369). Слово *лѣсъ*, какъ видимъ, только въ ед. числѣ входитъ въ 1-ю группу, но это слово принадлежитъ собственно 3-й группѣ. См. ниже. *Бѣ́сы* (II. 100. но: *бѣсо́въ*—II. 12. 116. *бѣса́мъ*—III. 474); *чо́лны* (III. 564. I. 233; но въ ед. ч. предл. п.: *челнѣ́*—I. 233. II. 15); слово *тёрнъ* въ ед. ч. сохраняетъ ударенiе им. падежа, которое сохраняется и во множ. числѣ: *тёрны* (I. 115. *тёрнахъ*—I. 155); *хо́лмы* (III. 133. *хо́лмамъ*—I. 183. *хо́лмы*—I. 101. II. 207. 247. *хо́лмахъ*—I. 56. II. 66. 285. III. 143. Рядомъ и: *холмы́*—I. 141. 151. 236. 258. 288. *холмо́въ*—I. 53. 205. 207. II. 254. *холма́мъ*—I. 289. II. 234. *холма́ми*—I. 145. II. 68); въ ед. ч. такъ же: *хо́лма*—I. 91. *холма́*—I. 19. 184. 203. III. 364. *холмо́мъ*—I. 105. II. 128. III. 364. *хо́лмѣ*—I. 13. 81. 92. 276. *холмѣ́*—II. 68); слово *во́лхвъ* относится по формѣ *волхвы́* (I. 274) къ 3-й группѣ, но въ твор. ед.: *во́лхвомъ*—II. 315.—указанiе на то, что мы могли бы ожидать сохраненiя ударенiя на корнѣ. Сл. *со́колъ* формами: *сокола́* (III. 533), *сокола́ми* (III. 470) принадлежитъ къ 3-й группѣ. Сл. *балъ* во мн. числѣ: *ба́ловъ* (III. 246. 560), *ба́лы* (III. 246), *ба́лахъ* (I. 24). Слово *вѣ́теръ* во мн. числѣ: *вѣ́тры* (I. 17. *вѣ́тровъ*—III. 569. *вѣ́трамъ*—I. 54); *ви́тязи* (II. 229. *ви́тязей*—I. 371. II. 202. 232. и въ ед. числѣ—вездѣ); *корне́й* (II. 44. 183. но: *ко́рни*—II. 43. 285. *ко́рнями*—III. 355); сл. *ве́нзель* своими формами: *вензелё́мъ*—I. 366—тв. ед. и *вензеля́*—им. мн.—I. 367.—составляетъ исключенiе. *То́поли* (I. 98. III. 132), *то́полей* (I. 34. III. 127); *бо́евъ*—I. 128. 257.—род. мн. ч.; *у́гли* (I. 56. II. 111.

*у́глей*—III. 28. *у́глями*—II. 348). Сл. *о́зеро* формами мн. ч. *озёръ* (I. 134) и *озера́ми* (III. 506) принадлежитъ къ 3-й группѣ. *Кладби́ща, жили́ща* (III. 17); слова *мо́ре* и *по́ле* по мн. ч. принадлежатъ къ 3-й группѣ. *Рѣка́мъ* (II. 28. *рѣка́ми* — I. 57. III. 506); *слу́ги* (III. 512. но: *слуга́мъ* — II. 151); *во́ды* (I. 81. но: *вода́мъ*—III. 395. *вода́ми*—I. 108. *вода́хъ*—II. 306); *красоты́*—им. мн. (I. 171. *красота́мъ* — I. 125. II. 188); также: *высоты́* (I. 332. д. I. 11); *во́лны* (I. 134. 306. но: *волна́мъ*—I. 113. III. 559. *волна́ми*—I. 54. II. 27. *волна́хъ*—I. 204); *судьбы́*—им. мн. (II. 180. III. 414. *судьба́мъ*—I. 149. 359. *судьба́ми*—I. 129); *толпы́* (I. 206. *толпа́ми* — I. 183. *толпа́хъ* — II. 51); *го́ры* (I. 38. но: *гора́мъ*—I. 181. 267. III. 19. *гора́ми*—II. 280. *гора́хъ*—II. 224); *ска́лы* (II. 168. но: *скала́мъ*—I. 12. *скалы́*—II. 9. *скала́ми*—I. 69. 295. *скала́хъ*—II. 244); *сёстры* (III. 477. но: *сестра́ми*—I. 10. III. 97); *стрѣ́лы* (I. 19. 54. но: *стрѣла́ми*—I. 274); *семьи́* — им. мн. (I. 236. *семе́й* — II. 347. *семья́ми* — III. 333); *струи́*—им. мн.—I. 140. 236. *струя́ми*—I. 16. *струя́хъ*—I. 41. *ку́дри* (I. 276. 213. III. 262. *ку́дрей*—I. 34. *ку́дрями*—I. 10. но: *кудря́хъ*—II. 358). Вин. мн.— *бѣды́*—I. 89. *бѣда́хъ*—I. 30. *струна́ми*—I. 55. Однако не такъ: *сосна́* и *лоза́* (II. 258. I. 224). Слѣдовательно, безусловно съ неподвижнымъ удареніемъ у Пушкина слѣд. слова: *дру́гъ* (со множ. *дру́ги*), *неду́гъ*, *карту́зъ*, *кувши́нъ*, *ба́лъ*, *вѣ́теръ*, *ви́тязь*, *то́поль*, *у́голь*, *кладби́ще*, *пепели́ще*, *жили́ще*, *красота́*, *высота́*, *судьба́*, *толпа̀*, *семья́*, *струя́* и, м. б., нѣкоторыя другія. Слова съ плавнымъ сочетаніемъ (см. выше) составляютъ особую группу по неустойчивости своего ударенія на корнѣ и суффиксѣ: они имѣютъ всегда варьянтныя формы, кромѣ нѣкоторыхъ формъ: *волко́въ*, *волка́мъ*, *перста́ми*, *перста́хъ*, *челнѣ́*, *холмо́мъ*, *холма́ми*, *волхвы́*, *во́лны*. Всѣ эти формы представляютъ изъ себя въ количественномъ отношеніи такой ничтожный процентъ случаевъ съ удареніемъ на падежномъ суффиксѣ или вообще съ удареніемъ на иномъ мѣстѣ, чѣмъ въ им. падежѣ ед. числа, что мы въ правѣ сдѣлать выводъ слѣдующій: *Пушкинъ въ словахъ плавнаго сочетанія обнаружилъ склонность къ сохра-*

*нению ударенія им. падежа ед. числа во всѣхъ формахъ обоихъ чиселъ, при чемъ удареніе на корнѣ является у Пушкина въ такихъ словахъ всегда возможнымъ: даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно въ им. п. ед. ч. стояло на окончаніи.*

Исключеніе составляютъ для множ. числа такія слова, какъ *во́лкъ* (см. III. 86. 518), *пе́рстъ* (см. I. 35. 183. 164), *хо́лмъ* (см. I. 141. 151. 236. 258. 288. 205. 53. 207. II. 254. 234. I. 289. 145. II. 68. I. 18), *во́лхвъ* (см. I. 274), *волна́* (см. I. 306. 134. 113. 54. II. 27. I. 204); всѣ эти слова отличаются тѣмъ, что они имѣютъ во множ. числѣ двоякое удареніе у Пушкина: или на корнѣ, или на падежномъ суффиксѣ. Особенно важно то, что эти слова (исключеніе можетъ быть признано за словомъ: *челнъ*, которое въ предл. п. ед. ч. имѣетъ *челнѣ́*) могутъ быть объединены общимъ названіемъ словъ такъ называемаго *плавнаго сочетанія*, т. е. съ древне-русскими ъ или ь передъ *р* или *л* между согласными.

Вторую группу словъ мы можемъ отмѣтить въ стихотвореніяхъ Пушкина особенностью ихъ переноситъ удареніе съ того слога, на которомъ оно находится въ формѣ им. п. ед. числа, на другой, конечный, во всѣхъ формахъ ед. и множ. числа. Сюда относятся: *врагъ, врага́, враги́, враго́въ, до́ждь, дождя́, дожди́, дожде́й, шала́шъ, шалаша́, шалаши́, сти́хъ, стиха́, стихи́, грѣхъ, ковёръ, усъ, мечъ, колду́нъ, шалу́нъ, крестъ, каза́къ* [1]), *поля́къ*. Въ этихъ словахъ у Пушкина замѣчается полное совпаденіе съ современнымъ литературнымъ удареніемъ. Исключеніе можно замѣтить только въ словѣ: *поля́къ*.

Для второй группы словъ вотъ примѣры: *вра́гъ* (III. 507. р. II. 56. III. 141. д. I. 321. III. 145. в. III. 145. тв. I. 15. III. 560. им. мн. III. 147. р. I. 100. д. III. 351. в. III. 309. тв. II. 51), *до́ждь* (I. 272. II. 140. III. 355. р. II. 165. тв. II. 178. 184. им. мн. I. 276. р. I. 207. в. I. 272. тв. II. 139. 182),

---

1) Въ этомъ словѣ мы сохраняемъ правописаніе изданія Литер. Фонда (см. Предисловіе). Въ Акад. изданіи это слово вездѣ печатается черезъ *о* послѣ *к*.

*шала́шъ* (III. 328. р. II. 44. пр. I. 309), также *пала́шъ*, *рубе́жъ* (см. I. 26. II. 192. III. 150. II. 364. 163), *мяте́жъ* (II. 7. I. 316. 239); *ра́бъ* (II. 145. им. мн. II. 231. р. I. 206. д. III. 25. в. III. 15. тв. III. 29), *сто́лбъ* и *сто́лпъ* (III. 373. 527. II. 76. III. 525. 570. II. 27), *сти́хъ* (II. 83. р. I. 107. тв. II. 52. им. мн. II. 105. р. I. 6. д. I. 11. в. I. 9. тв. I. 10. 368. пр. I. 106); *грѣ́хъ* (р. III. 237. 535. р. мн. III. 128. в. I. 174. 329), также: *жени́хъ* (д. III. 100. в. III. 99. тв. III. 470. пр. I. 159. им. мн. III. 118. 521. р. III. 112. д. III. 110. в. III. 110), *пѣту́хъ* (тв. III. 88. им. мн. I. 108. р. II. 147. III. 474. тв. I. 83. III. 370), *пасту́хъ* (I. 366. III. 318. им. мн. I. 368. р. II. 128. 211), *ковёръ* (I. 182. тв. III. 519. р. мн. III. 247. в. II. 205. тв. II. 74), также: *шатёръ*, *дворъ*, *козёлъ*, *жéзлъ*, *сто́лъ*, *орёлъ*, *кома́ръ*, *во́лъ* (см. III. 533. 143. II. 168. в. мн. II. 97. 347. р. ед. III. 88. 236. тв. ед. II. 204. 90. III. 535. II. 92. пр. ед. II. 101. им. мн. II. 103. 111. р. мн. II. 76. 128. тв. мн. I. 69); *у́съ* (I. 120. р. I. 120. им. мн. I. 120. р. I. 120. в. I. 121. III. 528. пр. II. 17); *ме́чъ*, *лу́чъ*, *клю́чъ*, *пала́чъ*, *бога́чъ*, *би́чъ* (I. 146. 149. II. 16. 239. I. 144. II. 16. I. 342. 239. III. 3. I. 137. 299. р. II. 235. III. 297. II. 16. I. 299. III. 3. д. II. 132. 297. III. 172. тв. II. 3. 204. 239. им. мн. III. 146. I. 236. II. 113. 111. I. 267. р. I. 128. II. 67. 212. I. 149. II. 6. 168. III. 116. 172. 584. д. I. 56. 103. 274. III. 142. 558. II. 186. III. 563. в. I. 19. II. 277. III. 178. I. 341. II. 50. тв. I. 56. 72. 128. 53. III. 263. I. 338. пр. мн. ч. II. 96); *колду́нъ*, *шалу́нъ* (II. 203. III. 323. р. II. 209. д. I. 124. тв. III. 16. им. мн. II. 213. р. II. 213); *кре́стъ*, *мо́стъ* (III. 403. р. III. 128. 428. д. I. 171. тв. II. 46. 70. пр. I. 184. II. 186. им. мн. III. 6. 564. р. I. 84. III. 563. тв. I. 289. пр. III. 373); [1]) сравнивая по ударенію слова: *каза́къ* (I. 58. III. 118) и *поля́къ* (II. 89), мы видимъ, что послѣднее представляетъ исключеніе: р. ед.: *казака́* (III. 136), *поляка́* (I.

1) Въ этомъ перечнѣ мы не приводимъ вообще тѣхъ формъ, въ которыхъ удареніе обусловлено падежнымъ окончаніемъ. О такихъ формахъ и удареніи мы говорили выше. См. § 6. Кромѣ единственной формы *вензеля́*—им. п. мн. ч.

334), тв. *казако́мъ* (I. 100), им. мн. *казакú* (II. 285. 296. III. 143. 149), *полякú* (III. 72), р. *казако́въ* (II. 284. 296. III. 118. 145), *поляко́въ* (III. 49. вин), но и: *поля́ковъ* (III. 42), вин. *поля́ковъ* (II. 153); тв. *казака́ми* (II. 68. III. 145), *поляка́ми* (II. 108). Также: *дура́къ*, *стари́къ*, *чуда́къ*, *чепра́къ*, *мужи́къ*, *сунду́къ*, *по́лкъ*, *черда́къ* (II. 80. 207. д. III. 499. в. III. 176. II. 155. III. 535. I. 108. тв. I. 100. II. 206. пр. I. 10. им. мн. I. 10. III. 143. 137. р. I. 126. III. 245. I. 46. д. I. 10. III. 176. в. III. 370. II. 150. тв. III. 143. пр. I. 10) и нѣкр. другія, отъ которыхъ рѣже встрѣчаются формы, напр., *челно́къ*, *замо́къ*, *знато́къ*, *чуло́къ* (см. II. 211. 210. 96. 47. III. 89), *язы́къ* (см. ниже), *моло́децъ*, *ца́рь*, *кора́бль*, *ру́бль* и др.

Третью группу составляютъ слова, которыя у Пушкина имѣютъ *подвижное удареніе только въ формахъ множ. числа*, т. е. формы только множ. числа отличаются по мѣсту ударенія отъ формъ ед. числа, въ которомъ удареніе остается неподвижнымъ. Сюда относятся у Пушкина слова: *ро́гъ*, *лу́гъ*, *бе́регъ*, *снѣ́гъ*, *бо́гъ*, *ша́гъ*, *ду́хъ* (см. ниже), *во́лкъ* (см. ниже), *лѣ́съ*, *бѣ́съ* (см. ниже), *гро́бъ*, *дубъ*, *домъ* (см. ниже), *со́колъ*, *ве́нзель* (см. ниже), *кра́й*, *о́блако*, *лѣ́то* (см. ниже), *о́зеро* (см. ниже), *мо́ре*, *по́ле*, *рука́* (см. ниже), *жена́*, *сосна́*, *изба́*, *гора́*, *скала́*, *дочь*, *мать* и нѣкр. друг. см. ниже. Вотъ формы множ. числа отъ этихъ словъ, представляющія подвижное удареніе, т. е. отклоненное сравнительно съ формами падежей ед. числа: *рога́ми* (I. 50. пр. III. 329), *луго́въ* (I. 140. III. 247), *берего́въ*—I. 114. II. 52. 207. III. 559. *снѣго́въ*—II. 74. *бого́въ*—I. 239. II. 51. *шаго́въ*—II. 19. 182. III. 352. *духи́*—III. 244. (но: *ду́хи*—II. 100 въ иномъ значеніи), *духо́въ*—I. 136. II. 214. *волко́въ*—III. 86. (но: *во́лки*—III. 500). *лѣсо́въ*—II. 26. 155. III. 240. *бѣсо́въ*—II. 12. 116. (но: *бѣ́сы*—II. 100). Также: *голосо́въ*—III. 101, *гробо́въ*—I. 104. II. 19. 130, *домо́въ*—I. 236. Также: *зубо́въ*—III. 244, *громо́въ*—II. 128. *теремо́въ*—III. 517. Отъ сл. *со́колъ* имѣемъ форму твор. п. *сокола́ми*—III. 470. Отъ сл. *ве́нзель*—им. мн. *вензеля́*—I. 367 и твор. ед. *вензелёмъ*—I. 366. *кра́евъ*—I. 33. 185. III. 89. но:

*бóевъ*—род. мн.—I. 128. 257—къ группѣ 1-ой; *облакóвъ*—I. 225. II. 283. (но и: *óблакъ*—I. 14); твор. *лѣтáми*—I. 208. (но и: *лѣтами*—I. 13. *лѣта*—I. 197. *лѣтамъ*—I. 328 и *лѣтá*—им. зват. — I. 179. 130); *озёръ* — I. 134. *морéй* — I. 233. II. 211. *полéй*—I. 53. 182. II. 208. III. 325. (*моря́-поля́*—I. 153. 289); *рýкъ* — I. 65. *нóгъ* — I. 277. III. 247. (приводятся ради им. падежей: *рýки*—II. 47. *нóги*—II. 279); прочія формы мн. числа отъ этихъ двухъ словъ удерживаютъ удареніе на слогѣ им. падежа ед. ч.: дат. I. 311. III. 98. I. 90. 181. тв. I. 26. 114. II. 306. пр. I. 38. III. 116. Также: *рѣкá* (см. выше); *женъ*—I. 123. (*жёны*—II. 153. 111), *сóсенъ*—I. 54. 170. III. 360. (*сóсны*—II. 28. III. 100. 355); *и́зобъ*—III. 436. (Срв. *и́збъ*—VI. 46), при им. мн. *и́збы*—III. 558. *скáлъ*—I. 17. II. 28. *гóръ*—I. 290. (При: *скáлы*—II. 168. *гóры*—I. 38. но: *скалáмъ*, *горáмъ* и проч. См. выше). Такъ-же: *и́гры*—I. 182. *стрѣ́лы*—I. 19. 54. (р. I. 234. 311) при: *и́грами*—I. 310. *и́грахъ*—II. 37. 168. но: *стрѣлáми*—I. 274. (См. выше). *Дочерéй*—III. 122 и проч. падежи во мн. числѣ. Дат. падежъ мн. числа: I. 12. 14. 37. III. 559. I. 259. II. 75; I. 132. *(берегáмъ, снѣгáмъ, лугáмъ, богáмъ);* III. 518. 368. 474. I. 183. *(бѣсáмъ, лѣсáмъ, голосáмъ)*, III. 8. 5. I. 336. *(гробáмъ, домáмъ);* II. 203. I. 53. (*края́мъ, облакáмъ;* но и: *óблакамъ*—I. 204); II. 233. (*зеркалáмъ*); III. 560. I. 183. 184. 207. III. 116. *(моря́мъ, поля́мъ);* II. 111. I. 59. (*жёнамъ, и́збамъ*). Твор. п. мн. ч.: I. 50. II. 17. 69. III. 482. I. 152. III. 369. *(рогáми, берегáми, снѣгáми, шагáми, богáми, лугáми);* II. 189. III. 484. (*гробáми, зубáми*); III. 470. (*соколáми*); II. 69. I. 208. III. 506. (*облакáми, лѣтáми*, но и: *лѣтами*—I. 13. *озерáми*); II. 258. (*сóснами*); *дочерьми́*—III. 246.

Предл. п. мн. ч.: III. 329. III. 145. I. 259. 289. 7. 179. 365. III. 290. I. 174. III. 90. 114. 247 *(рогáхъ, шагáхъ, берегáхъ — брегáхъ, снѣгáхъ, лугáхъ)*; I. 154. 231. 26. 182 *(лѣсáхъ, волосáхъ)*; I. 70. II. 17. I. 26. I. 104. II. 47 *(гробáхъ, зубáхъ, домáхъ, громáхъ,* но и: *грóмахъ* — II. 93); I. 114 (*края́хъ*); I. 8. 53. 204. II. 287. I. 297. 127. II. 268 (*облакáхъ, моря́хъ, поля́хъ*);

здѣсь не приводятся формы *изъ прозы* Пушкина. Такимъ образомъ, мы видѣли всѣ отклоненія въ удареніяхъ именъ сущ. у Пушкина сравнительно съ литературными удареніями нашего времени (такія отклоненія приведены въ скобкахъ съ оговоркою при правильныхъ формахъ), а равно видѣли и всѣ случаи совпаденія удареній у Пушкина съ современными литературными. Мы разбили всѣ слова по удареніямъ на три группы: а) группа словъ съ неподвижнымъ удареніемъ, b) группа словъ съ подвижнымъ въ обоихъ числахъ и с) группа словъ съ подвижнымъ удареніемъ въ одномъ множ. числѣ. Всѣ исключенія приведены нами особо цѣликомъ частью въ скобкахъ, частью оговорены въ текстѣ выше.

Намъ предстоитъ еще указать на слѣдующія группы: d) двоякое удареніе во всѣхъ (или въ большинствѣ) формахъ ед. и множ. числа у Пушкина; е) двоякое удареніе въ нѣкоторыхъ формахъ ед. или множ. числа; f) особое удареніе Пушкина отъ литературнаго современнаго въ им. п. ед. числа и нѣкоторыхъ другихъ падежахъ; g) удареніе вин. п. ед. ч. именъ жен. рода на *-а* у Пушкина и h) потерю удареній при энклитическомъ употребленіи словъ.

Къ группѣ *d*) относится слово *ко́нь* и *дѣви́ца*: дат. *ко́ню* — I. 59, *коню́* — II. 139, *ко́ней* — II. 347. III. 504, *коне́й* — I. 73. 128. III. 497, *ко́нямъ* — II. 99, *коня́мъ* — II. 208, *дѣ́вица* — I. 66. III. 101, *дѣви́ца* — III. 101. 424 р. II. 153 и 245, в. III. 101. Большею частью, однако, удареніе на 2-мъ слогѣ. Къ группѣ *е* принадлежатъ формы: *сѣ́няхъ* — II. 103 и *сѣня́хъ* — III. 110, *же́мчугомъ* — III. 465 и *жемчуго́мъ* — I. 20. 247, *язы́комъ* — II. 29 и *языко́мъ* — I. 157, *поля́ковъ* и *поляко́въ* (см. в.), *персто́мъ* — I. 89 и *пе́рстомъ* — I. 167. II. 166, *фило́софъ* — I. 86. 116 и *филосо́фъ* — I. 83, *плюще́мъ* — I. 182. II. 28 и *плю́щемъ* — I. 96, *гра́ждане* — III. 2 и *гражда́не* — III. 74, *гра́жданъ* — II. 121 и *гражда́нъ* — I. 358, *зе́фиръ* — I. 35, твор. п. ед. ч. — I. 24 и *зефи́ръ* — I. 3, *дѣ́вица* — I. 66. III. 101 и *дѣви́ца* — III. 101. 424, *бро́ню* — I. 103 и *броню́* — II. 156 (при им. ед. *броня́* — I. 19); *гру́ди* — I. 14. 48. 65 и *груди́* — I. 38 (дат.), I. 101. 50.

II. 307 (предл. ед.); *ночи* — I. 25. II. 326 и *ночи́* — I. 12. 55 (род.); I. 16. 362 (предл. ед); *знамена́* — I. 252. II. 131 и *зна-мёна* — I. 257, *ворота́* — III. 519 и *воро́та* — II. 28 (при: *воро́тъ* — I. 8. II. 47. III. 97, *воро́тамъ* — II. 304, но: *ворота́ми* — III. 97, *ворота́хъ* — III. 373). *Су́дарь* — зв. ед. — Лицейскій автографъ стих. «Къ Дельвигу» 1815 г. (Акад. изд. Примѣч. стр. 160) и *суда́рь* (III. 100. 101). Слово *молоде́цъ* только въ дат. мн. имѣетъ одинъ разъ *мо́лодцамъ* — III. 535, но вообще входитъ во 2-ю группу съ подвижнымъ удареніемъ въ обоихъ числахъ: *молодца́*, *молодцы́* (III. 137. 97. 101. II. 153). *У́тра* — I. 108. 117. 326. III. 133 и *утра́* (род. ед.) — I. 40. 327. 235. II. 125; *у́тру*—II. 43 и *утру́*—I. 153. (Срв. Акад. изданіе. I. 219 съ другимъ правописаніемъ). *Се́ребро* —III. 100 и *серебро́* — III. 326. 464.

Къ группѣ *f* относятся слова: *жемчу́гъ* (вин. II. 212. III. 98), *призра́къ* (II. 230, срв. I. 135: *при́зракъ*), *евну́хъ* (II. 111), *су́дно* — I. 330. III. 440, *раве́нство* — I. 338, *кру́жева* — I. 66. (Срв. предл. мн. I. 209), *волше́бствъ* — II. 92 (твор. мн. II. 213); *дово́ды* (вин. мн. I. 247), *пѣ́стунъ* (I. 69), *отзы́вы* (вин. мн. I. 304), *ко́лецъ* — III. 283, *више́нникъ* — вин. ед. — I. 61, *симво́лъ* — I. 182. 290, *зе́ркалъ* — род. мн. II. 18. (Срв. другіе падежи—II. 233. III. 244). Какъ видимъ, такихъ словъ очень мало въ стихахъ Пушкина [1].

Къ группѣ *g* мы отнесемъ всѣ правильныя по ударенію формы вин. п. ед. ч. ж. рода склоненія на *-а: ко́су*, *со́сну*, *и́збу*, *во́ду*, *бо́роду*, *но́гу*, *ру́ку*, *го́ру*, *ду́шу*, но при этомъ видимъ: *зиму́* (III. 370). См. II. 326. II. 240. II. 45. I. 118. II. 307. 228. I. 251. 27. II. 307. 182. I. 136.

Наконецъ, группу *h* составляютъ энклитически употребленныя формы съ предлогами: въ этомъ случаѣ имя существительное въ

---

1) Мы имѣемъ у Пушкина также: *ру́сло* (вин. ед. II. 28), но у А. Толстого: *русло́* (вин. п. ед. ч. «Царь Θеодоръ Іоанновичъ». Полное собраніе соч. III. Спб. 1885. Типогр. Стасюлевича. Стр. 197). Нынѣ въ говорахъ слышны на этомъ словѣ тоже разныя ударенія.

произношеніи теряетъ свое удареніе, передавая его предыдущему предлогу. Само собой разумѣется, что матеріаломъ для группы *h*, какъ и вообще матеріаломъ для всей этой главы, послужилъ намъ матеріалъ, заключающійся *только* въ *стихотворныхъ* произведеніяхъ Пушкина, т. к. только въ этихъ послѣднихъ можно наблюдать удареніе и опредѣлить его мѣсто въ произношеніи Пушкина. Мы не въ правѣ по прозаическимъ произведеніямъ Пушкина, которыя мы читаемъ по-своему, — т. е. согласно съ современнымъ намъ произношеніемъ и съ особенностями этого произношенія у современныхъ намъ читателей съ ихъ субъективными діалектическими чертами при передачѣ Пушкинскихъ прозаическихъ произведеній, — судить о произношеніи *самого* Пушкина: для этого остается только стихотворный матеріалъ съ его ритмическимъ складомъ въ поэзіи; но при этомъ возможна одна только опасность — принять удареніе ритмическое за удареніе этимологическое. Для избѣжанія этого мы, во-первыхъ, *скандовали* каждый стихъ, изъ котораго взятъ нами примѣръ ударенія, и, во-вторыхъ, провѣряли данный примѣръ фактами великорусской діалектологіи, и лишь въ случаѣ совпаденія живыхъ фактовъ діалектологіи съ фактами стихотворной рѣчи Пушкина мы заносили послѣдніе въ Грамматику, въ группу *h*.

Вотъ примѣры энклитической потери ударенія именами существительными въ стихотвореніяхъ Пушкина: *ý брега* (III. 149) въ стихѣ:

«Драба́нты у́ брега̀ Днѣпра́
Коне́й разсѣдланны̀хъ поили»...

Въ этихъ стихахъ мы отмѣчаемъ, какъ и ниже, острымъ удареніемъ (acc. acutus) этимологическое, а тупымъ (acc. gravis) — ритмическое. Это — ямбъ. (Срв. амфибрахій: I. 276: «И ви́дятъ — на хо́лмѣ у бре́га Днѣпра́»...). *Нá смѣхъ* (I. 124) въ стихѣ: «Чтобъ лю́дямъ на́ смѣхъ и́ на зло́»... Это — ямбъ. (Срв. II. 230: «Какъ бы́ на смѣхъ ея́ супру́гу»... Тоже—ямбъ). *О́троду* (III. 581) въ стихѣ: «Я не́ былъ о́троду̀ къ собла́знамъ у̀влечёнъ»... Ямбъ. Здѣсь слово *о́троду*, благодаря энклитическому употребленію, образовало уже родъ нарѣчія. (У Пушкина

есть и другое правописаніе: «отъ роду». Срв. выше § 2. Соч. IV. 3. 12. 16). *По́ льду* (I. 258) въ стихѣ: «И по́ льду̀ зву́чному̀ безтре́петно̀ иду́тъ»... Ямбъ. *По́ саду* (II. 152) въ стихѣ: «Вы́стрѣлъ по́ саду̀ разда́лся»... Хорей. Вѣроятно, энклитическимъ употребленіемъ слова «шо́потъ» въ произношеніи Пушкина объясняется и форма «по-шепту» (IV. 118) во фразѣ: «а между тѣмъ по-шепту объявилъ Полинѣ о его смерти». (Въ прозѣ; по правописанію черезъ тире видно, что выраженіе «по-шепту» употреблено въ смыслѣ нарѣчія). Такъ-же энклитически и не послѣ предлога, но послѣ числит. *три: три́ раза* (I. 369) въ стихѣ:

«Два, три́ раза̀, и пя́ть и ше́сть
Онъ хо́четъ на́дпись пѐрече́сть»... Ямбъ. Срв.

«Изъ стекля́нки три́ раза̀ хлебну́ла»... II. 147. Или: «И три́ раза̀ мнѣ сни́лся то́тъ-же со́нъ»... III. 11, Тоже—ямбы. *И́зъ лѣсу* (I. 114) въ стихѣ: «Вдругъ и́зъ лѣсу̀ румя́ный»... Ямбъ. Срв. въ сказкѣ народнаго склада: «Что изъ лѣ́су, изъ лѣ́су изъ дрему́чаго-»... II. 113. *Ко́ лбу* (I. 64) въ стихѣ: Ко́ лбу пе́рстъ приста́вя тща́тельно̀»... Хорей. Или: *По́ лбу* (III. 535) въ стихѣ:

«Ца́рь хвати́лъ его́ жезло́мъ
По́ лбу; то́тъ упа́лъ ничко́мъ»... Тоже — хорей.

*На́ домъ* (II. 153) въ стихѣ: «Привезётъ онъ мнѣ на́ домъ невѣ́стку»... Анапестъ. *На́ конь!* (III. 532) въ стихѣ: «Лю́ди, на́ конь! Э́й, живѣ́е!»... Хорей. *На́ ухо* (I. 175) въ стихѣ:

«Шепну́ вамъ на́-ухо̀: вы пра́вы,
И съ ва́ми со̀глаша́юсь я́!»... Ямбъ. Правописаніе

«на́-ухо» черезъ тире, кому бы оно ни принадлежало: Пушкину-ли, или издателямъ его сочиненій и редактору ихъ, показываетъ употребленіе этого выраженія въ смыслѣ нарѣчія. *По́ сердцу* (III. 462. 463 bis) въ стихѣ:

Сама́ ты ра̀зсуди́. Князья́ не во́льны,
Какъ дѣ́вицы̀: не по́ сердцу̀ они́
Себѣ́ подру́гъ беру́тъ, а по́ разсче́тамъ»... Ямбъ. *По́*

*локоть* (III. 463) въ стихѣ:

«Пускáй же бъ óнъ съ досáды òтруби́лъ
Мнѣ рýки пó локòть, пускáй бы тýтъ же
Онъ рàстоптáлъ меня́ свои́мъ конёмъ»... Ямбъ. *За́ полы* (III. 463) въ стихѣ: «Я зá полы́ егó не ỳцѣпи́лась!»... Ямбъ. *На́ сердце* (II. 116) въ стихѣ:

«Все нàводи́ло слáдкій нѣ́кій стрáхъ
Мнѣ нá сердцѐ; и слéзы вдòхновéнья
При ви́дѣ и́хъ рождáлись нá глазáхъ»... Ямбъ.

*По́ полю* (I. 274) въ стихѣ: «Князь пó полю ѣ́детъ на вѣ́рномъ конѣ́»... Амфибрахій. Срв. въ ямбическомъ стихѣ II. 73. «И ры́сью пó полю̀ при пéрвомъ свѣ́тѣ дня́»... *На́ руку* (I. 81) въ стихѣ: «Главóю нá рукý склонéнъ»... Ямбъ. *На́ руки* (III. 375) въ стихѣ: «А я́ такъ нá рукѝ бралà»... Ямбъ. *За́ уши* (III. 375) въ стихѣ: «А я́ такъ зá ушѝ дралá»... Тоже ямбъ. *На́ зиму* (III. 276) въ стихѣ: «Соли́ла нá зимý грибы́»... Ямбъ. (Срв. III. 370: «Нейдётъ онá зимý встрѣчáть»... Тоже ямбъ. Удареніе именит. падежа ед. числа. См. выше § 22. Глава вторая. Группа *д*). *По́ цѣпи* (II. 202) въ стихѣ: «Все хóдитъ пó цѣпѝ кругóмъ»... Ямбъ.

*О́тъ слова̀* (III. 426 въ хореѣ), *на́ берѐгъ* (III. 427), *по́ небу́*, *по́ морю̀* (III. 427 все въ хореѣ); *у́ моря̀* (III. 428), *на́ морѣ̀* (III. 430), срв. III. 432. 434. *И́зъ моря̀* (III. 441 bis — все въ хореѣ); *за́ морѐмъ* (III. 441), *на́ носъ* (III. 442). Срв. однако: *на̀ носу́* — III. 442, гдѣ мы видимъ первое удареніе — ритмическое, а второе — этимологическое въ силу требованій этимологіи, т. е. падежнаго окончанія *-у-* въ предл. п. ед. ч. (См. выше § 7). Изъ этихъ примѣровъ (какъ и изъ другихъ подобныхъ, которыхъ мы не перечисляли) видно, что чаще всего Пушкинъ употребляетъ въ стихахъ энклитически имена сущ. въ род. и вин. падежахъ съ предлогами: *у*, *отъ*, *изъ* (съ род.) и *на*, *по*, *за* (съ вин. п.), затѣмъ — въ дат. п. съ предлогами *по* и *ко*; затѣмъ, наконецъ, предложный и твор. пп. съ предлогами:

*на* (предл. п.) и *за* (твор. п.). Кромѣ того, нѣсколько случаевъ такого употребленія (безъ ударенія) именъ существительныхъ при числительномъ *три* съ формою стараго двойств. числа (современнаго род. падежа ед. числа).

Въ заключеніи этой главы объ удареніи въ именахъ существительныхъ у Пушкина мы приведемъ для наглядности и выводовъ перечень всѣхъ случаевъ отклоненія ударенія отъ современнаго намъ литературнаго ударенія въ стихотвореніяхъ Пушкина. При этомъ варьянты ударепій, совпадающіе съ современнымъ намъ, не приводятся здѣсь: всѣ они приведены выше.

Имена мужескаго рода:

пе́рстомъ, пе́рсты, карту́зѣ, кувши́номъ, кувши́нѣ, хо́лма, хо́лмѣ, хо́лмы, хо́лмамъ, хо́лмахъ, во́лхвомъ, ба́лы, ба́ловъ, ба́лахъ, у́глей, у́глями, вѣ́тровъ, вѣ́трамъ, ко́рнями, *вензелёмъ*, то́полей, *пѣстунъ*, *отзы́вы*, ко́ню, ко́ней, ко́нямъ, *жемчуго́мъ*, язы́комъ, *жемчу́гъ*, *филосо́фъ*, плю́щемъ, *гражда́не*, *гражда́нъ*, *евну́хъ*, *призра́къ*, *дово́ды*, *уса́*-род., *поляко́въ*, *грома́хъ*.

Изъ этого перечня мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что Пушкинъ вообще въ словахъ муж. рода имѣлъ склонность сохранять удареніе им. падежа ед. числа при падежныхъ измѣненіяхъ. Отступленія отъ этого правила у Пушкина или въ самомъ им. падежѣ, или въ косвенныхъ, указаны нами посредствомъ подчеркнутыхъ выше примѣровъ муж. рода: въ этихъ примѣрахъ или уже въ самомъ им. падежѣ удареніе Пушкина отличается отъ современнаго литературнаго (призра́къ), или въ косвенныхъ падежахъ (вензелёмъ).

Имена средняго рода:

лѣ́та, — им. мн., лѣ́тамъ, лѣ́тами, о́блакамъ, *ворота́*, *озера́ми*. Та-же склонность.

Имена женскаго рода:

рѣку́, зиму́, рѣка́мъ, рѣка́ми, судьбы́ — им. мн., судьба́мъ, судьба́ми, толпы́ — им. мн., толпа́ми, толпа́хъ, слуга́мъ, вода́мъ,

вода́ми, красоты́ — им. мн., красота́мъ, высоты́ — им. мн., высота́мъ, волна́мъ, волна́ми, волна́хъ, гора́мъ, гора́ми, гора́хъ, скалы́ — им. мн., скала́мъ, скала́ми, скала́хъ, сестра́ми, стрѣла́ми, бѣды́, бѣда́хъ, струна́ми, слеза́мъ, слеза́ми, слеза́хъ, семьи́ — им. мн., семья́ми, струи́ — им. мн., струя́ми, струя́хъ, бро́ню — вин., груди́ — род. и предл., но́чи — род. и предл., дѣ́вица — им. ед., ку́дрей, ку́дрями. Но не такъ: *сосна́*, *лоза́*, *жена́*, *игра́*.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Пушкинъ обнаружилъ и въ именахъ жен. рода ту-же склонность сохранять во всѣхъ падежахъ удареніе на мѣстѣ, на которомъ оно стояло въ формѣ им. падежа ед. числа. Особенно это послѣдовательно проведено Пушкинымъ въ именахъ существительныхъ жен. рода, оканчивающихся въ им. п. ед. числа на ударяемое *а* (*я*). Удареніе им. падежа ед. числа непремѣнно сохраняется въ формахъ дат., твор. и предл. падежей множ. числа, какъ показываетъ большинство приведенныхъ примѣровъ.

